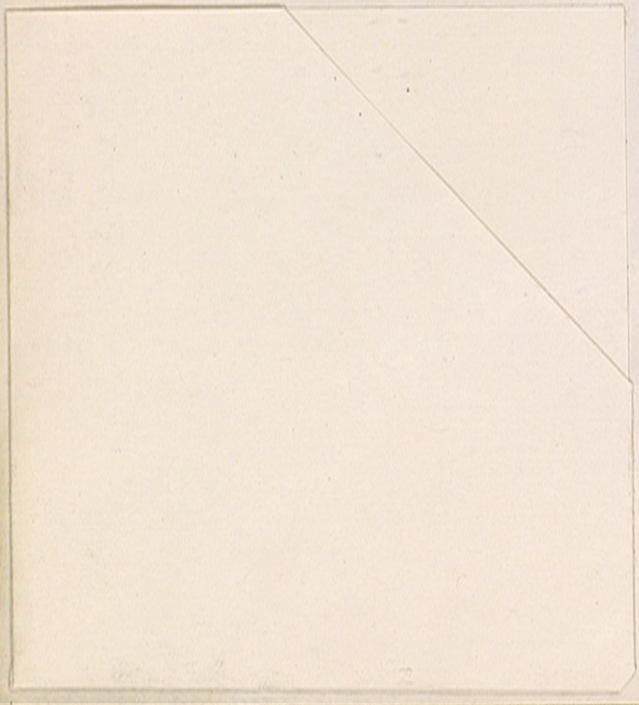
Л. ЧАРСКАЯ

ГИМНАЗИСТЫ

Издан
В. И. Губинс



Л. А. Чарская.

37.65.2.30

ГИМНАЗИСТЫ.

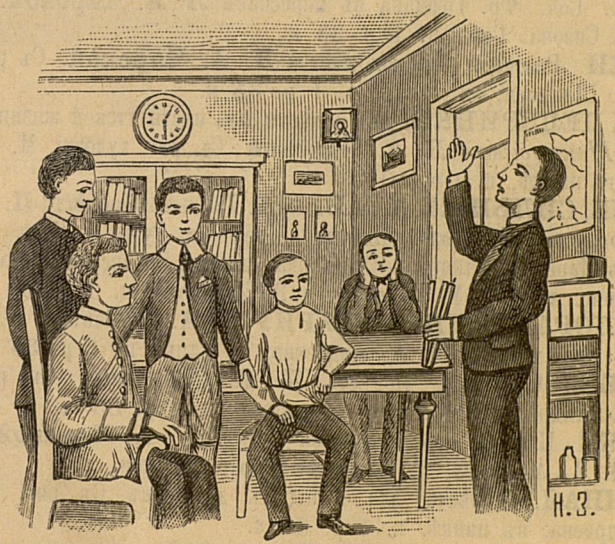
ПОВѢСТЬ.

СИРЕНА.

ПОВѢСТЬ.

ВЪ ГЛУШИ.

РАЗСКАЗЪ.



СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА М. А. АНДРЕЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
2-ое ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

*СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской**, съ рисун. художника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской**, съ 49 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ. Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской**. Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

*СОЛНЫШКО. Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской**. Съ рисунками, художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ. Разсказы для дѣтей младш. возр. **Л. А. Чарской**, 2-ое изд. съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ГИМНАЗИСТКИ. 10 разсказовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева. гравир. Ю. Шублеръ, А. Смирновъ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.—Въ глуши*. Три разсказа **Л. А. Чарской**. Съ рисун. художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Соч. Фр. Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. А. Сизова. Спб., ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской**. Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка и Некрасивая* **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ. Три истор. повѣсти **Л. А. Чарской**. *Содержаніе:* Долой Перуна! Крещеніе Руси. — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. Марѳа Посадница.—Сююнбека, царица Казанская. Покореніе Казани. Съ рис. художн. М. Андреева и Б. Чорикова; ц. 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ЛОРАНСКИХЪ.—ДУРНУШКА. Двѣ повѣсти **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. А. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А. Чарской**. Съ рисунками; художн. М. Андреева. 256 стран. въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ПРІЮТКИ. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. А. Андреева, ц. въ папкѣ 1 руб. 50 коп.

ОСОБЕННАЯ. Повѣсть для молодыхъ дѣвушекъ. Съ рис. художника М. А. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

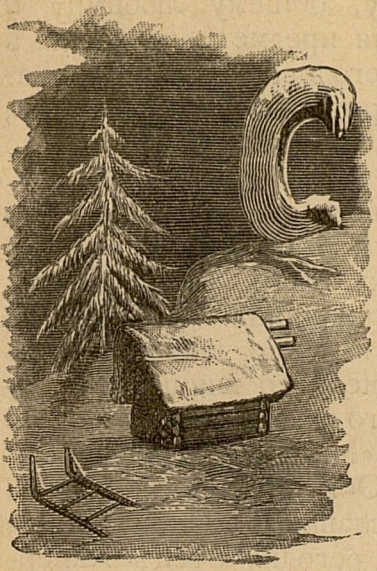
„**ОГОНЕКЪ**“. Повѣсть **Лидіи Чарской**. Съ рисунками; цѣна 35 к.

ВЕЧЕРНІЕ РАЗСКАЗЫ. 10 разсказовъ **Лидіи Чарской**. Съ рис. художн. М. А. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

„**НА РАЗСВѢТѢ**“. 15 разсказовъ **Лидіи Чарской** для дѣтей средняго возраста. Съ рис. художницы Лебедевой-Анохиной, въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

Гос. Публичная библиотека Ленинград

Типографія П. Ф. Вощинской. Ярославская ул. 1—9.



ГЛАВА I.

Отецъ Капернаумъ.

ВЯЩЕННИКЪ отецъ Василій Крестовоздвиженскій, прозванный не вѣдомо почему гимназистами отцомъ Капернаумомъ, придерживая рукой лиловую, шелковую, мягко шуршащую рясу, входилъ въ классъ. Окинувъ быстрымъ взоромъ присутствующихъ, батюшка сразу убѣдился, что у „Аріанъ нечестивыхъ", какъ называлъ онъ, а за нимъ и вся гимназія осьмиклассниковъ, нѣчто стряслось.

На видъ, однако, все обстояло благополучно. Силачъ и верзила Бабаевъ, прозванный товарищами Самсономъ, безмятежно игралъ въ дурачки въ „раѣ"—иначе, на послѣдней партѣ—съ высокимъ худощавымъ и близорукимъ Ватрушинымъ или Кисточкой, прозваннымъ такъ за его постоянную привычку кивать въ разговорѣ, какъ-бы поддакивая, собесѣднику. Красивый, черноглазый и глуповатый армянинъ Соврадзе, „мурза" по прозвищу, упивался чтеніемъ запрещеннаго романа, запустивъ обѣ руки въ свою синевато-черную кудлатую голову. Порывистый, пылкій, быстрый и живой, какъ ртуть, Гремушинъ ожесточенно доказывалъ что-то своему сосѣду остряку и сорви-

головѣ Мишѣ Каменскому, общему любимцу и баловню, и въ то же время предмету всяческихъ заботъ и справедливаго негодованія всего гимназическаго начальства—„тридцать три проказы“, какъ про него говорили съ восторгомъ его-же одноклассники.

Въ уголку, за отдѣльнымъ столикомъ, сидѣли «иностранцы», какъ называлъ батюшка худенькаго, малорослаго, горячаго, какъ огонь, еврея Флуга, бѣлобрысаго, всегда уравновѣшаннаго, спокойнаго остзейца барона Нэда фонъ-Ренке, длиннаго, какъ жердь, высомѣрнаго и надменнаго юношу и вертляваго поляка, хорошенькаго женоподобнаго Стася Гудзинскаго, прозваннаго, «Марусей» за его чисто женственную ласковость. Обыкновенно иновѣрцы на время уроковъ православнаго Закона Божія удалялись изъ класса, но сегодня отецъ Капернаумъ спѣшилъ на панихиду по умершему богачу комерсанту и не разсчитывалъ давать урока болѣе получаса, а на столь короткое время иновѣрцы рѣшили, что переселяться изъ класса не стоитъ и ограничились водвореніемъ себя за отдѣльный столикъ. „Мурза“ же, поглощенный чтеніемъ, такъ и остался сидѣть на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

И такъ въ восьмомъ классѣ, повидимому, все обстояло благополучно. Но опытный глазъ батюшки не обманулъ его. Какое-то сдержанное шушуканье, похожее на шумъ отдаленнаго прибоя, посилось отъ времени до времени по классу. По временамъ невинные, бѣлые, какъ миніатюрные хлопья снѣга бумажки, перелетали съ парты на парту, на лету схватывались, налету читались и исчезали куда-то невинные, бѣлые, ничего неговорящіе зоркому глазу преподавателя. Батюшка, любопытный отъ природы, не отказался бы узнать

ни за что на свѣтѣ причину общаго возбужденія. Но зная, опять-таки по опыту, что нечестивые аріане—народъ скрытный и насмѣшливый, и еще, чего добраго, поднимутъ на смѣхъ за излишнюю любознательность, батюшка вздохнулъ только и послѣ краткой молитвы, прочтенной дежурнымъ по классу, расправилъ свою красивую, русую бороду и, помѣстившись на каѳедрѣ, обвелъ глазами классъ.

Въ тотъ же мигъ, сосѣдъ Соврадзе, высоченный мрачный Комаровскій чуть-чуть подтолкнулъ подъ локоть зачитавшагося армянина.

— Спрячь книгу, мурза... Капернаумъ смотритъ.

— Э... Отстань, пожалуйста! Вотъ чэловэкъ!.. Бить буду!—неожиданно и громко заключилъ тотъ.

Несмотря на четырехгодичное пребываніе въ гимназіи (онъ поступилъ прямо въ 4-ый классъ),— Соврадзе все еще не умѣлъ чисто говорить по-русски и немилосердно коверкалъ языкъ къ полному огорченію преподавателя русской словесности.

— Соврадзе! тоненькимъ теноркомъ обратился законоучитель, къ мгновенно вскочившему со своего мѣста кавказцу,—положите храненіе на уста ваши до болѣе удобнаго для разговоровъ времени!

— Услыхалъ-таки! проворчалъ себѣ подъ носъ Соврадзе, — вотъ чэловэкъ! и съ шумомъ опустился на своемъ мѣстѣ.

— Слонъ! Чуть скамейку не вывернулъ! — разсердился Комаровскій, подпрыгнувшій чуть-ли ни на полъ-аршина при этомъ грузномъ плюханьи «мурзы».

Между тѣмъ батюшка раскрылъ классный журналъ, обмакнулъ перо въ чернильницу и, поставивъ имъ крошечную точку противъ одной изъ фамилій, произнесъ кратко:

— Николай Гремушинъ. Пожалуйте.

Батюшка былъ изъ „молодыхъ“, недавно кончилъ академію, носилъ кокетливый академическій значекъ на груди и говорилъ ученикамъ «вы», всѣмъ безъ исключенія.

Коля Гремушинъ вскочилъ, какъ ужаленный, со своего мѣста...

— Простите, батюшка. Я не готовилъ урока,— произнесъ онъ, чуть-чуть заикаясь и густо краснѣя алымъ, яркимъ румянцемъ.

— Да ну-у? изумленно протянулъ батюшка. Гремушинъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, занимался онъ прекрасно, никогда не манкировалъ и былъ на хорошемъ счету у начальства. Отецъ Капернаумъ взглянулъ на юношу, какъ на трудно-больного, нуждающагося въ скорой и безотлагательной помощи и произнесъ печально:

— Не хорошо, Гремушинъ... Не похвально!.. Вы, можно сказать, въ предверіи университета, дѣйствительный, можно сказать, студентъ черезъ три мѣсяца и такое упущеніе. Садитесь, Гремушинъ и, какъ ни прискорбно, я долженъ вамъ поставить двойку.—И еще разъ съ сокрушеннымъ видомъ покачавъ головою, батюшка уже обмакнулъ перо въ чернильницу, готовясь привести свою угрозу въ исполненіе, какъ неожиданно съ послѣдней скамейки поднялся высокій Комаровскій и произнесъ мрачно и уныло:

— Батюшка! Вы хотите поставить «пару» Гремушкѣ, но въ такомъ случаѣ и мнѣ... и намъ всѣмъ по парѣ внесите... потому что никто изъ насъ урока не готовилъ... И...и не въ зубъ толкнуть о Даніилѣ Заточникѣ.

— Да... да... никто не училъ... Не готовили!— дружно прогудѣло по классу.

Батюшка пугливо насторожился.

— Такъ и есть. — Набѣдокурили сорванцы! вихремъ пронеслось подъ его пышной и густой шевелюрой.

Но вдругъ болѣе счастливая мысль замѣнила только что мелькнувшую догадку и отецъ Капернаумъ, загадочно улыбнувшись, произнесъ глядя куда-то вдаль своими добрыми, сѣрыми глазами:

— А Радинъ, я знаю, все же приготовилъ заданное! Выйдите сюда и отвѣчайте, Радинъ.

Красивый, блѣдный, невысокій юноша, лѣтъ семнадцати, не торопясь поднялся со своего мѣста. Его тонкое породистое лицо, съ синими, чистыми глазами, съ благородно очерченнымъ горделивымъ ртомъ, съ цѣлою шапкою густыхъ, каштановыхъ кудрей, открытое, мужественное и прекрасное, смѣло повернулось къ отцу Капернауму.

— Вы ошиблись, батюшка, я тоже не готовилъ урока на сегодня! произнесъ онъ мягкимъ и пріятнымъ теноромъ.

Юрій Радинъ вмѣстѣ съ барономъ Нэдомъ фонъ-Ренке были первыми учениками класса и будущими медалистами, внѣ всякаго сомнѣнія. На Юрія Радина отецъ Капернаумъ надѣялся, какъ на каменную стѣну. Его прилежаніе и усердіе ставились на видъ всѣмъ остальнымъ ученикамъ и поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если подобный отвѣтъ любимца привелъ въ справедливое уныніе опечаленнаго батюшку.

— Какъ-же вы такъ, юноша? безпомощно развелъ руками священникъ.

— Я не готовилъ урока! еще разъ спокойно и не громко произнесъ Радинъ.

Отецъ Капернаумъ хотѣлъ отвѣтить что-то,

раскрылъ ротъ, но ему не пришлось произнести ни слова.

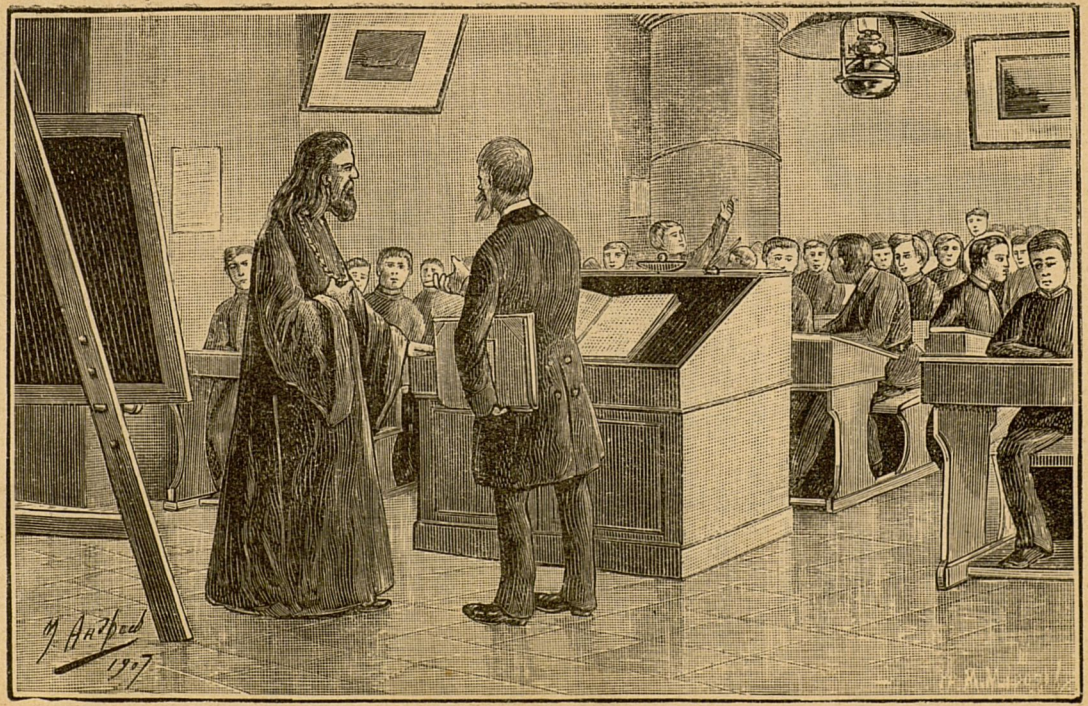
Быстрѣе птицы ринулся со своего мѣста отъ столика «иновѣрцевъ» маленькій, черноокій еврей Флугъ, съ пылающимъ взоромъ и лихорадочными пятнами чахоточнаго румянца на щекахъ. Въ одну секунду пробѣжавъ длинное узкое пространство между классными партами, онъ очутился передъ отцомъ Капернаумомъ, весь взволнованный, трепещущій и возбужденный.

— Господинъ священникъ!—прозвенѣлъ его надреснутый отъ явнаго недуга голосокъ,—г. священникъ, выслушайте меня... Вы русскій законоучитель—я еврейскій юноша,—ученикъ... Мы люди совершенно различныхъ положеній... Но, какъ и у всѣхъ людей, должна быть соединяющая ихъ связь, такъ и у русскаго священника съ еврейскимъ юношей должно быть соединяющее ихъ души звено... Это звено—чуткость... И она должна быть вамъ присуща, господинъ священникъ.

— Аминь! Истина, да будетъ такъ!—прогудѣлъ загробнымъ голосомъ Каменскій со своего мѣста на первой партѣ.

— Каменскій! не юродствуйте!—осадилъ его батюшка,—а, вы, Флугъ...

Но отцу Капернауму не суждено было и на этотъ разъ докончить своей фразы. Дверь широко распахнулась и въ классъ Аріанъ пулей влетѣлъ или, по выраженію гимназистовъ, «вонзился» Луканька.



Дверь широко распахнулась и въ классъ Аріанъ пулей влетѣлъ Луканька.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ГЛАВА II.

На допросъ къ директору.

МАРТЬЯНЪ Ивановичъ Лукановъ, инспекторъ классовъ N-ской гимназіи, имѣлъ цѣлыхъ три прозвища, не въ примѣръ прочимъ. Звали инспектора „тѣнью отца Гамлета“ за его чрезвычайно худую, какъ у скилета, костлявую фигуру, на которой точно на вѣшалкѣ болтался форменный вицъ-мундиръ! Звали еще почтеннаго Мартьяна Ивановича „Иродомъ“ за его хроническое, упорное преслѣдованіе гимназистовъ и, наконецъ, „Луканькой“. Послѣднее прозвище являлось самымъ общеупотребительнымъ и распространеннымъ. По первому же взгляду, кинутому на инспектора, отецъ Капернаумъ понялъ, что предчувствіе не обмануло его, что у Аріанъ доподлинно что-то стряслось и весьма нешуточное. Худое, сухое и дряблое лицо инспектора все прыгало отъ волненія. Грязновато-сѣрыя баки вздрагивали... Губы тряслись... Въ его лѣвой рукѣ была внушительныхъ размѣровъ штрафная тетрадка, „послужной списокъ“, какъ прозвали ее гимназисты, вся испещренная фамиліями провинившихся учениковъ, подлежащихъ взысканію за всякаго рода сложныя и несложныя продѣлки и проступки, „вольные, яже невольные“.

Въ другой рукѣ Луканька держалъ карандашъ, нервно постукивающій о толстую обложку „послужнаго списка“.

— Простите, батюшка,—произнесъ онъ, наскоро подходя подъ благословеніе къ священни-

ку,—но я по приказанію директора принужденъ отозвать троихъ учениковъ съ вашего урока. Дѣло требуетъ безотлагательнаго выясненія.

И Луканька кинулъ на батюшку многозначительный взглядъ.

Отецъ Капернаумъ только молча наклонилъ въ отвѣтъ свою великолѣпно расчесанную голову. Инспекторъ торопливо подбѣжалъ къ партамъ и, бѣгая по промежутку, между рядами скамеекъ, выкрикивалъ фальцетомъ:

Радинъ... Гремушинъ... Комаровскій... пожалуйте къ директору.

Названные гимназисты поднялись со своихъ мѣстъ и бодро зашагали на середину класса. Радинъ спокойно и величаво, красивый и гордый, какъ греческій Адонисъ, Гремушинъ своей быстрой, нервной и припрыгивающей походкой, Комаровскій, чуть раскачиваясь на длинныхъ ногахъ, навлекшихъ на него второе прозвище „вѣшалки“ со стороны его однокашниковъ-гимназистовъ.

Когда Комаровскій, невозмутимо-спокойный и мрачный, по своему обыкновенію, поравнялся съ партой, на которой сидѣлъ Каменскій, Миша не выдержалъ и, повернувъ къ нему свое свѣтлоглазое, смѣющееся лицо, незамѣтно воздѣлъ руки къ небу и замогильнымъ голосомъ прогудѣлъ:

— Помяни мя, егда пріидешь во царствіе его!

Кто-то неожиданно фыркнулъ.

Кто-то прыснулъ отъ удовольствія и въ результатѣ фамилія Каменскаго очутилась мгновенно въ „послужномъ спискѣ“.

— Такъ будетъ съ каждымъ, кто осмѣлится нарушить тишину въ классѣ!—торжественно возвѣстилъ Луканька, высоко потрясая карандашомъ.

— Вотъ чэловэкъ!—прозвучалъ заглушенный гортанный голосъ мурзы изъ рая,—сколько нашей крови высосалъ, а все тэнь-тэнью ходитъ... Ночью испугаться можно, когда на дорогѣ попадется... Кормъ нэ въ прокъ!

Луканька, къ счастію, не слышавшій послѣдняго замѣчанія, вышелъ, сопровождаемый тремя названными учениками изъ класса.

Когда торжественное шествіе появилось въ корридорѣ, „галлы", то-есть средніе классы, четвертые, пятые и шестые, имѣвшіе въ это время полуоффиціальные уроки, къ разряду которыхъ гимназисты относили часы рисованія и пѣнія, высунулись, сдержанно недоумѣвая, изъ своихъ помѣщеній.

— Арестованныхъ ведутъ...—шептали они.—И съ ними Радинъ... „Примѣрникъ"... Несуразное что-то! Юрочкинъ! Чѣмъ вы провинились?

Маленькіе седьмые, или «мелочь», по прозвищу, тоже высунули носишки изъ своего класса и чуть слышно хихикали:

— Осьмериковъ накрыли! Вотъ здорово-то!.. На насъ кричатъ... а сами влопались...

— Сокрушу!—поймавъ этотъ чуть слышный лепетъ, лаконически, но съ грознымъ видомъ прогудѣлъ сквозь зубы мрачный Комаровскій, дѣлая по адресу мелочи страшные глаза.

Тѣ дружно гикнули и мгновенно исчезли за дверьми своего класса.

Минуты черезъ двѣ Луканька съ тремя арестованными очутились у дверей директорской квартиры.

ГЛАВА III.

Предательская замѣтка.

Въ красиво обставленной, нѣсколько сумрачной и казенной до „тошноты“, какъ о ней выразился кто-то изъ гимназическихъ остряковъ, пріемной директора всѣ четверо остановились.

Невольно, скорѣе по привычкѣ, нежели ради необходимости, юноши незамѣтно „обдернулись“, пригладили волосы и, чуть вытянувшись, уставились глазами на дверь сосѣдней комнаты, изъ которой долженъ былъ сію минуту появиться директоръ.

Но минуты проходили за минутами, протягиваясь съ досадной медлительностью, а „самъ“ все еще не показывался.

Прошла еще минута, другая и третья томительно-непріятнаго ожиданія... Еще... еще и еще...

Наконецъ портьера зашевелилась, подъ чьею-то властной рукой и Вадимъ Всеволодовичъ Анчаровъ, главное начальство N-ской гимназіи, появляется на порогѣ пріемной.

Онъ былъ невысокаго роста, круглъ, съ внушительныхъ размѣровъ брюшкомъ на коротенькихъ ножкахъ, съ полными отвислыми, лоснящимися щеками, съ полуголымъ черепомъ, блестящимъ и бѣлымъ, какъ слоновая кость.

Внушающій невольное уваженіе орденъ Анны висѣлъ подъ гладко выбритымъ подбородкомъ директора.

За эту круглую, какъ колесо голову, за толстую быстро перекатывающуюся на коротенькихъ ножкахъ фигурку, за постоянное пыхтѣнье и бурно вздымающійся при усиленномъ дыханіи животъ, Вадимъ Всеволодовичъ получилъ отъ неумолимыхъ въ сихъ вопросахъ гимназистовъ прозвище «мотора».

Въ рукахъ Анчарова былъ объемистый листъ газетной бумаги, а глаза его инквизиторскимъ взглядомъ впивались по-очереди въ лица трехъ, стоявшихъ передъ нимъ юношей. Отвѣтивъ небрежнымъ кивкомъ головы на почтительный поклонъ гимназистовъ, директоръ откашлялся, выкатился еще немного впередъ, снова откашлялся и, чуть замѣтно пыхтя, началъ пріятнымъ густымъ и сочнымъ басомъ:

— Господа! Мнѣ весьма прискорбно было узнать, господа, что между вами нашелся такой ученикъ, который съ невозможной и возмутительнѣйшею для его возраста дерзостью, рѣшился такъ открыто и нагло попрать издавна уважаемыя и строго, разъ навсегда установленныя, правила нашего учебнаго заведенія. Я говорю о прискорбномъ поступкѣ съ однимъ изъ вашихъ однокашниковъ, рѣшившимся выступить въ виду всего города въ качествѣ театральнаго статиста, фигуранта и чуть-ли ни клоуна на подмосткахъ одного изъ городскихъ театровъ, о чемъ подробно свидѣтельствуетъ статья, помѣщенная въ этой газетѣ и подписанная „доброжелателемъ“.

Тутъ «моторъ» для большаго впечатлѣнія потрясъ газетой передъ носами стоявшихъ передъ нимъ гимназистовъ.

Потомъ онъ снова перевелъ глаза на злопо-

лучную газету и, ткнувъ въ нее пальцемъ съ тщательно отполированнымъ ногтемъ лѣвой руки, занесъ правую въ боковой карманъ, откуда извлекъ золотое пенснэ, очутившееся въ тотъ же мигъ на красиво изогнутомъ носу директора...

Затѣмъ, близко поднесъ газету къ своимъ близорукимъ глазамъ и прочелъ:

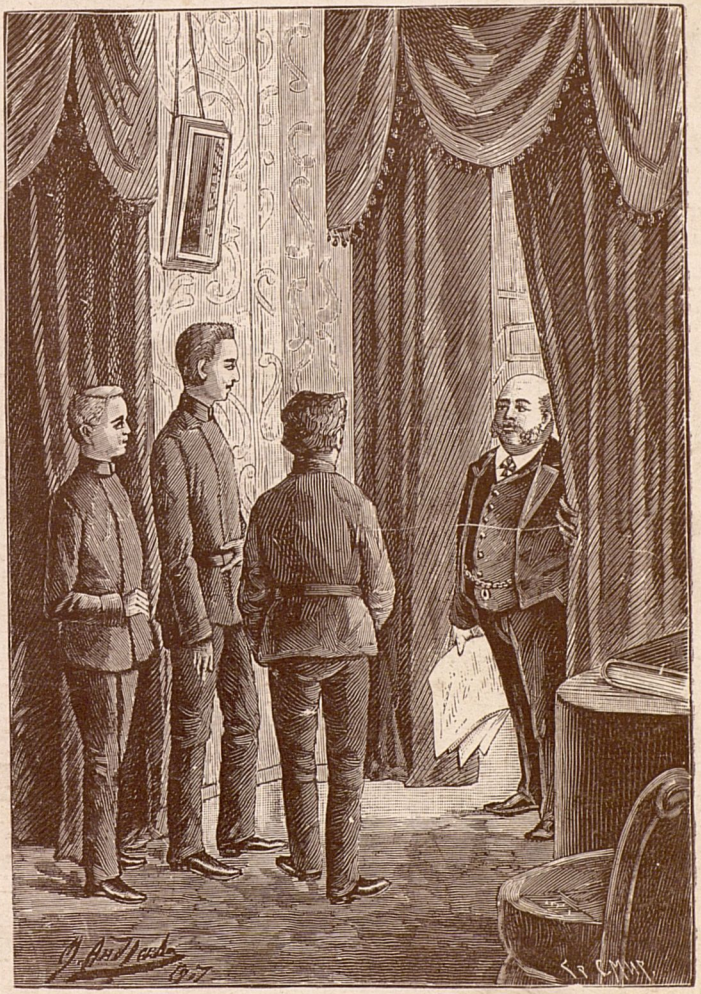
„Удивляемся распущенности и вольности современныхъ гимназистовъ. И за чѣмъ только слѣдитъ гнмназическое начальство? Намъ достовѣрно извѣстно, что ученикъ N-ской гимназіи, восьмого класса, имѣлъ смѣлость открыто выступать въ качествѣ актера-статиста на сценѣ городского театра... И т. д. и т. д.“

Неожиданно закончилъ чтеніе статьи директоръ.

Онъ сдѣлалъ минутную паузу, во время которой снялъ, протеръ носовымъ платкомъ и водворилъ обратно въ карманъ пенснэ, и тогда только произнесъ снова:

— Я приходилъ, какъ вамъ извѣстно, передъ урокомъ Закона Божія въ вашъ классъ, господа, и изложилъ вамъ вкратцѣ суть дѣла. Тогда же я рѣшительно потребовалъ отъ васъ всѣхъ, отъ цѣлаго класса вкупѣ, назвать виновнаго. Участіе въ театрѣ гимназиста не можетъ быть допустимо ни подъ какимъ видомъ, какъ самое элементарное нарушеніе гимназическаго устава и строгое взысканіе должно постигнуть виновнаго. Но классъ отказался выдать провинившагося... Правило товарищества (тутъ директоръ чуть-чуть усмѣхнулся), съ которымъ, положительно, я согласиться не могу...

Разъ ученикъ провинился и его товарищи завѣдомо знаютъ его вину, и нежеланіе сознаться, ихъ прямая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы помочь начальству узнать имя виновнаго... Но не



Въ рукахъ Анчарова былъ объемистый листъ газетной бумаги.

(Къ стр. 15).

въ этомъ дѣло. Это прописныя правила, которыя вы должны знать съ младшаго класса. А вотъ... о чемъ я хочу потолковать съ вами. Я позвалъ васъ сюда, господа, какъ лучшихъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы передать вамъ мое рѣшеніе, твердое и безповоротное. Медалисты останутся безъ медалей, представленные къ наградѣ лишатся ея, а обыкновенные смертные (новая усмѣшка на гладкомъ, розовомъ лицѣ директора)—выйдутъ изъ нашего заведенія съ неудовлетворительной отмѣткой за поведеніе, если... если виновный не назоветъ себя... И вамъ, какъ лучшимъ ученикамъ класса, я говорю это съ тѣмъ, чтобы вы передали это вашимъ товарищамъ. А теперь, до свиданья, господа, я не хочу задерживать васъ больше!

И, сдѣлавъ красивый, закругленный жестъ въ воздухѣ правой рукою, Вадимъ Всеволодовичъ покатился назадъ къ двери, замаскированной тяжелой плюшевой портьерой.

— Вадимъ Всеволодовичъ... одну минутку...

И, прежде чѣмъ кто-либо могъ ожидать этого, Юрій Радинъ очутился въ двухъ шагахъ отъ кругленькой какъ мячъ фигурки своего начальства.

Директоръ ласково кивнулъ юношѣ. Онъ любилъ Радина, какъ любилъ каждый этого открытаго, прямого, стойкаго въ вопросахъ чести, юношу.

— Что вамъ, голубчикъ?—мягко обратился онъ къ гимназисту, съ удовольствіемъ окинувъ взглядомъ красивое, смѣлое и тонкое лицо Юрія.

Въ одну минуту синіе глаза Радина стали черными, какъ уголь, что случалось съ ними всегда въ минуты гнѣва или душевнаго волненія.

Такъ темнѣетъ синее озеро передъ грозою, когда надъ нимъ виснутъ угрюмо свинцовыя тучи...

— Вадимъ Всеволодовичъ,—произнесъ Радинъ

и красивый теноръ его завибрировалъ затаенной дрожью,—не пытайтесь доискиваться виновнаго, потому что виновный—я!

Если-бы молнія, скользнувъ по пріемной, ослѣпила всѣхъ присутствующихъ, если-бы кусокъ неба упалъ на нихъ въ эту минуту, директоръ и Иродъ удивились бы не больше того, чѣмъ были удивлены неожиданно и странно прозвучавшимъ словамъ Юрія.

На минуту воцарилось молчаніе, во время котораго Юрій Радинъ стоялъ по прежнему спокойный, красивый и невозмутимый передъ грозными очами своего начальства. Комаровскій и Гремушинъ переглянулись съ тоскою.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ онъ „ляпнулъ“? краснорѣчиво говорили, казалось, глаза обоихъ юношей.

Съ минуту Луканька, пришибленный неожиданностью, смотрѣлъ на мотора; моторъ на Луканьку... Потомъ директорскія губы раскрылись... Брови многозначительно поднялись и Анчаровъ вѣско и негромко протянулъ многозначительное „а—а“. Снова потянулась минута молчаливая, какъ смерть и тяжелая, какъ свинцовая туча. И вдругъ, все разомъ разрѣшилось просто и ясно...

— Вы? Вы, Радинъ,—произнесъ, тяжело отдуваясь Анчаровъ, — я низачто не повѣрилъ-бы, если-бы услышалъ подобное извѣстіе отъ кого-либо другого...

— Разсказывай! Преотлично бы повѣрилъ,— ты шпіоновъ любишь! вихремъ пронеслось въ головѣ Комаровскаго, котораго по его собственному мысленному признанію прошибало отъ всѣхъ этихъ волненій до „десятаго поту“.

— Но это сказали вы,—снова подхватилъ директоръ, не мало не подозрѣвая тѣхъ мыслей,

которыя кружились въ буйной головѣ Комаровскаго,—и я не имѣю основанія вамъ не вѣрить.

Снова томительная пауза, во время которой гимназисты тоскливо переминались съ ноги на ногу, скорбно разсуждая въ своихъ мысляхъ:

— И чего пытаетъ?! Ужъ отпустилъ бы на всѣ четыре съ миромъ, жила тягучая!

Но «жила» былъ далекъ отъ упомянутаго намѣренія. Его маленькіе глазки такъ и впились въ Юрія.—Послушайте, Радинъ,—затянулъ онъ снова своимъ пріятнымъ звучнымъ баскомъ, болѣе чѣмъ когда-либо отдуваясь и пыхтя отъ волненія.—Не буду говорить теперь о причинѣ, побудившей, васъ лучшаго ученика и украшеніе гимназіи, нарушить такъ грубо и рѣзко священныя традиціи нашего учебнаго заведенія, вѣроятно, къ тому у васъ имѣлись вѣскія причины, которыя вы мнѣ и сообщите послѣ, наединѣ, съ глазу на глазъ. А пока я ограничусь только однимъ требованіемъ. Я требую, чтобы вы дали мнѣ честное слова честнаго человѣка никогда больше не выступать «тамъ» и не бросать такимъ образомъ тѣнь ни на вашу гимназію, ни на ваше начальство, якобы допускающее подобное поведеніе.—И, сдѣлавъ строгое лицо, моторъ замолкъ.

— Дай ему слово! Ну-же! Ну скорѣе, Каштанчикъ! Жарь и вывалимъ отсюда на «чистый воздухъ» по крайней мѣрѣ,—усиленно зашептали ему въ уши Коля и Комаровскій, толкая Юрія подъ оба локтя.

Но Радинъ точно не слышалъ. Блѣдный, тою синевато-сѣрою блѣдностью, которая такъ свойственна нервнымъ натурамъ, съ раздувающимися ноздрями и нестерпимо горящимъ взоромъ, онъ шагнулъ ближе къ мотору и произнесъ твердо:

*

— Нѣтъ, этого слова, Вадимъ Всеволодовичъ, я вамъ дать не могу и... не хочу! Что-то властное и независимое прозвучало въ дрогнувшихъ звукахъ его молодого голоса. Это-то властное и независимое больнѣе всего и укололо директора. Моторъ вспыхнулъ, запыхтѣлъ и, забывъ, что передъ нимъ стоитъ лучшій ученикъ, краса и гордость ввѣреннаго его заботамъ учебнаго заведенія, крикнулъ:

— Ага! Бунтовать? Безобразіе! Явное неповиновеніе!.. Что? Молчать! Вы еще не студентъ. Даже въ прихожей университета не побывали, милостивый государь, а туда-же! Открытое сопротивленіе!.. Что? Оставаться впродолженіи двухъ дней послѣ уроковъ до десяти часовъ вечера!.. Безвыходно! Маршъ! И, махнувъ рукою, моторъ, колеблясь всѣмъ своимъ толстымъ туловищемъ на коротенькихъ ножкахъ, покатился къ дверямъ и нырнулъ за портьеру.

Иродъ подскочилъ къ Юрію, сдѣлалъ кислую мину и прошипѣлъ зловѣще:

— Хорошо! Великолѣпно-съ! Дождались!

Юрій пожалъ плечами и, не слушая сочувственныхъ возгласовъ товарищей, съ тою же синевато-сѣрою блѣдностью на лицѣ вышелъ изъ пріемной . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Слѣдомъ за урокомъ отца Капернаума долженъ былъ быть русскій урокъ.

Въ маленькую, пятиминутную перемѣну, разграничивающую оба часа, въ восьмомъ классѣ происходило настоящее столпотвореніе Вавилонское. Дѣло было въ томъ, что вернувшіеся отъ

директора разсказали товарищамъ обо всемъ случившемся съ ихъ общимъ любимцемъ.

Послѣдняго постигла кара, годная только для «мелочи» — первоклассника, а не для взрослаго молодого человѣка «завтрашняго» студента и этого-то и не могли переварить самолюбивые «аріане» и шумѣли, и горланили свыше мѣры. Уже нѣсколько разъ «галлы» заглядывали къ нимъ по пути изъ класса въ рекреаціонный залъ, освѣдомляясь съ самымъ невиннымъ видомъ—не случился-ли пожаръ въ восьмомъ классѣ.

Даже «мелочь», бѣгая до неистовства въ маленькую перемѣну по залѣ, нѣтъ-нѣтъ и останавливалась, какъ вкопанная и, чутко насторожившись, прислушивалась къ неумолкаемому гулу, несущемуся изъ старшаго класса.

Дѣйствительно, вмѣстилище аріанъ превратилось сегодня въ библейскіе Содомъ и Гоморру. Напрасно, розовый и бѣленькій, какъ барышня, классный наставникъ прозванный Купидономъ, носился съ испуганнымъ видомъ по классу и неистово взывалъ, простирая руки и глаза къ небу, вѣрнѣе къ потолку:

— Тише, господа, тише! Или будете внесены въ кондуитъ *)... Всѣ-съ до единаго... всѣ, поголовно-съ!

— Поголовно? Это хорошо! Однѣ головы, значитъ, руки и ноги на свободѣ останутся, острилъ Миша Каменскій, не терявшій еще никогда въ жизни своего праздничнаго настроенія духа.

— Каменскій! Вы—первый-съ! И розовый Купидонъ заносилъ фамилію Миши къ себѣ въ записную книжку.

---

*) Журналъ замѣчаній.

— За излишнее и неумѣстное острословіе-съ!—предупредительно пояснилъ онъ.

— Покорно васъ благодаримъ за вниманіе, Илья Ильичъ.—Съ почину, значитъ... Впредь не оставьте вашими милостями!—дурачился Миша.

— Я на васъ, господинъ Каменскій, директору буду жаловаться!—зашипѣлъ Купидонъ, теряя отъ злости весь свой нѣжный дѣвичій румянецъ.

— Такъ точно, господинъ наставникъ!—И Миша вытягивался въ струнку, какъ солдатъ передъ генераломъ на общую потѣху товарищей.

— Нэтъ! Скажытэ вы мнэ, что это за скотына такая, что въ газэтахъ доносы пишэтъ!—гудѣлъ Соврадзе, стоя на каѳедрѣ и ожесточеннѣйшимъ образомъ размахивая руками, какъ вѣтренная мельница своими крыльями.

— Да... да... узнать надо! Редактору злополучной газеты коллективное письмо, господа, напишемъ, что молъ такъ и такъ... гимназисты 8-го класса, глубоко возмущенные подобной замѣткой, просятъ открыть имъ имя автора статьи и... и..., захлебываясь и горячась по своему обыкновенію, трещалъ толстенькій, рыхлый съ выпуклыми ничего не выражающими глазами блондинъ Талинъ, недалекій и часто говорившій не въ попадъ маленькій человѣчекъ.

— Попочка, заткнись!—Наклей пластырь на твой болтливый клювикъ, все равно путнаго ничего не скажешь!—сразу огорошилъ Талина Каменскій.

— Ну ты не очень-то...—запѣтушился тотъ.

— Молчи, дурья башка!—Дэло говорить надо, а не горохъ сыпать,—неожиданно прикрикнулъ на него мурза.

— Господа! И Коля Гремушинъ очутился на каѳедрѣ,—слова, прошу слова!

— Дать ему слово!—загремѣлъ своимъ басомъ Бабаевъ такъ, что розовый Купидонъ подпрыгнулъ на мѣстѣ и устремился, подрыгивая своими фалдочками, вонъ изъ класса, что-то угрожающе выкрикивая среди общаго шума и суматохи.

— Гремушка! Валяй скорѣе! Купидошка окаянный за Луканькой подралъ, забодай его козелъ въ понедѣльникъ!—вылетая стрѣлой на середину класса, прокричалъ, складывая у рта трубой руки, Каменскій.

— Господа! Я буду кратокъ! — надрывался Коля.—Вотъ что я придумалъ, братцы: узнать завтра же имя автора подлой статьи и... и... митингъ созвать... Понимаете? Гдѣ-нибудь подъ сурдинку, а тамъ рѣшить, что намъ сдѣлать съ предателемъ... Какъ Юрочкинъ рѣшитъ, такъ и казнимъ его... Юрка! Каштанчикъ, ты что же молчишь? Тебя дѣло касается? неожиданно подскочилъ Коля къ печально и понуро сидѣвшему въ уголку Радину. Юрій точно проснулся, поднялъ на товарища свои синіе, прекрасные, теперь печальные глаза и произнесъ тихо, махнувъ рукою:

— Все равно... Дѣлайте, что хотите... А лучше всего оставить втуне грязную исторію.

— Какъ оставить втуне! Да ты рехнулся что-ли, Каштанчикъ!—Каштанчикомъ Юрія называли товарищи за его красивую, какъ шапку разросшуюся густую каштановую шевелюру.—Окончательно спятилъ, братецъ! Такое, можно сказать, оскорбленіе,—доносчикъ отыскался въ классѣ, а онъ—втуне оставить. Какъ же! Сейчасъ! Нѣтъ, братъ, шалишь! Мы какъ узнаемъ имя предателя, такъ всей оравой къ нему и вонзимся и подъ страхомъ смерти, либо хорошей потасовки, что-ли, заставимъ его выпустить новую замѣтку о томъ,

что де гимназическое начальство относится къ учащейся братіи не въ терпежъ строго и караетъ завтрашнихъ студентовъ, какъ какихъ нибудь приготовишекъ, не узнавъ, какъ слѣдуетъ, въ чемъ дѣло... Такъ что-ли?

— Такъ, такъ, ловко придумано! Облобызаемся, друже! И Миша Каменскій широко раскрылъ Гремушину свои дружескія объятія.

— Здорово, Гремочка! Молодца! И верзила Самсонъ отъ души сжалъ своей огромной лапищей худенькую руку Коли.

— Братцы! А что если это кто-нибудь изъ своихъ, а? Не изъ нашихъ восьмиклассниковъ, а изъ галловъ, можетъ статься, статью состряпалъ?—И Кисточка стыдливо выступилъ впередъ, моргая своими свѣтлыми подслѣповатыми глазами.

— Вотъ-то, дуракъ! И онъ думаетъ, что такой подлецъ въ гимназіи найдется!—И Комаровскій негодующимъ взоромъ окинулъ своего наивнаго товарища.—Это, братъ макомъ! Да!

— Вы это правду говорите!—и тоненькій, изящный Стась, говорившій всѣмъ «вы» безъ исключенія и изысканно вѣжливый со всѣми товарищами, вынырнулъ впередъ изъ-за широкой спины Самсона.

— А ты не юли—безъ тебя знаю! огрызнулся Комаровскій,

— Ну, такъ какъ же? обводя разгорѣвшимися глазами толпившихся вокругъ каѳедры гимназистовъ, вопрошалъ взволнованно Гремушинъ.

— Узнать! узнать имя автора! Флуга послать—онъ узнаетъ... Онъ ловкачъ въ этомъ дѣлѣ—даромъ что изъ подъ земли не видать. А потомъ всей оравой къ автору... Пистолетъ къ груди и

пиши братъ подъ дуломъ другую статью въ защиту пострадавшаго.

— Ну, это макомъ, пистолетъ-то...

— Отчего-же?

— Развѣ шоколадный!.

— Дурачье!

— А завтра митингъ... Сговоримся, какъ дѣйствовать дальше... Прежде всего за Каштанку идти мотора просить... Вѣдь позорище — какъ мальчишку подъ арестъ! И къ автору статьи кого отрядить братцы?

— Да прежде всего имя узнать надо! Флугъ, Флугъ! возьмешься вывѣдать?

— Умру, а узнаю, братцы!—откликнулся маленькій еврей.

— Молодца! И снова какъ пчелы въ ульѣ загудѣли, зашумѣли восьмиклассники. Одинъ только виновникъ общей сумятицы казался спокойнымъ и безстрастнымъ. Юрій Радинъ, низко наклонивъ свою красивую голову надъ какой-то книгой, открытой на удачу, упорно думалъ свою невеселую думу.

ГЛАВА IV.

Возстаніе Аріанъ.

МИТИНГЪ у восьмиклассниковъ обѣщалъ быть грандіознымъ.

Верзила Бабаевъ еще на урокѣ Божьей Коровки, вѣрнѣе учителя русской словесности, прозванномъ такъ за совсѣмъ исключительное кроткое отношеніе къ своимъ ученикамъ, разо-

слалъ по партамъ свернутые трубочками повѣстки съ указаніемъ мѣста и часа сборища.

Рѣшено было собраться въ физической комнатѣ, именуемой «пустыней аравійской» за то, что туда внѣ часовъ, физическихъ опытовъ, никто никогда не показывался, развѣ только сторожъ, на обязанности котораго лежалъ присмотръ за «пустыней». Временемъ сборища назначили 12 часовъ, когда Аріане нечестивые, бородатые, и басистые восьмиклассники, и галлы, вѣчно спорящіе и добивающіеся чего то и крикливая, дерущаяся «мелочь», все это собиралось въ «чайной». Чайная была длинная, мрачная комната на томъ концѣ корридора, который назывался южнымъ полюсомъ, въ отличіе отъ противоположнаго конца полюса сѣвернаго. Въ ней стояло нѣсколько столовъ, покрытыхъ камчатными скатертями, и швейцариха Марѳа Спиридоновна или Марѳа Посадница, энергичная, сильная женщина поила всю гимназическую братію чаемъ за шестьдесятъ копеекъ въ мѣсяцъ.

Сегодня по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ въ чайную собрались только галлы и мелочь; нечестивые же Аріане блистали своимъ отсутствіемъ.

Малыши не предали этому никакого значенія и дружно набросились на бутерброды, захваченные изъ дому, и составляющіе вмѣстѣ съ чаемъ обычный завтракъ гимназистовъ.

Галлы же, какъ болѣе взрослые поняли, что это не спроста и что Аріане «закипѣли» и будутъ кипѣть до самаго «Иродова вторженія».

Галлы не ошиблись.

Восьмиклассники «кипѣли» не на шутку. У входа въ Аравійскую пустыню, за стеклянною

дверью, затянутой зеленой, тафтяной занавѣской, стоялъ тотъ же Самсонъ, взявшій на себя роль устроителя миттинга и блюстителя порядка. Онъ охранялъ дверь библіотеки, какъ нѣкій миѳологическій Церберъ охранялъ входъ въ аидъ. *).

Каждыя двѣ минуты Самсонъ высовывался за дверь и возвѣщалъ товарищамъ, что горизонтъ чистъ и что на сѣверѣ и югѣ—все спокойно. Собирались по двое, по трое, чтобы не возбудить, чего добраго. подозрѣнія начальства. Быстро, какъ тѣни проскальзывали въ «пустыню» и вскорѣ послѣдняя превратилась въ самое бурное и шумное мѣсто сборища возбужденной молодежи.

Участники миттинга совершенно забыли о строгомъ запрещеніи со стороны начальства устраивать подобнаго рода собранія и увлеклись во всю.

Умы волновались. Горячія головы пылали. Голоса звучали не сдержанно и шумно. Слишкомъ ужъ животрепещущимъ оказывался вопросъ, чтобы можно было обсуждать его спокойно. Флугъ мастерски выполнилъ возложенное на него порученіе и узналъ все. Но на всѣ вопросы товарищей Флугъ отмалчивался, и сдержанно кратко заявилъ, что до поры до времени не скажетъ ни единаго слова.

— Господа! Надо выбрать предсѣдателя? послышались тутъ и тамъ громкіе голоса.

— Предсѣдателя! Предсѣдателя! — загремѣло хоромъ.

— Комаровскаго! Комаровскаго выбираемъ! Полѣзай на столъ, Комарикъ!

— Чучело!—загудѣлъ Комаровскій... Да вѣдь столъ то круглый... одноногій... Въ родѣ какого-бы

*) Греческій адъ.

дамскаго. А что ежели я турманомъ оттуда? а? Похороны то на чей счетъ будутъ?—басилъ, не выходя изъ своего мрачнаго спокойствія, Комаръ. Но его не слушали. Десятки рукъ подхватили высокаго юношу на воздухъ и черезъ минуту мрачный Комарикъ возсѣдалъ на столѣ, поджавъ подъ себя по турецки ноги и неистово колотилъ перочиннымъ ножомъ по пряжкѣ пояса, что должно было замѣнять роль предсѣдательскаго звонка.

— Ребята!—загудѣлъ въ ту же минуту со своего поста Бабаевъ.—Чуръ! не вопить!.. Вопить будете,—тѣнь отца Гамлета предстанетъ, а предстанетъ тѣнь изъ единицъ хоть окрошку дѣлай!.. Чувствуйте!..

И снова его кудлатая голова высунулась за дверь.

Въ ту же минуту, легкій какъ мячъ Гремушинъ, очутился на столѣ позади мрачнаго Комаровскаго.

— Братцы!—заоралъ во весь голосъ Коля—торопитесь... Луканька того и гляди вонзится... Слушай-те! начинаю. Отверсте уши и сомкните уста ваши!

— Безъ прелюдій, Николка! Валяй къ дѣлу! загудѣло, зашумѣло кругомъ на тысячу ладовъ. Сѣрые глаза Гремочки ярко блеснули.

— Братцы,—звонко выкрикнулъ онъ,—вамъ хорошо извѣстно, что какой-то негодяй настрочилъ въ газетѣ пасквиль и результатомъ этого нашъ рыцарски честный Радинъ, не желая подвести класса, влопался.

— Да къ дѣлу-же! Чего мямлишь! раздраженно крикулъ предсѣдатель—Комаровскій.

— Началъ отъ царя Гороха! Дать ему трепку за многословіе.

— Долой оратора! Не надо такого!

— Не надо! Долой! Закрой свой курятникъ!

— Говорытъ не умѣетъ! Вотъ чэловэкъ! Громче другихъ неистовствовалъ Соврадзе.

— Тише, вы! умышленно звонкимъ фальцетомъ запищалъ Каменскій, влопаемся всѣ. Комарикъ, звони имъ! Звони, что они раскудахтались не въ мѣру?

— Вотъ дуракъ-то! Чѣмъ я имъ звонить буду? Носомъ, что-ли? мрачно пробасилъ предсѣдатель.— Звонка у меня нѣтъ, чучело!

— Тише, вамъ говорятъ, тише, пѣтушье!— несся отъ двери басъ Самсона.

— Дайте-же мнѣ докончить! — взмолился Гремушинъ, весь красный какъ піонъ отъ тщетнаго усилія перекричать собраніе.

— Завтра кончишь или когда студентомъ будешь!—съострилъ Миша.

— Господа!— уже въ голосъ закричалъ Коля, прыгая на столъ, какъ прыгаетъ обыкновенно американскій житель въ банкѣ, что продается на вербахъ...—дѣло не въ Радинѣ... Мнѣ жаль, что Юрочкина здѣсь нѣтъ между нами. я-бы это и ему въ лицо сказалъ... онъ провинился и терпитъ кару, а вотъ, что у насъ предатель есть—вотъ это гадость... И имя его намъ сейчасъ узнать надо... Флугъ все вывѣдалъ... Пусть скажетъ... Флугъ! Флугъ! Гдѣ ты?

И Гремушинъ, вытягивая свою и безъ того длинную шею, вертѣлъ голову направо и налѣво, стараясь разглядѣть за спинами товарищей характерную, тщедушную фигурку маленькаго еврея. Но Флугъ уже самъ протискивался впередъ, усиленно работая локтями, чтобы расчистить себѣ дорогу. Его огромные глаза горѣли... Чахоточныя

щеки пылали. Худенькій и тщедушный, ловкій и быстрый какъ котенокъ, онъ въ одну секунду былъ уже на столѣ на мѣстѣ спрыгнувшаго Коли.

— Товарищи! Слова прошу!—задыхаясь и кашляя, звенѣлъ его вибрирующій голосокъ.

— Молчать! Флугъ говорить хочетъ! Дайте, шутъ возьми, говорить Флугу!—гремѣлъ мрачный басъ Комаровскаго и онъ уставился на все еще шумѣвшую ватагу свирѣпымъ окомъ грознаго начальника.

— Слушайте Флуга! Говори, Флугъ! Живѣе!—загудѣло несмѣтнымъ роемъ вокругъ маленькаго еврейчика. Черненькій Давидъ, весь пылающій, нервный и возбужденный окинулъ присутствующихъ своими огромными глазами, горѣвшими нестерпимымъ блескомъ, и заговорилъ громко, спѣша и волнуясь:

— Подлость! Подлость! Господа... Низкое предательство. Узналъ, такъ своимъ ушамъ не повѣрилъ. «Свой» же, восьмерикъ, накаталъ статью о Радинѣ. Ей Богу!

— Имя его?! Имя! Флугъ! — загудѣло, послышалось кругомъ стола.

— Да, да, имя и изгнать предателя изъ товарищеской среды!

— Попросту вытурить изъ гимназіи!

— За два-то мѣсяца до акта?

— Шутъ возьми! А доносить благородно?

— Да тише вы, чучелы! Луканька, ей-ей, нагрянетъ.

— Воздухъ сгустился! мой носъ чуетъ! чучелы! Гроза собирается,—неистовствовалъ Бабаевъ, какъ обезьяна прыгая черезъ порогъ „физической“ въ корридоръ и обратно. Но „чучелы“ не унимались... Умы волновались все сильнѣе и сильнѣе...

Молодыя сердца кипѣли... Всѣ взоры до единаго впились въ разрумянившееся чахоточнымъ румянцемъ лицо маленькаго еврея.

— Кто писалъ статью? Кто? Кто? Да говорите же...—неслось отовсюду. Флугъ стоялъ на столѣ, тѣсно окруженный со всѣхъ сторонъ бурливой, молодой толпою.

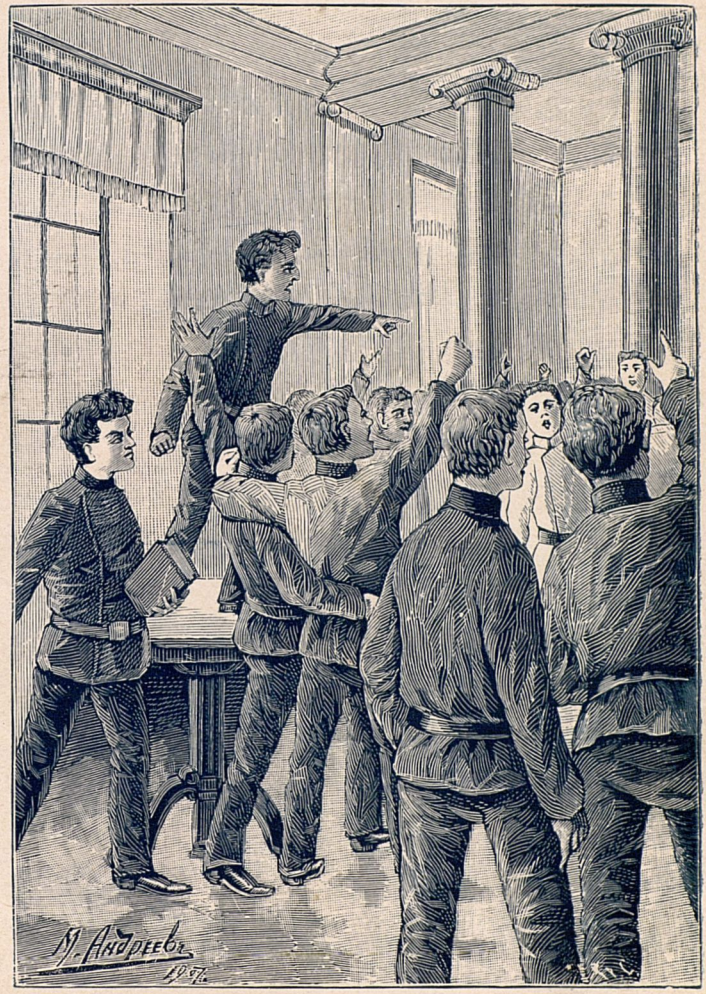
Онъ поводилъ горящими глазами и, казалось, ждалъ только, когда все стихнетъ. Наконецъ наступила желанная пауза и Флугъ началъ.

— Господа! Я буду кратокъ... Слушайте: я скажу вамъ одну маленькую притчу. Были два человѣка на свѣтѣ. Оба талантливые... Оба хотѣли много учиться, чтобы стать учеными и полезными членами своей родины. Хотѣли и еще кой-чего иного... Хотѣли награду получить отъ тѣхъ, кто надъ ними стоялъ, ихъ училъ, напутствовалъ... Но вотъ одинъ своими знаніями началъ одолѣвать, побѣждать другого... Ему должна была быть присуждена первая награда, его товарищу вторая. Этотъ товарищъ былъ гордъ и тщеславенъ, какъ самъ сатана. Онъ понялъ, что если оклевещетъ соперника, унизитъ его въ глазахъ начальства, то соперникъ лишится своей награды. И онъ будетъ первый, какъ царь. И онъ взялъ и написалъ грязную замѣтку, гдѣ, не называя имени товарища, предалъ гласности его проступокъ передъ правилами того учебнаго заведенія, гдѣ оба воспитывались. Онъ хорошо зналъ, доносчикъ, что начальство обратитъ свой гнѣвъ на весь классъ и что виновный не допуститъ наказанія всего класса и назоветъ себя... И не ошибся... И о чемъ писалъ? На что донесъ? На то, что сынъ, желая заработать лишній кусокъ хлѣба своей больной матери, не побоялся выступить на театральныхъ

подмосткахъ, вопреки запрещенію начальства! Злодѣй могъ только рѣшиться на это! Все, какъ видите, просто и ясно... Я былъ въ редакціи газеты и узналъ имя предателя... Господа! Я жалкій, маленькій еврей, сынъ почтеннаго стараго Авраама Флуга. Мы бѣдны... очень бѣдны и не каждый день обѣдаемъ даже, я, моя сестра Сара, мой старый почтенный отецъ. Но ни за какія сокровища въ мірѣ я не промѣняю своей нищей жизни впроголодь на баронскій титулъ и богатства того человѣка, который стоитъ вонъ тамъ у колонны и который предалъ своего брата не за грошъ...

Едва только успѣлъ произнести маленькій Флугъ послѣднее слово, какъ толпа присутствующихъ, какъ по командѣ, устремилась въ дальній уголъ комнаты. Тамъ, картинно опираясь на колонну, скрестивъ руки на груди и презрительно сощуривъ свои маленькіе безцвѣтные глазки, стоялъ длинный отзеецъ баронъ Ренке. При заключительной рѣчи Флуга его спокойное, высокомѣрное лицо покрылось легкимъ налетомъ румянца. Бѣлобрысыя брови свелись надъ переносицей. Глаза блеснули. Надменная усмѣшка скривила губы.

Наступила томительная пауза, во время которой Ренке и Флугъ впились глазами другъ въ друга. Худо скрываемое презрѣніе промелькнуло въ худосочномъ, породистомъ лицѣ барона... Ему отвѣчали тѣмъ же поблескивающіе, какъ зарницы, глаза маленькаго еврея. Протянулась минута, одинаково тяжелая для всѣхъ присутствующихъ. Точно грозовая туча повисла въ воздухѣ надъ головами всѣхъ этихъ юношей, взволнованныхъ, какъ никогда. И вдругъ стремительно и быстро Флугъ соскользнулъ на полъ, духомъ пролетѣлъ пространство, отъ стола до колонны и, вонзивъ свои



Флугъ стоялъ на столѣ, тѣсно окруженный со всѣхъ сторонъ бурливой, молодой толпою. (Къ стр. 31).

два горящіе глаза въ надменное лицо барона, вскрикнулъ взволнованно, истерично:

— Баронъ Нэдъ-фонъ-Ренке! Это сдѣлали вы!

ГЛАВА V.

Товарищъ-Искаріотъ.

РОМЪ грянулъ... Гроза разразилась...

Точно ударъ хлыста прошелся по тѣлу длиннаго остзейца.

Онъ вздрогнулъ... Позеленѣлъ... Глаза его ушли куда-то вглубь и спрятались за бѣлесоватыми рѣсницами. Двѣ горящія зелеными огоньками щелочки впились въ лицо Флуга, какъ два маленькія жала змѣи. Всѣ прочіе Аріане безмолвной толпою стояли вокругъ. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ... Предательство одноклассника ошеломило юношей. Несносное, нестерпимое, до боли острое чувство горечи и стыда наполняло молодыя честныя души всѣхъ этихъ взрослыхъ мальчиковъ.

И вотъ Миша Каменскій первый нарушилъ молчаніе.

— Фонъ-Ренке—ты печальный негодяй,—прозвучалъ изъ дальняго угла его красивый голосъ,—и это весьма непріятное открытіе!

Длинный баронъ выпрямился. Его тощая, прямая, какъ жердь, фигура чуть отдѣлилась отъ колонны, на которую онъ опирался до этой минуты.

— Я-бы попросилъ васъ быть нѣсколько сдер-

жаннѣе!—процѣдилъ онъ сквозь зубы, не раскрывая рта.

— Послушайте, Ренке, вѣдь это возмутительно! — горячо произнесъ мечтательный и блѣдный юноша, поэтъ восьмого класса Бандуровъ, прозванный лордомъ Байрономъ за его довольно удачные стихи,—это подлость, то что вы сдѣлали, фонъ-Ренке, и вы должны намъ сказать что-либо въ свое оправданіе сію же минуту! — И лордъ Байронъ обвелъ все сборище своими лучистыми, ясными какъ у ребенка глазами.

— Я никому и ничему не обязанъ, — сухо и рѣзко произнесъ длинный баронъ,— а тѣмъ болѣе людямъ, съ которыми у меня нѣтъ, не было и никогда не будетъ ничего общаго! Прошу запомнить это, а равно и то, что я отказываюсь и нынѣ и впредь отъ дачи какихъ бы то ни было показаній по этому дѣлу. И прошу оставить меня въ покоѣ!—заключилъ онъ живописнымъ жестомъ своей холеной руки.

Воцарилось новое молчаніе, еще болѣе длительное и томящее, нежели прежде. Что-то глубже и тѣснѣе вошло въ душу и закопошилось въ ней безотрадное, мучительное, больное... Негодованіе, гнѣвъ, ненависть, почти граничившая съ ужасомъ, отразилась на лицахъ всѣхъ этихъ недавнихъ дѣтей, заливая ихъ густымъ румянцемъ стыда за чужой проступокъ. Одинъ виновникъ всеобщаго возмущенія былъ, повидимому, спокоенъ. Онъ попрежнему опирался теперь о колонну въ той же картинно-небрежной позѣ, заложивъ руки въ карманы своихъ новыхъ съ иголочки брюкъ.

И снова неугомонный Каменскій очутился лицомъ къ лицу съ длиннымъ барономъ. Его дѣтски моложавое, мальчишеское лицо со злобою оста-

новилось на Ренке. Жгучимъ задоромъ заискрились глаза.

— Фонъ-Ренке,—произнесъ онъ громко,—простите меня. Я долженъ извиниться передъ вами... Я ошибся, назвавъ васъ печальнымъ негодяемъ... Нѣтъ, вы не то... Вы негодяй—хроническій... На вѣки вѣчные, неизлѣчимый... Запомните это хорошенько!

Змѣиные глазки длиннаго барона загорѣлись ярче.

— Я буду жаловаться директору!—прошипѣлъ онъ со злобой.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Долго сдерживаемый приливъ негодованія вылился наружу. Такъ, плотина, не выдержавъ иногда бурнаго натиска волнъ, рушится съ трескомъ въ кипучія волны. Костлявый Комаровскій, сидѣвшій въ это время съ неподвижностью статуи на столѣ, вскочилъ вдругъ, какъ ошпаренный, со своего мѣста.

— Слушай ты, нѣмчура, Килька Балтійская,—прогремѣлъ онъ своимъ оглушительнымъ басомъ,—стоило бы отлупить тебя такъ, что небу станетъ жарко... Да рукъ о тебя марать не стоитъ! Дрянцо ты... Сверхъ-дрянцо!.. Въ квадратѣ дрянцо!.. Въ кубѣ!.. А вотъ мы что сдѣлаемъ... Кати, братцы, къ «мотору»... и либо онъ... либо мы... heraus *) изъ любезной нашей alma mater **) пожалуйте. Потому что, какъ есть, ты настоящій дрянь-человѣчешко!

— Правда твоя! Изъ такова чэловэка у насъ на Курѣ шашлыкъ дѣлать надо и съ солью ску-

*) Вонъ—по-нѣмецки.
**) Родная мать—по-латыни.

шать такой чэловэкъ!—хмуря густыя черныя брови и неистово махая руками, кричалъ Соврадзе.

— Отравишься, Соврашко, отъ такого шашлыка-то, другъ милый! Видишь, въ немъ яду сколько! Змѣи ядовиты, братецъ ты мой!—острилъ Каменскій.

— Тогда бить его надо... За подлость бить! Вотъ чэловэкъ!—не унимался кавказецъ и ближе подступилъ съ сжатыми кулаками къ Ренке.

— Бить, понятно! — послышалось откуда-то сзади.

— Да что мы «мелочь» что-ли, приготовишки, чтобы драться, братцы?—вступился чей-то одинокій голосъ изъ толпы. Но онъ утонулъ сразу посреди общихъ криковъ и шума.

Какая-то непонятная суматоха произошла въ тотъ же мигъ вокругъ Ренке. Комаровскій, немилосердно расталкивая товарищей, пробирался къ нему. Еще минута и оба юноши очутились другъ противъ друга. Костлявая, но сильная рука Комара опустилась на плечо Ренке.

— Слушай ты, Іуда предатель! Говори прямо—ты это сдѣлалъ?—сурово выкрикнулъ онъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ длиннаго барона. Онъ небрежно закинулъ нога на ногу и, дерзко взглянувъ въ самые глаза товарища, спросилъ:

— А хотя-бы и я! Какое вамъ дѣло?

Новое смятеніе. . Новый взрывъ бури... Кто-то «ухнулъ»... Кто-то крикнулъ... Истерическое «ахъ, вырвалось изъ груди маленькаго Флуга и тяжелый учебникъ, ловко пущенный забывшимся въ бѣшенствѣ Соврадзе, глухо ударился о колонну, на вершокъ выше головы замѣтно поблѣднѣвшаго остзейца. Это послужило какъ-бы началомъ схватки.

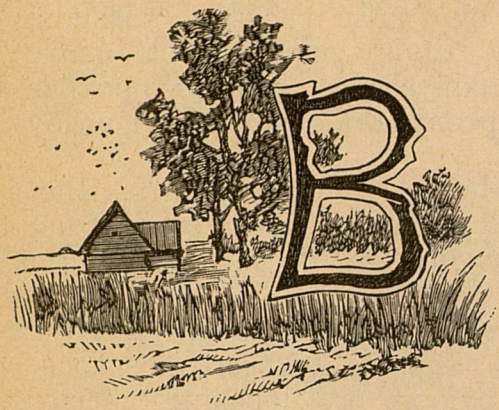
Десятки рукъ потянулись къ Ренке. Кругъ съузился... Юноши окружили тѣснымъ кольцомъ колонну и длинному барону пришлось-бы плохо, если-бы чей-то громкій голосъ, разомъ протрезвившій всѣхъ, не прозвучалъ отчетливо и возбужденно:

— Брось его... Не стоитъ рукъ марать... Вали лучше къ директору, братцы. Либо онъ, Ренке, либо мы всѣмъ классомъ, въ отставку, значитъ, въ чистую... Такъ, что-ли?

— Такъ! Такъ! — загудѣли голоса, — а Флуга качать... Молодчина Флугъ! До всего дознался... Все вывѣдалъ! На рукахъ его, братцы, снесемъ до дверей директорской квартиры. Качать Флуга! Ура, Флугъ!

И прежде чѣмъ маленькій Флугъ успѣлъ опомниться, нѣсколько рукъ подхватили его, высоко подняли надъ головами и торжественно вынесли изъ физическаго кабинета, къ великому удовольствію «мелочи», отовсюду высунувшей свои любопытныя рожицы, украшенныя довольно-таки не двусмысленными синяками.

Физическая комната сразу опустѣла. Нэдъ фонъ-Ренке остался въ ней одинъ...



ГЛАВА VI.

Драма жизни.

Ъ то время, къ которому относится наша повѣсть, гимназическіе карцеры, мѣста заключенія провинившихся учениковъ, уже прикончили свое существованіе. Вмѣсто нихъ провинившихся запирали подъ замокъ въ пустомъ классѣ, послѣ послѣдняго часа занятій, на опредѣленное начальствомъ время. Подобнаго рода наказаніе постигало чаще всего младшіе классы и средніе; восьмиклассники же не испытывали на себѣ до сихъ поръ непріятной необходимости просидѣть шесть часовъ подрядъ подъ ключомъ въ опустѣвшей гимназіи.

Не мудрено поэтому, что такого рода взысканіе, постигшее Юрія Радина, не могло не взволновать весь классъ. Посылали депутацію къ «мотору», прося снисхожденія виновному, но Анчаровъ остался непоколебимъ и Юрію пришлось «отсиживать» въ своемъ подневольномъ заключеніи.

Тоскливо и смутно было на душѣ юноши. Одно изъ оконъ «аида» (прозвище, данное гимназистами, игравшимъ роль карцера, пустымъ классамъ) было раскрыто настежь.

Оно выходило въ глухой и узкій переулокъ.

Прямо передъ нимъ торчала безобразная сѣрая стѣна сосѣдняго дома. Клочекъ весенняго неба виднѣлся черезъ нее синевато-нѣжный, задумчивый и воздушный. Остальныя окна выходили на широкую улицу и были плотно заперты.

Сквозь открытое окошко вливалась опьяняющая нѣга чуть пробуждающейся молодой весны. Никакой ароматъ въ мірѣ не сравнится съ этимъ свѣжимъ и тонкимъ благоуханіемъ синеокаго красавца Апрѣля.

Юрій Радинъ улегся на широкій подоконникъ лицомъ къ небу, вѣрнѣе къ голубому клочку и и думаетъ, думаетъ, думаетъ невеселую, угрюмую думу.

Большаго ужаса, большей кары самъ врагъ рода человѣческаго не могъ бы придумать для него. «Моторъ» неумышленно, конечно, наказалъ его самымъ чувствительнымъ образомъ... Юрій вздрогнулъ при одной мысли объ этомъ. Его синіе глаза потемнѣли отъ волненія и затаеннаго горя.

— Мама дорогая! За что? За что, моя единственная, ненаглядная!

Гдѣ-то болѣзненно и глубоко затрепетало въ его душѣ: «Мама! Дорогая!». Въ одинъ мигъ ея образъ предсталъ передъ нимъ болѣзненно хрупкій, манящій. Такой, какою онъ видитъ ее въ послѣднее время. Она волнуется, безпокоится, мучается за него, такая худенькая, слабенькая, больная... Вѣдь онъ долженъ былъ быть во что бы то ни стало дома сегодня. Непремѣнно долженъ... Сегодня консиліумъ... Васенька привезетъ къ нимъ сегодня «знаменитость». Сегодня разрѣшится, наконецъ, этотъ страшный вопросъ, чѣмъ она больна и насколько серьезно больна его радость—мама... Насколько страшенъ этотъ странный, сверлящій

ея тѣло недугъ, который точитъ ее за послѣдніе годы. Васенькѣ, ихъ бывшему домашнему врачу въ былые счастливые годы, а теперь ихъ ближайшему другу съ тѣхъ поръ какъ они обѣднѣли, этому самому Васенькѣ удалось уломать «знаменитость» позволить себя привезти къ нимъ. Извѣстный профессоръ-спеціалистъ по груднымъ болѣзнямъ, настоящее чудо ученаго міра, едва согласился заглянуть къ нимъ къ 8-ми часамъ. А что если онъ разсердится, что никого изъ близкихъ не будетъ въ это время около больной? Разсердится и уѣдетъ, не поставивъ діагноза, не разъяснивъ болѣзни его матери... О, Господи, за что?!

И юноша, стиснувъ свои тонкіе пальцы, хрустнулъ ими:

— Хорошъ я тоже... Позволилъ запереть себя, какъ гусь для убоя... И въ такую минуту—вихремъ проносилось въ его головѣ.

Юрій быстро всталъ на ноги... Встряхнулся... Нервная судорога повела его красивое лицо.

А вдругъ профессоръ найдетъ что-либо ужасное у мамы и Васенька скроетъ это отъ меня! Побоится сказать, разстроить, что тогда?..

Холодный потъ выступилъ на лбу юноши... Тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди. И вдругъ почему-то неожиданно и быстро выплыла передъ нимъ одна потрясающая душу картина изъ его прошлаго. Онъ—Юра, десятилѣтній мальчикъ, сидитъ въ роскошно убранномъ будуарѣ его матери и учитъ наизусть французскіе стихи. Гувернеръ-швейцарецъ задалъ ихъ ему—общему баловню и любимцу родителей. Въ то лучшее привиллегированное заведеніе, куда думаетъ отдать его отецъ, безъ французскаго языка поступить немыслимо.

Тамъ учатся графы и князья и знаніе языковъ тамъ также обязательно какъ знаніе «Отче нашъ» и Символа Вѣры. Онъ, Юра, не княжескій и не графскій сынъ, но его отецъ, извѣстный и крупный дѣятель, знакомъ всему Петербургу своими денежными предпріятіями и, благодаря крупному капиталу, онъ можетъ воспитывать, какъ владѣтельнаго принца своего маленькаго Юру. А теперь еще подоспѣло какое-то новое солидное предпріятіе,—постройка новой желѣзнодорожной вѣтви, которая, какъ говорятъ окружающіе, дастъ около милліона прибыли Кириллу Викторовичу Радину, отцу Юры. Мальчикъ знаетъ, что онъ будетъ богатъ, какъ маленькій Крезъ и ему лѣнь учиться. Къ тому же кругомъ него такая роскошь!.. Ихъ огромный домъ похожъ на дворецъ... Чего только въ немъ нѣтъ! Какое тутъ ученье пойдетъ въ голову, когда у Юры въ его собственномъ маленькомъ кабинетѣ шкафъ полонъ книгами лучшихъ произведеній русской и иностранной литературы. О! Онъ такъ любитъ читать, маленькій Юра! Но учиться все-таки надо и если не ради себя, то ради ее—мамы... О, дорогая! Когда она смотритъ на него своими васильковыми глазами, ему кажется, что само небо улыбается въ ея взорѣ. Онъ боготворитъ ее, маму—такую радостную, свѣтлую, такую ласковую, молодую! Отца онъ меньше знаетъ, потому что видитъ рѣже и любитъ его, какъ-будто слабѣе даже, нежели мать.

Разумѣется, онъ будетъ учить басню про эту глупую стрекозу, проплясавшую все лѣто...

И мальчикъ зажимаетъ уши, зажмуриваетъ глаза и учитъ, учитъ... Вѣдь надо же выучить? Monsieur Cornêt спроситъ... И если онъ отвѣтитъ

хорошо, безъ ошибокъ — голубушка-мама поцѣлуетъ его...

Вечеръ спускается незамѣтно... тихо... Въ будуарѣ затапливаютъ каминъ... Сейчасъ и мама вернется со своихъ визитовъ, такая красоточка, воздушная, легкая, нарядная, всегда въ чемъ-то свѣтломъ, точно облачкомъ, окутывающимъ ея маленькую, худенькую фигурку.

— Милая! Онъ уже чувствуетъ ея приближеніе. Сейчасъ... Скоро... Вотъ, вотъ!..

И вдругъ этотъ крикъ, страшный и мучительный крикъ безумія, почти дикаго ужаса, прозвучавшій рѣзкимъ воплемъ по всей ихъ роскошной квартирѣ.

О, какой ужасъ! Какая мгновенная, страшная смерть! Когда его отца принесли уже мертваго изъ клуба и десятилѣтнему Юрѣ объяснили, что съ папой ударъ отъ неожиданнаго нервнаго потрясенія, — онъ ничего не понялъ. Онъ только видѣлъ большого, странно распростертаго и неподвижно лежащаго на столѣ человѣка, мало похожаго на его всегда живого, добродушнаго и озабоченнаго папу. Но потомъ все выяснилось сразу. Страшно и грубо сорвала съ себя маску судьба и показала свое злое старческое лицо бѣдному ребенку. Юра узналъ вдругъ, что они стали нищими, что дѣло, въ которомъ участвовалъ отецъ, лопнуло, что и было причиной смерти отца.

Съ этого-то дня маленькій Юра и пересталъ быть ребенкомъ.

Онъ видѣлъ, какъ продавалась съ аукціона ихъ роскошная обстановка и деньги, вырученныя за нее, переходили въ карманы какихъ-то жестокихъ, крикливыхъ людей, громко требующихъ

уплаты долга, оставшагося послѣ смерти Кирилла Викторовича. Гувернера и учителей распустили. Переѣхали изъ огромныхъ палатъ въ крошечную комнатку и тутъ-то и началась борьба мучительная, страстная борьба голодныхъ людей съ нуждою.

Нина Михайловна Радина была урожденная графиня Рогай. Получивъ блестящее свѣтское воспитаніе, она всетаки не годилась для служебной дѣятельности. Не для этой жизни готовили ее ея родители. Но тутъ выручило нѣчто совсѣмъ неожиданное. Еще будучи барышней, Нина Михайловна отлично рисовала по фарфору. И теперь она принялась украшать букетами фарфоровыя тарелки, чашки и прочую посуду на продажу. Это обезпечивало, по крайней мѣрѣ, мать и сына отъ голодной смерти на первое время.

Юра Радинъ поступилъ въ гимназію. Изъ любви къ матери онъ сталъ учиться прекрасно и сразу занялъ выдающееся положеніе среди своихъ сверстниковъ. Любимецъ товарищей, начальства и учителей, онъ добился того, что съ перваго же года, не въ примѣръ прочимъ, былъ освобожденъ отъ платы за ученье. А годы шли, да шли... Хрупкая, болѣзненная Нина Михайловна не вынесла постоянной работы безъ устали и передышки. Силы ея упали, здоровье подточилось и грознымъ призракомъ смерти повѣяло на молодую, сравнительно, женщину. Юра пришелъ въ ужасъ. Ему было тогда 15 лѣтъ. Онъ давалъ уроки, занимался перепиской, словомъ, гдѣ и какъ могъ, помогалъ матери... Но уроки маловозрастному гимназисту попадались рѣдко, а если и попадались, то за такую ничтожную цѣну, что ее едва-едва хватало на хлѣбъ. Нечего и говорить о томъ, какъ обрадовался Юрій, когда встрѣтившій его

случайно директоръ одного изъ городскихъ театровъ предложилъ юношѣ занять у него мѣсто выходного актера, по-просту статиста, обѣщая ему платить по два рубля за каждый выходъ. Юрій радостно встрепенулся. Для нихъ съ матерью, наголодавшимся вдоволь, эти деньги показались огромнымъ богатствомъ. Новые счастливые горизонты раскрылись передъ юношей, какъ вдругъ... Этотъ неожиданный доносъ въ видѣ газетной статейки, объясненіе съ директоромъ, наказаніе...

При одной мысли обо всемъ этомъ новый ужасъ охватилъ юношу...

Сегодня онъ долженъ быть дома во чтобы то ни стало! Долженъ! Но какъ? Какъ? Боже Великій! Скоро-ли кончится все это? Онъ сброситъ съ себя эту черную куртку и станетъ свободнымъ, какъ птица? Скоро-ли онъ будетъ работать, какъ волъ для своей матери, единственной радости, оставшейся ему на землѣ?! Да, скоро! Скоро теперь, скоро!

Черезъ три-четыре мѣсяца онъ будетъ «тамъ»... въ томъ желанномъ и свѣтломъ храмѣ науки, который составляетъ предметъ самыхъ жгучихъ мечтаній каждаго гимназиста!—Университетъ!

Господи! Сколько радостныхъ и счастливыхъ грезъ въ этомъ звукѣ!

При воспоминаніи объ университетѣ, глаза Юрія разгорѣлись пламенными огоньками, а сердце замерло радостно и сладко. Еще бы! Познать всю сладость науки, забыться въ серьезномъ чтеніи отъ всѣхъ неурядицъ и мелочей ихъ жалкаго существованія! А главное услышать тѣхъ лучшихъ людей ученаго міра, которые отдали себя, свой трудъ, свои знанія служенію науки. И подъ руководствомъ этихъ лучшихъ профессоровъ, шагъ за

шагомъ, узнавать новыя, все новыя истины. И въ новый міръ, въ міръ дивный и прекрасный откроетъ ему двери желанный университетъ!

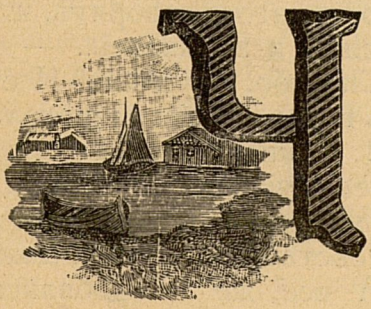
Все существо юноши наполнилось чуднымъ необъяснимымъ сладостнымъ чувствомъ... Черезъ три мѣсяца только! И тогда! Тогда... Рай распахнетъ ему двери, свѣтозарный и свѣтлый земной рай!

Но до тѣхъ поръ? Какъ же быть ему теперь? Сейчасъ? Сегодня?

Онъ до боли стиснулъ голову руками.

— Консиліумъ... мама.. Васенька скроетъ... не скажетъ... если... если...

Страшная, туманная мысль сковала его мозгъ. Сердце захолодѣло тяжелымъ предчувствіемъ. Въ безсильномъ гнѣвѣ и смертельной тоскѣ онъ упалъ головою на подоконникъ и замеръ безъ мысли, безъ движенія...



ГЛАВА VII.

Бѣгство изъ «Аида».

ТО-ТО хрустнуло, звякнуло, глухо зашуршало у него подъ окномъ. Юрій поднялъ голову, высунулся и легкій крикъ радости замеръ на его губахъ:

— Флугъ! Голубчикъ! ты?

Подъ самымъ подоконникомъ сіяло ему худенькое, возбужденное личико Давида Флуга.

Ловкій и подвижной, какъ обезьянка, онъ

успѣлъ въ какихъ-нибудь нѣсколько минутъ добраться по водосточной трубѣ въ третій этажъ, гдѣ находился злополучный аидъ, и теперь ликующій сидѣлъ на подоконникѣ и тихо восторженно шепталъ:

— Вотъ видишь... совсѣмъ не такъ трудно... И въ переулкѣ ни души... Я знаю, ты мнѣ говорилъ вчера, что у васъ сегодня консиліумъ... Такъ вотъ я... Только ради Бога тише... Луканька, какъ нераскаянный грѣшникъ, по корридору бродитъ... Того и гляди вонзится... Я за тебя побуду... Бери мое пальто, фуражку... И айда!.. До девяти можешь гулять спокойно... Не торопись особенно... Мнѣ дѣлать нечего—я дрыхать буду—смерть спать хочется. И Флугъ притворно зѣвнулъ, блеснувъ своими мелкими ровными, какъ у бѣлочки острыми, зубами.

Опѣшившій и растерянный отъ неожиданности, Радинъ съ какою-то свирѣпою силой стиснулъ хрупкую тоненькую руку маленькаго Давида.

— И послѣ этого... послѣ этого говорятъ, что евреи!.. началъ онъ краснѣя и задыхаясь.. — да золотыя сердца у васъ! Спасибо, дружище! И съ внезапнымъ порывомъ онъ горячо обнялъ пріятеля.

— Ладно! Ужъ ладно! Ступай! — усмѣхнулся тотъ. — Ахъ, да!... вотъ еще, чтобы не забыть... Были всѣ мы кагаломъ у мотора... Штука, братъ! Требовали, кричали, неистовствовали. Ей-ей! Даже Луканька струхнулъ... А все же не добились, уволить не уволятъ, а медали лишатъ...

— Да кого лишатъ-то, говори толкомъ! — изумился Юрій.

— Вотъ чэловэкъ, какъ говоритъ Соврадзе!— патетически вскинувъ глаза къ потолку, вскричалъ маленькій еврей.—Онъ ничего не знаетъ. Да вѣдь

изъ-за тебя все дѣло, чучело ты эдакое!.. Изъ-за театра и ареста твоего... Вѣдь докопался я, кто въ газетѣ статью тиснулъ... Ренке это...

— Ренке?—изумленно произнесъ Радинъ,—но зачѣмъ же!

— Вотъ дубина-то! Недогадывается! Голова!— еще горячѣе зашепталъ маленькій Давидъ.—Да пойми же ты, башка, что еслибы не ты, Ренке первую медаль получилъ... А ты ему поперекъ пути, какъ заборъ коровѣ, возвращающейся съ поля. Вотъ! А теперь шалишь! Медали онъ не увидитъ какъ своихъ ушей, потому моторка ему его «писательства», ни Боже мой, не спуститъ... Чуть было не вытурилъ его въ попыхахъ, да одумался... Видишь, у нашей остзейской миноги какія-то связи, родственники при дворѣ, забодай его козелъ рогами, ну, а моторъ трусъ изрядный, самъ знаешь!.. А все-же вмѣсто медали у Ренке... вотъ! И маленькій еврей растянулъ руку и показалъ кому-то невидимому нѣкій знакъ, именуемый «масонскимъ», иначе говоря просто шишь на нашемъ общемъ языкѣ.—А теперь ступай... По воздуху, аки посуху... И помни, до девяти вечера я дрыхну, и видѣть твою физику вовсе не намѣренъ! весело заключилъ Флугъ.

Радинъ вспыхнулъ благодарнымъ взглядомъ на великодушнаго маленькаго человѣчка, еще разъ стремительно сжалъ его пальцы и въ слѣдующую же минуту въ фуражкѣ и пальто Давида, доходившемъ ему едва-едва до колѣнъ, безшумно скользилъ внизъ по трубѣ...

ГЛАВА VIII.

Діагнозъ безстрастной „знаменитости“.

РКА, ты?

Нина Михайловна своимъ чуткимъ ухомъ уловила стукъ входной двери, легкіе шаги въ корридорѣ, знакомую, быструю дорогую походку и по блѣдному, изможденному лицу ея, еще красивому и не старому, несмотря на совсѣмъ сѣдую голову, медленно проползла счастливая улыбка. Удивительнаго, рѣдкаго цвѣта васильковые глаза ея мягко и влажно засіяли, обращаясь къ дверямъ.

Нѣтъ сомнѣнія,—это онъ—ея мальчикъ!

И какъ-бы въ подтвержденіе ея мысли Юрій стремительнымъ ураганомъ ворвался въ ихъ крошечную комнату.

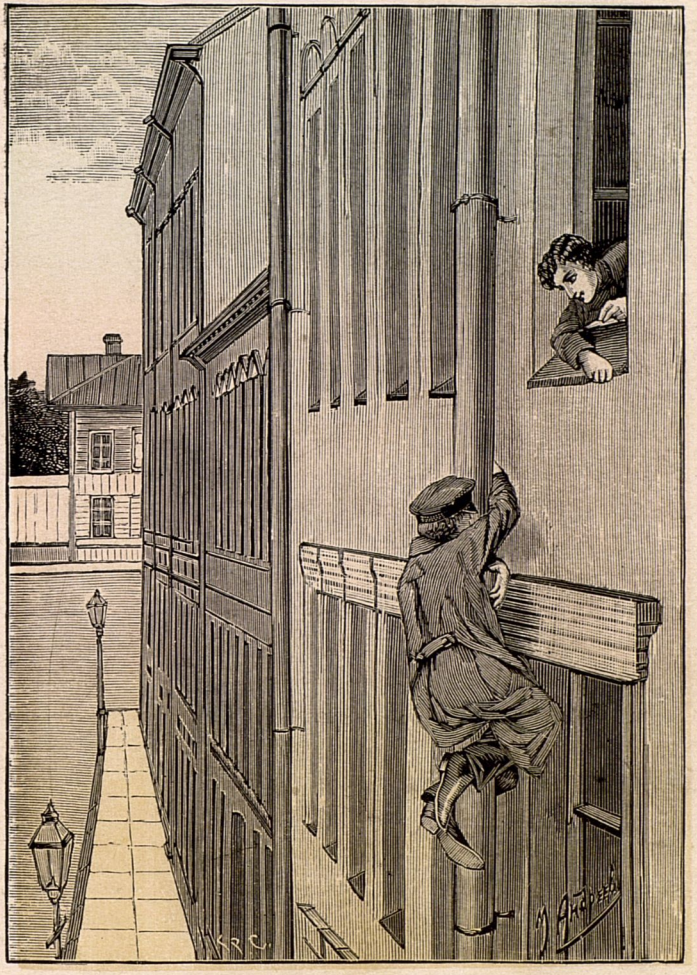
— Мамуся!

— Каштанчикъ!

Они всегда называли такъ наединѣ другъ друга. Нина Михайловна широко раскрыла объятія и каштановая, кудрявая голова Юрія прижалась къ ея груди.

— Мама, они ушли?—робко прозвучалъ голосъ юноши.

— Нѣтъ... нѣтъ... въ комнатѣ хозяйки совѣщаются! – поторопилась успокоить сына Радина,— но почему ты такъ поздно? Я волновалась... и что это за пальто на тебѣ? уже встревоженнымъ голосомъ заключила она.



Радинъ въ фуражкѣ и пальто Давида, безшумно скользилъ внизъ по трубѣ. (Къ стр. 47).

Юрій вспыхнулъ. Онъ не умѣлъ лгать...

— Опоздалъ? пальто?.. ронялъ онъ, безсмысленно глядя на безобразно коротенькую амуницію Флуга, боясь еще болѣе встревожить мать объясненіемъ о томъ, какъ на него донесли, какъ онъ «влопался», какъ угодилъ подъ «арестъ». Опять она взволнуется, начнетъ плакать, нервничать... Поднимется этотъ кашель снова, этотъ ужасный кашель, который разрываетъ на части ея грудь и тяжелымъ молотомъ отзывается въ его сердцѣ...

— Объ этомъ потомъ, мама, моя родная,—тихо произнесъ онъ—не волнуйся только, все хорошо, опоздалъ потому, что у насъ вышелъ скандальчикъ въ классѣ... Но все вздоръ, повторяю. А только я пойду... къ профессору, нужно узнать все... понимаешь-ли? Голубушка моя, прости!

И прежде чѣмъ Нина Михайловна успѣла сказать что-либо, Юрій быстро прижался къ ея рукѣ губами и, стремительно отбѣжавъ отъ кресла, гдѣ она сидѣла вся обложенная подушками, въ одинъ мигъ скрылся за дверью.

. . . . . .

. . . . . .

— Къ вамъ можно?

Голосъ юноши прозвучалъ робко, не смѣло...

«Знаменитость» бросила недовольный взоръ на дверь. Извѣстный профессоръ, спеціалистъ по грудным болѣзнямъ, свѣтило ученаго міра, не любилъ, когда его безпокоили вообще, а во время консиліумовъ—особенно. Онъ только что оглушилъ скромнаго молодого военнаго врача Василія Васильевича Кудряшина цѣлою бурею громкихъ латинскихъ терминовъ—названій всевозможныхъ болѣзней и теперь доказывалъ что-то съ бурнымъ ожесточеніемъ своему молодому коллегѣ. И вдругъ...

— Къ вамъ можно?

Что хочетъ ему сказать этотъ статный, худенькій синеглазый мальчикъ, такъ внезапно появившійся на порогѣ? А «синеглазый мальчикъ» уже стоитъ передъ нимъ взволнованный, трепещущій, поблѣднѣвшій...

— Господинъ профессоръ, простите ради Бога,— говоритъ Юрій и его молодой красивый теноръ звучитъ глухо и странно,—ради Бога простите, но я долженъ... вы должны... да вы должны... сказать, что съ моей матерью?.. Какая ей грозитъ опасность? И чѣмъ? Чѣмъ наконецъ избавиться отъ недуга, который точетъ ее?..

Профессоръ кинулъ черезъ очки взглядъ на невысокую фигуру юноши. Потомъ перевелъ глаза на Кудряшина и произнесъ, полувопросительно, кивнувъ головой въ сторону Юрія.

— Какъ его нервы?

— О, онъ силенъ какъ молодой львенокъ, ему можно говорить спокойно все. И, какъ бы желая ободрить юношу, Васенька нѣжно похлопалъ по плечу Радина.

— Тогда приготовьтесь услышать большую непріятность, юноша,—мямля и пожевывая губами протянулъ профессоръ,—ваша мать опасна... Она не протянетъ долго въ этой обстановкѣ и будетъ таять какъ свѣча, пока... пока... если...

— Если? задохнувшись, простоналъ Юрій, и какъ синія колючія иглы его глаза впились въ безстрастное лицо «знаменитости».

— Если вы не отправите вашу мать на югъ Франціи или Италіи, Швейцаріи, наконецъ, куда-нибудь въ Ниццу, въ Лугано, или Негри... Солнце и воздухъ сдѣлаютъ чудо... и въ три года ваша

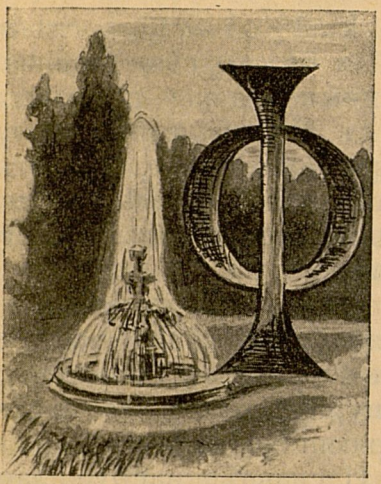
мать поправится и расцвѣтетъ, какъ роза. Вотъ вамъ мой совѣтъ!

— Вотъ вамъ мой совѣтъ!—отозвался гдѣ-то глубоко въ сердцѣ сухой и безстрастный голосъ профессора... Вотъ вамъ мой совѣтъ...—произнесъ кто-то въ пространствѣ съ дикимъ и страшнымъ удареніемъ... И разомъ все захохотало, завертѣлось и закружилось въ сатанинской пляскѣ вокругъ Юрія. Смертельная блѣдность разлилась по его лицу... Голова закружилась...

— Она расцвѣтетъ, какъ роза!—страннымъ отзвукомъ раздался въ его ушахъ старческій дребезжащій голосъ. Потомъ ему представилась со страшной нелѣпостью пурпуровая роза, прекрасная, крупная, съ одуряющимъ запахомъ, ударившимъ его въ голову. И сильнѣе закружилась голова... Мысли поползли по ней страшныя, сѣрыя, тягучія и жуткія, какъ привидѣнія, больныя мысли...

Онъ зашатался... Потомъ криво усмѣхнулся.— Это невозможно!—беззвучно дрогнули его губы...— Мы нищіе... Ни Лугано, ни Ницца, ни что другое не доступно для насъ.

И, слегка пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.



ГЛАВА IX.

Его жертва.

ЛУГЪ, ты, кажется, заснулъ?

Маленькій Давидъ вскочилъ, какъ встрепанный.—Что это? Онъ дѣйствительно уснулъ на полу „аида“ такъ же сладко и безмятежно, какъ на своей домашней постели. И дико тараща глаза, маленькій еврей окинулъ взоромъ комнату.

Окно открыто настежь... Легкій вѣтерокъ дышетъ на него вмѣстѣ съ неуловимымъ дыханіемъ Апрѣля... Южные, голубоватые сумерки заволокли природу. На окнѣ сидитъ Радинъ, въ его Давидовомъ куцомъ пальто и въ съѣхавшей на затылокъ мятой фуражкѣ. Но что съ нимъ? Лицо блѣдно, какъ у мертвеца. Глаза лихорадочно горятъ.

Маленькій еврей вздрогнулъ.

— Каштанка, что ты? проронили его вздрагивающія губы.

— Моя мать умретъ... умретъ въ два мѣсяца или расцвѣтетъ, какъ роза!—дико вскрикнулъ Радинъ и въ безсиліи отчаянія и муки сжалъ голову руками.

Страшная, какъ смерть, минута проползла таинственная и жуткая на лонѣ тихаго апрѣльскаго вечера... Маленькій Давидъ поднялъ руки,

всплеснулъ ими и безпомощно произнесъ своимъ слабымъ голоскомъ:

— Да говори ты толкомъ, ради Бога... Ничего не понимаю!

Тогда Юрій опомнился. Вспыхнулъ. Собралъ силы. Теперь его рѣчь полилась неудержимо...

— Болѣзнь... печальный исходъ... или Лугано... Солнце... море... воздухъ и розы...— срывалось безпорядочнымъ лепетомъ съ его устъ безсвязно и быстро.—И это невозможно! Мы нищіе... Не для насъ Лугано и Ницца! Пойми ты, ради Господа!.. И она умретъ.

Что-то дрогнуло и оборвалось въ груди синеглазаго юноши... Что-то зазвенѣло какъ струна...

И вдругъ глухое судорожное рыданіе, похожее на вой, огласило стѣны класса.

Радинъ не могъ сдерживаться больше и зарыдалъ, какъ ребенокъ, упавъ на подоконникъ своей кудрявой головой... Изъ его груди вырвались вопли.

— Мы только двое... двое... на свѣтѣ... пойми, Флугъ, пойми... Для нея я живу... для нея работаю... Она моя единственная... И она умретъ! Умретъ, растаетъ, какъ свѣчка, потому что и Лугано... и Ницца для богачей... да... а не для насъ нищихъ, не для насъ! И полный безсильнаго отчаянія, злобы и муки онъ заскрежеталъ зубами.

Маленькій Давидъ выпрямился. Чахоточный румянецъ заигралъ на его лицѣ... Черные глаза заискрились неожиданною мыслью... Онъ подскочилъ къ Радину, съ силой, которую трудно было ожидать отъ такого слабенькаго существа, оторвалъ руки Юрія отъ его лица, залитаго слезами, и закричалъ почти въ голосъ:

— Врешь! не умретъ она! И я смѣло говорю

тебѣ это, я маленькій ничтожный еврей, сынъ почтеннаго стараго Авраама Флуга!

Юрій только горько покачалъ головою... Его разомъ потемнѣвшіе глаза, влажные отъ слезъ, недовѣрчиво вскинулись на Давида.

— Не можетъ этого быть!—проронили губы.

— Врешь, можетъ—неистовствовалъ Флугъ.— Денегъ у тебя нѣтъ... говоришь,—деньги будутъ!

— Ты смѣешься?

— Да ты очумѣлъ, что-ли? И онъ думаетъ, этотъ великовозрастный дуралей, что Давидъ Флугъ можетъ смѣяться въ такую минуту. Да будь я проклятъ до седьмого колѣна, если я посмѣю шутить и смѣяться сейчасъ.

И маленькій Флугъ закашлялся и затопалъ ногами, охваченный закипѣвшимъ съ головы до ногъ неистовымъ возмущеніемъ. Потомъ разомъ пришелъ въ себя... Торопясь, суетясь и волнуясь, подставилъ стулъ Юрію, насильно усадилъ на него товарища и, задыхаясь, весь волнующійся и суетливый, снова заговорилъ:

— Слушай и молчи... Я не долженъ сбиваться... Пожалуйста, не мѣшай мнѣ и слушай:

Двѣ недѣли тому назадъ моторъ вызвалъ меня къ себѣ... Я, знаешь-ли, откровенно говоря, труса спраздновалъ: зовутъ къ директору, зачѣмъ зовутъ? Пошелъ. Вижу встрѣчаетъ торжественный и письмо въ рукахъ.

Вотъ, говоритъ, Флугъ, дѣло васъ касается. Другимъ я не предложу, потому какъ другіе въ университетъ пойдутъ, а вамъ, евреямъ, туда доступъ труднѣе... А я себѣ думаю...—Почему же мнѣ и не попасть, если я на экзаменѣ на пятеркахъ выпрыгну? Однако, молчу. Пусть его себѣ говоритъ на здоровье. Онъ и заговорилъ. Тутъ,

говоритъ, письмо одно я получилъ. Помѣщикъ одинъ изъ своего имѣнія изъ глуши пишетъ. Предлагаетъ двухъ мальчиковъ готовить, на три года по контракту... По тысячи рублей въ годъ, а полторы тысячи сейчасъ, впередъ даетъ. Вы, говоритъ, не гнушайтесь этимъ мѣстомъ, мѣсто хорошее. И три тысячи гонорара и часть денегъ впередъ. Прочелъ я письмо, а моторъ опять заводитъ:

— Что же, говоритъ, согласны?—А я себѣ думаю.

— Дуракъ человѣкъ, кто отъ своего счастья откажется,—отъ университета ускользнетъ... Вѣдь это земля Ханаанская... Нѣтъ, говорю, Вадимъ Всеволодовичъ, я не согласенъ... Попытаю свое счастье... съ университетомъ, авось попаду. А онъ такъ холодно мнѣ въ отвѣтъ.—Какъ желаете... Я для васъ же лучше хотѣлъ... Это видишь ли... вы, русскіе, убѣждены, что мы евреи за золото душу отдать готовы! А не правда это! Ложь! Сущая ложь!.. Еврей свое счастье понимаетъ, и на деньги плюетъ, когда его счастье въ другую сторону манитъ—заключилъ Флугъ, сіяя своими черными прекрасными глазами.

Но Юрій Радинъ уже не слушалъ его. Онъ стоялъ, встревоженный и блѣдный, обратившись лицомъ къ молодому только что всплывшему мѣсяцу и шепталъ:

— Да... да... хорошо... Флугъ... отлично, Флугъ!—Все прекрасно... Я понялъ тебя... маленькій мой Флугъ... и... и... университетъ къ шуту!.. Я беру мѣсто, у помѣщика.

— Вотъ!—вырвалось счастивымъ возгласомъ. изъ груди еврея,—полторы тысячи, ты пойми!. Твоей матери будетъ достаточно на годъ... Въ Лугано можно устроиться скромно... А тамъ...

что-нибудь еще выдумаешь... А университетъ не пропадетъ... Черезъ три года можешь поступить смѣло...

— Нѣтъ, Флугъ, я уже не поступлю туда, милый. Три года срокъ огромный... Я отвыкну отъ книгъ и отъ ученья за этотъ срокъ! Да и некогда будетъ... Буду продолжать учить другихъ, готовить мелюзгу, а самъ... самъ...

Юрій задохнулся... Мысль о потери университета казалась ему чудовищной и жуткой, какъ смерть. Флугъ, казалось, видѣлъ страшную глупую борьбу въ сердцѣ своего товарища и изнывалъ отъ жалости и душевной боли за него.

Но вдругъ Юрій, какъ бы, встряхнулся, выпрямился. Черныя брови сомкнулись надъ гордыми, сіяющими глазами.

— Я благословляю тебя, Флугъ!—произнесъ онъ твердымъ голосомъ безъ малѣйшей въ немъ дрожи колебанья,—да, благословляю за твой совѣтъ... Завтра же иду къ мотору просить рекомендаціи на мѣсто... потому что... потому что...— Тутъ онъ задержался на минуту и произнесъ уже совсѣмъ новымъ, мягко зазвучащимъ ласковымъ голосомъ:

— Потому что я страшно люблю мою мать!

ГЛАВА X.

Карикатура.

УЧИТЕЛЬСКАЯ конференція*) строже взглянула на дѣло Ренке, нежели самъ директоръ... На совѣтѣ педагоговъ говорили по этому поводу бурно и много. Кое-кто изъ учителей подалъ голосъ за полное исключеніе фонъ-Ренке изъ гимназіи. Газетная статейка съ изобличеніемъ своего же товарища показалась чудовищнымъ поступкомъ вопіющей подлости.

Только самъ моторъ, да учитель латинскаго языка, прозванный «Шавкой» за его раздражительный и желчно-придирчивый характеръ отстаивали длиннаго остзейца. Шавка, единственный человѣкъ изо всей гимназіи, искренно благоволилъ къ Нэду. Причина этой симпатіи была самая простая. Нэдъ фонъ-Ренке зналъ латынь, какъ никто въ классѣ, а этого было вполнѣ достаточно, чтобы „Шавка“ или Данила Дмитріевичъ Собачкинъ воспылалъ къ усердному ученику самой сильной привязанностью. Остальные учителя, какъ и гимназисты, не терпѣли Ренке.

Онъ держалъ себя вызывающе и независимо одинаково и съ равными и съ начальствомъ. И въ то же время такъ, что никто не могъ придраться къ нему. Учился Ренке великолѣпно. Строго исполнялъ всѣ предписанія начальства, но въ то

*) Совѣтъ.

же время что-то снисходительно-презрительное, по отношенію ко всѣмъ, было во всѣхъ его строго разсчитанныхъ движеніяхъ, въ бѣлобрысомъ надменномъ лицѣ, даже въ самомъ костюмѣ, казалось преувеличенно изящномъ, всегда новенькомъ и дорогомъ.

Онъ поступилъ изъ Рижской гимназіи на три послѣдніе года. Для чего? Этого никто не зналъ. Ходили о Ренке темные слухи... Говорили, что онъ баснословно богатъ и что у него есть гдѣ-то замокъ въ Лифляндіи, роскошный какъ дворецъ и что онъ живетъ въ немъ одинъ какъ перстъ на свѣтѣ.

Малыши-мелочь, склонная ко всему таинственному и необыкновенному, окружила уходъ Ренке изъ Рижской гимназіи какою-то трагической тайной... Говорили, что Ренке, еще будучи въ 4-мъ классѣ, у себя въ Ригѣ вызвалъ на дуэль преподавателя греческаго языка и убилъ его... За это его перевели въ Петербургъ и хотѣли отдать подъ судъ, но Ренке отдалъ „цѣлый милльонъ“ вдовѣ „грека“ и его маленькимъ дѣтямъ и Ренке простили.

Слухи нелѣпые, но вполнѣ достигающіе своего назначенія окружить непроницаемымъ флеромъ таинственности загадочную особу длиннаго барона.

Исторія съ газетной статьей надѣлала много шуму. О ней говорили всюду: говорили въ классахъ, говорили въ чайной, даже въ каморкѣ Александра Македонскаго, атлета-сторожа, говорили великовозрастные гимназисты, забѣгавшіе туда «вскурнуть» подъ сурдинку, то есть попросту выкурить пару папиросъ и «перемыть косточки» нелюбимымъ преподавателямъ и класснымъ наставникамъ.

Однако, моторъ совокупно съ Шавкой „от-

стояли" Нэда и фонъ-Ренке не исключили. Ему рѣшили сдѣлать публичный выговоръ и лишили второй медали, на которую длинный баронъ былъ зачисленъ до сихъ поръ кандидатомъ. Своимъ „спасеніемъ" отъ исключенія изъ гимназіи Нэдъ былъ обязанъ вполнѣ директору и латинцу.

Невѣдомо какими путями, но до осьмериковъ дошли самыя точныя подробности рѣшенія учительскаго совѣта. Доподлинно узналось, что Шавка спасъ „гадюку", какъ тогда звали въ гимназіи Ренке. Отстоялъ его въ то время, когда остальные члены конференціи настаивали на его удаленіи изъ гимназіи.

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы даже спокойныя и разсудительныя головы запылали жаждою мести по отношенію къ Шавкѣ, и безъ того самому нелюбимому изъ всѣхъ учителей.

И «Аріане нечестивые» закипѣли снова... Въ первый же ближайшій урокъ рѣшено было разыграть «Шавку», закатить ему «бенефисъ», то-есть, попросту говоря, устроить ему преблагополучно самый настоящій классный скандальчикъ, на который нечестивые Аріане были изобрѣтателями первый сортъ.

И Шавку «разыграли».

Былъ понедѣльникъ. Послѣдній понедѣльникъ до окончанія классныхъ занятій. Съ субботою заканчивался учебный сезонъ, осьмериковъ распускали съ тѣмъ, чтобы снова собрать ихъ черезъ недѣлю, но уже въ актовомъ залѣ, для перваго выпускного экзамена. Торжественно приподнятое настроеніе царило въ умиленныхъ сердцахъ Аріанъ... Всѣ чувствовали, что стоятъ у предверія новой жизни, свѣтлой и прекрасной, на порогѣ университета, этого античнаго храма мудрости и кра-

соты, о которомъ страстно и пламенно мечтаетъ каждый гимназистъ восьмиклассникъ.

Собирались сегодня на уроки лѣниво, но весело и шумно сошлись на общей молитвѣ въ рекреаціонномъ залѣ... Разошлись по классамъ, младшіе чинно и степенно шаркая подметками, старшіе шумной, веселой и празднично-настроенной толпой.

— Господа! Глядите!

И едва только успѣлъ Гремушинъ протянуть руку къ классной доскѣ, какъ дружный взрывъ хохота раздался среди Аріанъ. На черной доскѣ мѣломъ съ изумительною точностью и сходствомъ былъ изображенъ Собачкинъ въ видѣ огромнаго цѣпного пса съ зловѣще оскаленными зубами. На ошейникѣ было четко вырисовано «Шавка». Внизу подъ нимъ стояло: «Покорнѣйше просятъ не гладить и не дразнить, безъ намордника кусается».

На носу Шавки чуть держалась длинная змѣя съ воспроизведеннымъ до малѣйшихъ подробностей лицомъ Нэда фонъ-Ренке. Надъ головами обоихъ было сіяніе... Въ центрѣ сіянія чья-то рука, весьма недвусмысленно показывающая шишъ по направленію къ медали, пролетающей подъ самымъ носомъ Нэда въ видѣ огромной птицы.

Три вопросительныхъ и четыре восклицательныхъ знака стояли кругомъ, въ видѣ стражи... И больше ничего.

Каррикатура удалась на славу.

Съ рѣдкимъ мастерствомъ удалось неизвѣстному художнику подцѣпить самыя точныя выраженія лицъ Шавки и Ренке, всѣ самыя существенныя черты ихъ физіономій. Аріане окружили густою толпою доску и хохотали до слезъ.

— Кто изобразилъ? Чья живопись? Ахъ, шутъ возьми, ловко!—слышались веселые крики между

взрывами бурнаго хохота тутъ и тамъ. Неожиданно глаза всѣхъ, какъ по командѣ, обратились къ Каменскому.

— Мишка, ты? Кайся!

Отвѣта не требовалось. По смѣющейся, ликующей физіономіи общаго любимца можно было сразу догадаться въ чемъ дѣло.

— Вотъ здорово-то!

— Ловко, братъ!

— Да-а! изображеньеце!

— Мое поживаешь!

— Когда-жъ это ты намалевалъ, братецъ?

Посыпалось на него со всѣхъ сторонъ.

— Лихо, что и говорить, отдѣлалъ!

— Да, когда? Какъ? Экій молодчинища!

Мишу вертѣли во всѣ стороны, какъ гутаперчевую куклу... Потомъ подхватили на руки и подъ оглушительное «ура» начали качать... Потомъ снова опустили на полъ и снова посыпались дождемъ вопросы...

— Какъ? какимъ образомъ? когда?

— Да очень просто, господа... Пришелъ за часъ... Поймалъ Александра Македонскаго. Сунулъ ему «рупь» въ зубы... Открывай, говорю, великій человѣкъ, классъ... А онъ, за рупь, вы знаете, самого мотора пришьетъ къ постели... Ну и того... Впустилъ, значитъ, а я и намалевалъ. Хорошо! Это будетъ блестящимъ апоѳеозомъ къ нашему бенефису!

И Миша сіяющими глазами обвелъ товарищей.

— Шутъ его знаетъ, какъ хорошо! Здорово можно сказать... Подъ орѣхъ, милый человѣкъ, какъ есть раскаталъ...—и дружескіе хлопки градомъ посыпались на спину и плечи шалуна.

— А фонъ-Ренке гдѣ? Гдѣ ты, Балтійская се-

ледка, а? Гдѣ онъ, господа! Дайте ему полюбоваться на собственное личико... Пропустите его къ доскѣ... Ступай, душечка! Ступай, мамочка! Ступай, батюшка! Ступай, цыпинька ты моя!—И мрачный Комаровскій съ силой вытолкалъ къ доскѣ упиравшагося рукамк и ногами длиннаго барона.

— Не смѣйте меня трогать! Руки прочь!—неожиданно выкрикнулъ тотъ и все его бѣлобрысое худое лицо багрово-буро покраснѣло.

— Не лубишь?—своимъ гортаннымъ голосомъ прозвенѣлъ Соврадзе,—а въ газэта пасквилъ пысать лубишь! У—у! продажная душа!..—и онъ свирѣпо блеснулъ на него своими кавказскими глазами.

— Оставьте его, господа! — неожиданно вмѣшался Юрій и, растолкавъ толпу, очутился подлѣ Ренке.

— Мамочка, не чуди! Спрячь въ карманъ свои рыцарскія наклонности! — загудѣлъ снова Комаровскій.

Но Радинъ его не слушалъ.

— Пойдемте, Ренке, мнѣ вамъ надо кое-что сказать!—произнесъ онъ серьезнымъ голосомъ и, взявъ подъ руку остзейца, вывелъ его изъ толпы.

Потомъ отвелъ его въ дальній уголъ класса и заговорилъ, хмурясь:

— Я не терплю травли, достойной развѣ только приготовишекъ—мелочи, и поэтому выручилъ васъ... Больше намъ съ вами говорить не о чемъ...

И онъ повернулся назадъ, чтобы присоединиться къ товарищамъ, все еще восторженно гудѣвшимъ у доски. Но каково же было удивленіе юноши, когда рука длиннаго барона легла на его плечо и Нэдъ произнесъ, впиваясь въ него своими змѣиными глазками:

— Да, Радинъ, вы это вѣрно сказали... Намъ

говорить съ вами не о чемъ, потому что мы враги... Да, враги на всю жизнь. Я ненавижу васъ, какъ нененавидѣлъ еще никого въ мірѣ, потому что вы встали поперекъ моего пути... Изъ-за васъ я лишился того, что мнѣ было дороже жизни. Вы разбили всѣ мои смѣлыя мечты... Больше того, изъза васъ я подвергся публичному позорному выговору, я — баронъ Вильгельскій-Нэдъ фонъ-деръ-Ренке! — И, гордо выпрямившись, онъ измѣрилъ взглядомъ Радина съ головы до ногъ.

Юрій равнодушно пожалъ плечами.

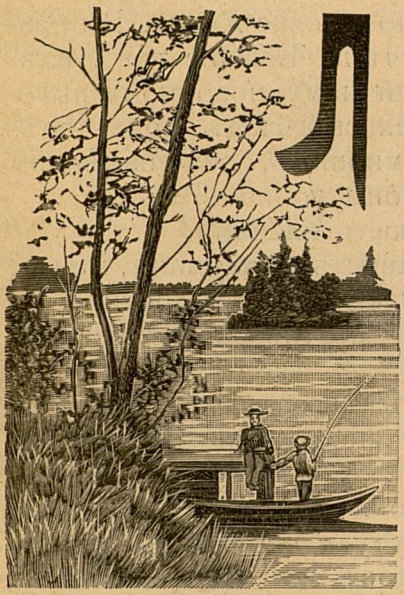
— Спрячьте вашу ненависть въ карманъ, Ренке. Я не причемъ... Если вы сдѣлали подлость, — то имѣйте-же гражданское мужество расплачиваться за нее...

— Подлость! Подлость!—взвизгнулъ внѣ себя Нэдъ и все его показное спокойствіе слетѣло съ него какъ маска.

— Пусть подлость, но я ненавижу тебя... Ненавижу за твою пресловутую честность, за показную красоту поступковъ, за общую любовь къ тебѣ, за способность умѣть казаться выше другихъ... Мы одни, насъ все равно никто не слышитъ. Эти оболтусы заняты у доски... Слушай, я скажу тебѣ еще разъ, что никого въ мірѣ я такъ не ненавидѣлъ, какъ тебя! Ты всталъ передо мною, ты мѣшаешь мнѣ и этого я тебѣ никогда не забуду!

— Благодарю васъ, Нэдъ,—насмѣшливо улыбнулся Юрій,—но ваша ненависть мнѣ совсѣмъ не страшна! Нэдъ фонъ-деръ-Ренке, зачѣмъ вы говорите мнѣ все это? Вѣдь вы не искренни! Вамъ совѣстно за вашъ поступокъ, и вы стараетесь обѣлить себя, обрушивъ всю вину на другого... И это не хорошо, не честно, Ренке! — спокойно заключилъ свою рѣчь Юрій, и не спѣша отошелъ

отъ длиннаго барона, оставивъ его въ глубокомъ смущеніи и гнѣвѣ одного въ углу.



ГЛАВА XI.

Бенефисъ латинца.

ЛИШЬ только преподаватель латинскаго языка вошелъ въ классъ, онъ сразу почуялъ собравшіяся надъ его головой тучи.

Данила Дмитріевичъ Собачкинъ — худой, желчный, съ рыжими бачками въ видѣ котлетокъ, съ бѣгающими, подозрительно выискивающими что-то глазками, производилъ далеко не благопріятное впечатлѣніе всей своей почтенной особой.

Злополучная доска съ каррикатурой была повернута отъ каѳедры съ такимъ разсчетомъ, что Шавка, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ, никакъ-бы не могъ увидѣть ее. Но за то, если-бы латинистъ вздумалъ «низвергнуться», по выраженію гимназистовъ, эффектъ могъ бы получиться чрезвычайный.

— Что задано?—желчнымъ, раздраженнымъ голосомъ обратился онъ къ классу.

Дежурный Бабаевъ, какъ-бы нехотя, поднялся со своего мѣста.

— Ода Горація,—произнесъ онъ.

— Которая?

— Тридцатая, изъ третьей книги. Monumentum *).

— Прекрасно.

Шавка опустилъ глаза въ записную книжку, гдѣ у него значились фамиліи учениковъ, въ алфавитномъ порядкѣ, и произнесъ въ носъ, растягивая слова:

— Ватрушинъ, переведите.

Злополучный Кисточка, растерянный, смущенный и близорукій, моргая своими милыми сѣрыми глазами, вскочилъ со скамьи и произнесъ, запинаясь:

— Не готовилъ перевода, г. учитель.

— Какъ-съ? — такъ и подскочилъ Собачкинъ на своемъ мѣстѣ.—Какъ-съ вы изволили сказать, господинъ Ватрушинъ?

— Не училъ, говорю.

— А почему-съ? смѣю васъ спросить, господинъ Ватрушинъ?

— У него сестра заболѣла,—выпалилъ вмѣсто Ватрушина со своего мѣста мрачный Комаровскій.—Всю ночь ей компрессы пришлось ставить...

— Но, сколько мнѣ извѣстно, у господина Ватрушина нѣтъ сестры. Онъ единственный сынъ,— господинъ Ватрушинъ, — язвительно произнесъ Шавка и впился въ Комаровскаго уничтожающимъ взглядомъ своихъ маленькихъ колючихъ глазъ.

— Такъ что-жъ что единственный!—тѣмъ же мрачнымъ тономъ пробасилъ Комаровскій,—сестра родилась недавно... Въ воскресенье родилась.

— Въ воскресенье родилась, а въ понедѣльникъ заболѣла...—съехидничалъ Шавка.

— Такъ что-жъ... Точно не могло этого быть...

*) Памятникъ.

Эти новорожденные всегда болѣютъ. Животъ болѣлъ.

Классъ фыркнулъ. Шавка «зашелся», какъ говорится, отъ злости.

— А у васъ животъ не болитъ, господинъ Комаровскій?—произнесъ онъ, замѣтно сдерживаясь и злясь.

— Нѣтъ, не болитъ.

— Такъ переведите Горація.

Комаровскій равнодушно дернулъ плечомъ и мѣшковато взялъ книгу.

Въ ту же минуту съ первой скамьи поднялся Каменскій. По лукавому и красивому лицу „тридцать три проказы“ можно было угадать, что любимецъ класса готовъ выкинуть новое «колѣнце» въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Данила Дмитріевичъ!—прозвучалъ его звучный молодой голосъ:—вы не имянинникъ-ли сегодня?

Латинистъ свирѣпо взглянулъ на юношу.

— Нѣтъ!—оборвалъ онъ сухо.

— И не рожденіе ваше?

— Нѣтъ.

— И не день ангела вашей супруги?—не унимался шалунъ, въ то время, какъ классъ буквально давился отъ смѣха, готовый расфыркаться на всю гимназію.

— Что вамъ надо отъ меня? Чего вы привязались?—взвизгнулъ Собачкинъ...— Садитесь на мѣсто и оставьте меня въ покоѣ! Комаровскій! Начинайте переводить.

— Я не училъ Горація, Даніилъ Дмитріевичъ! прогудѣлъ равнодушный басъ послѣдняго.

— Какъ не учили?—такъ и вскинулся на него латинистъ.

— Братъ въ канаву упалъ и сломалъ ногу,— также уныло гудѣлъ Комаровскій.

— И вы ему компрессы ставили,—мгновенно весь разливась желчью, прошипѣлъ Собачкинъ.

— И я ему компрессы ставилъ!—заключилъ въ тонъ ему невозмутимый Комаръ.

— Садитесь! Дальше компрессовъ вы не двинетесь. А на экзаменѣ срѣжетесь, какъ послѣдній оселъ изъ ословъ *) и меня осрамите на вѣки вѣковъ!—свирѣпо проговорилъ Собачкинъ.

И тотчасъ же со своего мѣста снова вскочилъ Каменскій.

— Господинъ учитель! — произнесъ своимъ звонкимъ голосомъ Миша, какъ перевести слѣдующую фразу: „Когда глупая собака сдружится съ гадюкой, она рискуетъ быть ужаленной"?..

— Латинистъ вспыхнулъ отъ бѣшенства, но сдержанно отвѣчалъ:

— Этой фразы я вамъ не скажу, а удовольствуюсь другою: „У глупой собаки бываютъ острые зубы и ни змѣиное жало, ни ослиное копыто ей не страшны. Она умѣетъ кусаться",

И довольный своею остротою, латинистъ перевелъ свою фразу на латинскій языкъ, потомъ неожиданно соскочилъ съ каѳедры и пошелъ «гулять» по классу, торжествующій и удовлетворенный болѣе, чѣмъ когда-либо.

— Будешь часто кусаться—зубы притупятся! проворчалъ себѣ подъ носъ Миша, нехотя опускаясь на свое мѣсто.

— Что-съ? Что вы изволили сказать?—преувеличенно-вѣжливо обратился къ нему Собачкинъ.

---

*) Asinus Asinorum.

Миша сдѣлалъ невинное лицо и, какъ ни въ чемъ не бывало, развалился на скамейкѣ.

Собачкинъ поставилъ злополучному Комару двойку съ минусомъ въ бальникъ и, оглянувъ весь классъ, какъ-бы заранѣе предвкушая хорошій отвѣтъ, произнесъ, потирая руки:

— Фонъ-Ренке! Побесѣдуемъ съ Гораціемъ!..

Нэдъ поднялся надмѣнный и высокомѣрный, какъ всегда. Онъ взялъ спокойнымъ движеніемъ руки книгу со стола и своимъ деревяннымъ голосомъ началъ:

Exegi monumentum acre perennius
Regalique situ pjramidum altius,
Quod non imber edax, non Aquilo impoltus,
Possit di ruere aut innumerabilis
Annorum series et fuga temporum *).

Нэдъ переводилъ гладко и легко тѣмъ увѣреннымъ тономъ, который не покидалъ его ни въ какую минуту его жизни. Нэдъ переводилъ, а Собачкинъ слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ и потиралъ руки, щуря какъ котъ глаза и кидая на своего любимца—длиннаго барона ласковый и благодарный взглядъ.

— Этотъ, молъ-де, не продастъ, этотъ не выдастъ. Что за чудный юноша!—казалось, говорили эти глаза.

Чудный юноша дочиталъ до точки и остановился.

— Благодарю, Ренке, вы меня радуете... Я сохраню лучшее воспоминаніе о васъ. У меня мало

*) Я воздвигъ (себѣ) памятникъ прочнѣе мѣди и выше пирамидъ (своими) царственными размѣрами, который не въ состояніи разрушить ни ѣдкій дождь, ни безсильный сѣверный вѣтеръ, ни безчисленное число лѣтъ въ теченіе времени.

друзей въ вашемъ классѣ,—размягченнымъ голосомъ произнесъ учитель.

Фонъ-Ренке вспыхнулъ. Похвала не доставила ему удовольствія... Напротивъ... Какой-то жалкій учителишко навязывается ему на дружбу, ему, барону Нэду фонъ-Ренке!

Но латинистъ, казалось, не раздѣлялъ его мнѣнія, онъ ласковымъ взоромъ обвелъ костлявую фигуру Ренке и произнесъ еще разъ почти нѣжно:

— Благодарю васъ, сердечно благодарю! Успокоили старика.

Потомъ грознымъ взоромъ окинулъ классъ.

— Стыдитесь, господа! Вѣдь вы, такъ сказать, завтра въ университетъ поступаете, а съ такими знаніями латинскаго языка, какіе же изъ васъ студенты выйдутъ? Вѣдь вы меня на голову осрамите тамъ передъ профессорами! Вѣдь что они подумаютъ? Стыдно, господа! Вы не дѣти, должны понимать, что безъ латыни шагу нельзя сдѣлать...

И Шавка продолжалъ распространяться, нервно бѣгая по классу. Но вотъ онъ неожиданно повернулся лицомъ къ каѳедрѣ, шагнулъ впередъ еще и еще и, вдругъ, неожиданно замеръ, пораженный видомъ злополучнаго изображенія, съ неподражаемымъ искусствомъ выведеннаго на классной доскѣ.

— А-а-а?.. Не то простоналъ, не то протянулъ несчастный и своими жалящими глазами такъ и впился въ доску.

Классъ не выдержалъ и громко прыснулъ.

Что-то невообразимое произошло съ Собачкинымъ. До послѣдняго мгновенія онъ не подозрѣвалъ еще всей продѣлки.

— А-а!.. вырвалось еще разъ изъ груди его возгласомъ, полнымъ ни то отчаянія, ни то испуга.

И багровый румянецъ сразу смѣнился зеленоватой блѣдностью на его лицѣ...

Онъ поднялъ руку... ткнулъ неподражаемо краснорѣчивымъ жестомъ въ доску съ каррикатурой... и взвизгнувъ фальцетомъ на весь классъ:

— Я буду жаловаться инспектору, — да-съ! пулей вылетѣлъ за дверь.

. . . . . .

. . . . . .

— Ну теперь, братцы, держись!—Здорово зарядился!

И Гремушинъ какъ пробка вскочилъ на каѳедру.

— Господа, завтрашніе студенты! Вали къ доскѣ! Стирай картину! Не то плохо будетъ!— закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

Размахивая руками, завтрашніе студенты въ одну секунду повскакали со своихъ мѣстъ и очутились у доски всей оравой. Взмахъ губки, полотенца.. и въ одну секунду черная доска уже поражала взглядъ своей трогательно-невинной пустотою. Самый слѣдъ преступленія исчезъ навсегда.

Когда черезъ десять минутъ Иродъ, въ сопровожденіи Шавки, входилъ въ классъ, съ грознымъ многообѣщающимъ видомъ, у доски стоялъ маленькій Флугъ и, прикусивъ по привычкѣ кончикъ высунутаго языка, старательно выводилъ на злополучной доскѣ карту Азіатской Россіи. Костлявый палецъ «Тѣни отца Гамлета» уткнулся въ нее

— Что это?

— Карта Азіатской Россіи,—самымъ невиннымъ голосомъ отвѣчалъ Давидъ.—Насъ Михаилъ Петровичъ просилъ подготовлять черченіе къ

экзаменамъ... И глаза маленькаго Флуга приняли самое ангельское выраженіе.

— А гдѣ-же?.. Лицо Ирода приняло недоумѣвающій растерянный видъ—и онъ взглянулъ на Собачкина безнадежнымъ взглядомъ. Послѣдній позеленѣлъ.

— Они ее стерли!— болѣе простоналъ, нежели произнесъ латинистъ.

— Какая гадость! Какая мерзость! И это будущіе студенты! Да, вы... да вы... хулиганы... а не гимназисты... На три часа послѣ уроковъ остаться въ классѣ!—тономъ командующаго начальника отряда выкрикнулъ инспекторъ...—Я донесу его превосходительству!—И подрыгивая фалдочками, «Тѣнь отца Гамлета» исчезла за дверью такъ же быстро и неожиданно, какъ и появилась.

За нею исчезъ и взбѣшенный латинистъ. Классъ огласился долго несмолкаемымъ хохотомъ. «Купидонъ» перебѣгалъ отъ парты къ партѣ, умоляя успокоиться, такъ какъ у седьмыхъ по сосѣдству былъ урокъ алгебры въ этотъ часъ, но его никто не слушалъ.

Черноглазый „Мурза“ бѣгалъ за нимъ по пятамъ и гудѣлъ подъ самое ухо класснаго наставника.

— Василь Васильевичъ, я знаю одну хорррошую сказку. Жилъ на свэтѣ мужыкъ. Было у нэго трое сына: одынъ сынъ уменъ, второй сынъ такъ и сякъ, а трэтый сынъ Собачкинъ дуракъ! Хорошая сказка!

— Я васъ запишу за непочтительность!—неожиданно взвизгнулъ Купидонъ.

— Жарьте... Все одно, черезъ тры мэсэца я съ вами кланяться не буду! Вотъ чэловэкъ!

И, сверкая своими черными глазищами, Со-

вradзе пошелъ на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Въ этотъ день Нечестивые Аріане праздновали полную побѣду.

Шавку «разыграли» подъ орѣхъ.

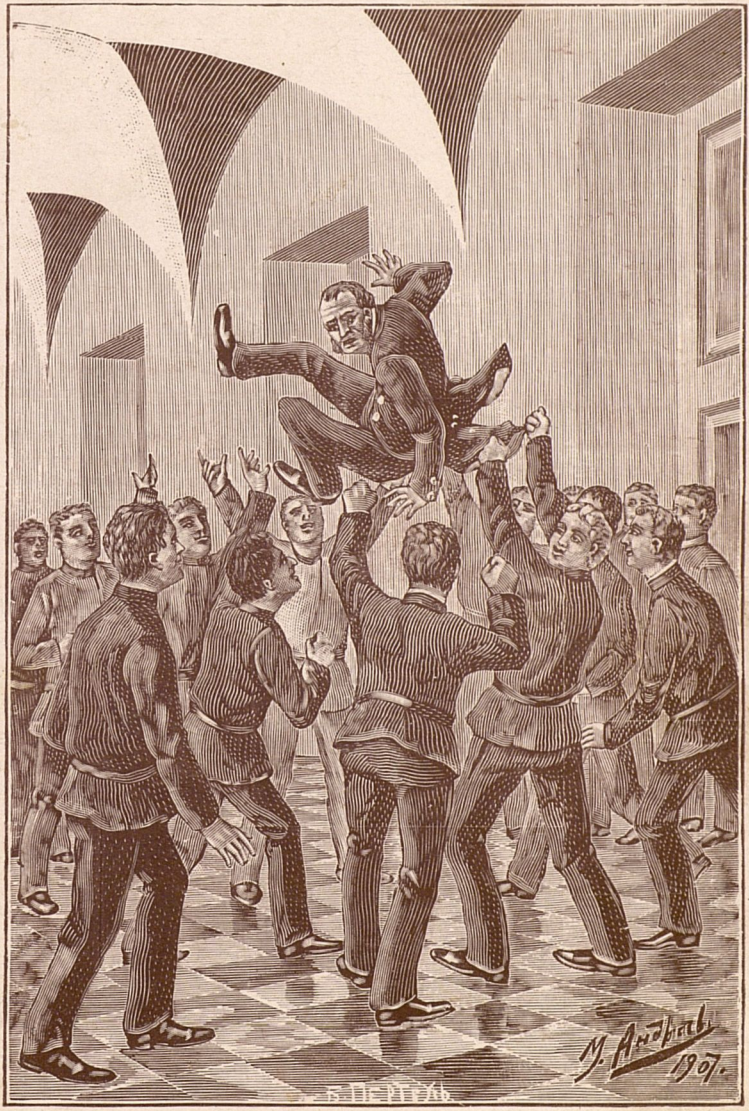
Бенефисъ удался на славу...

ГЛАВА XII.

Любимецъ и Опальный.

Ъ субботу былъ урокъ русской словесности. Имъ и заканчивался восьмой и послѣдній годъ гимназической жизни. Какъ разъ, пріятная перспектива «заканчиванія» пришлась на долю всѣми любимаго преподавателя русскаго языка, Андрея Петровича Рагузина или Божьей Коровки, по прозвищу гимназистовъ.

Нечего и говорить, что объ отвѣтахъ заданнаго не было и рѣчи. Раскрытый томикъ Гоголя, принесенный Рагозинымъ съ собою, лежалъ передъ нимъ на каѳедрѣ, а «словесникъ», съ неподражаемымъ искусствомъ читалъ вѣчно юнаго и прекраснаго творца „Мертвыхъ душъ". Всѣмъ онъ былъ давно знакомъ, незамѣнимый Гоголь. Всѣ его читали еще въ бытность свою «саранчею», но одинаковый восторгъ и неугасимый интересъ къ тонкому художественному юмору и неожиданнымъ,



...Лагинисть леталь какъ мячикъ въ воздухѣ... Вверхъ и внизъ...

(Къ стр. 76).

быстрымъ, какъ зарницы, поэтическимъ оборотамъ писателя-поэта, ни на минуту не прерывался въ классѣ.

Аріане, то дико и бѣшено гоготали на всю гимназію, то притихшіе, зачарованные, уставившись глазами въ ротъ чтеца, сидѣли, не двигаясь, чуть дыша, охваченные съ головы до пятъ чарами неподражаемаго таланта великаго художника.

Но вотъ прозвучалъ звонокъ... Александръ Македонскій своей огромной ручищей распахнулъ дверь къ «господамъ старшимъ», какъ онъ почтительно называлъ восьмыхъ, и чтеніе прервалось. Исчезло очарованіе... Умчались чары... Будничная проза жизни заглянула въ окно класса и напомнила о себѣ...

Учитель всталъ, еще не остывшій отъ охватившаго его самого поэтическаго восторга...

— Рѣчь! Рѣчь!—пронеслось по классу.—Андрей Петровичъ, вы должны намъ на прощанье рѣчь сказать... Конецъ—вѣдь!—послышались молодые взволнованные голоса гимназистовъ.

— Правда, долженъ,—согласился учитель,—но послѣ этого,—тутъ онъ кивнулъ значительно головою на томикъ Гоголя,—все покажется блѣднымъ, тусклымъ, некрасивымъ. Поэтому, отъ рѣчи я воздержусь... А вотъ скажу вамъ одно, братцы! «Жили мы съ вами восемь лѣтъ... Жили свѣтло и дружно, душа въ душу. Не ссорились и не скандалили и, мнится мнѣ, любили другъ друга. Поэтому разставаться мнѣ съ вами жаль. Славные вы ребята, не во гнѣвъ вамъ будь это сказано, и отъ души желаю вамъ успѣшно подвизаться и подъ кровлею университета, этой земли Ханаанской для каждаго изъ васъ. Прощаться я съ вами не стану, потому что разставаться не

хочу... Скажу вамъ еще: есть у меня три комнатки въ Галерной Гавани у чорта на куличкахъ и есть старая кухарка Матрена и огромнѣйшій самоваръ. Такъ вотъ, если когда съ кѣмъ (всяко въ жизни бываетъ) случится что... Ну, тамъ туго насчетъ ѣды или крова придется,—вали прямо, ребята, ко мнѣ... Божья Коровка такому жильцу всегда рада будетъ! А теперь до свиданья, сорванцы! Не обижайтесь за такое названіе, родные вы мои, я вамъ въ дѣды гожусь».

И добрый старикъ, смахнувъ слезу, почти опрометью кинулся изъ класса.

Трудно описать, что произошло въ эту минуту у Аріанъ. Подъ внѣшностью юношей, взрослыхъ молодыхъ людей, скрывались еще полудѣтскія сердца, отзывчивыя, чуткія на всякого рода проявленія ласки. Казенное, оффіальное къ нимъ отношеніе придирчивыхъ и желчныхъ преподавателей-формалистовъ, еще болѣе подчеркнуло весь гуманизмъ, всю симпатичность натуры стараго словесника. Поэтому ничего не было удивительнаго, что Аріане, какъ бѣшеные, точно по командѣ, повскакали со своихъ мѣстъ, и со счастливыми, растроганными, взволнованными лицами бросились за Божьей Коровкой.

На порогѣ его догнали...

— Андрей Петровичъ, родной!..

Двадцать паръ рукъ протянулись къ нему... Съ ласковой осторожностью его подняли на воздухъ и, вынеся въ корридоръ, начали качать, дружнымъ хоромъ напѣвая:

— Слава Андрею, свѣтъ Петровичу, слава!

Мягко и нѣжно чуть подбрасывали сильныя молодыя руки тщедушную худенькую фигурку стараго учителя... Мягко и нѣжно звучали моло-

дые голоса... И сіяли ласково жаркія молодыя очи...

Наконецъ бережно опустили на полъ Божью Коровку.

— Вотъ чэловэкъ! Вэкъ тэбя не забудемъ, душя моя!—совершенно забывшись, горячо выкрикнулъ Соврадзе, всегда пылкій, необдуманный и горячій какъ никто.

— Вы такой особенный! Такой дорогой!—звенѣлъ чахоточный голосъ Флуга и черные еврейскіе глаза юноши съ нѣмымъ обожаніемъ впивались въ старика. А старикъ-словесникъ самъ казался не менѣе растроганнымъ, нежели его юные друзья. Онъ пожималъ руки, кивалъ и улыбался направо и налѣво.

Наконецъ выбрался изъ тѣснаго круга своихъ рьяныхъ почитателей и взволнованно крикнувъ: «до свиданья, друзья! На экзаменѣ свидимся»! исчезъ за дверью учительской.

— Шутъ знаетъ, какъ хорошо!—вырвалось изъ груди Миши Каменскаго,—кажется, весь міръ бы обнялъ однимъ размахомъ!

И его блестящій молодымъ задоромъ взглядъ обвелъ товарищей.

— И Шавку даже?—со смѣхомъ спросилъ кто-то.

— Ну это, братъ, макомъ!—засмѣялся Миша.—Этотъ номеръ не пройдетъ!

— А вотъ и онъ, господа!.. Легокъ на поминѣ.

— А что если... Давайте его качать, братцы!

— Жарьте!

— Только по особенному.

— Ну само собой!

— Эхъ-ма!—И быстро перемигнувшись лукаво и значительно, вся орава Аріанъ въ одинъ мигъ

окружила показавшагося въ эту минуту на порогѣ учительской преподавателя латыни.

— Данила Дмитріевичъ! Прощайте! Навсегда! На экзаменѣ только увидимъ! За все спасибо!—полетѣло со всѣхъ сторонъ на Шавку недобрыми, сдержанными, недоговаривающими чего-того голосами.

Онъ подозрительно покосился... Желчное лицо его вызвало какое-то подобіе улыбки.

— Прощайте, госпо...

И не договорилъ... Десятки рукъ подхватили его и высоко подбросили къ верху. Подбросили и приняли на... кулаки. Потомъ еще и еще... Снова подбрасывали и принимали... Латинистъ леталъ, какъ мячикъ, въ воздухѣ... Вверхъ и внизъ... Внизъ и вверхъ... Только фалдочки развивались, да побагровѣвшее отъ безсильнаго гнѣва и боли лицо мелькало то вправо, то влѣво...

А молодые, странно спокойные голоса выводили „славу“.

Измятый, избитый толчками, Шавка взлеталъ все выше и выше. И плохо-бы пришлось злополучному преподавателю, если-бы на его счастье не показался на концѣ корридора инспекторъ въ сопровожденіи Купидона, оба вооруженные гимназическими кондуитами и карандашами.

— Что за дикая выходка! Оставить! Пустить! Сейчасъ же пустить, я вамъ говорю!—неистово завопилъ на всю гимназію Луканька.—Или я записывать буду.

Аріане нехотя повиновались... Истерзанный, всклокоченный Шавка получилъ наконецъ желанную свободу. Очутившись на землѣ, онъ повелъ на своихъ мучителей налитыми кровью глазами и, потирая ушибленныя до синяковъ мѣста, произнесъ зловѣще:

— Мы еще увидимся! Да-съ! Увидимся и сочтемся! И поспѣшно скрылся за дверь.

— Вотъ чэловэкъ! Его чэвствуютъ, а онъ лягается!—комически произнесъ Соврадзе, разводя руками.

— А вы опять съ украшеніемъ, господинъ Соврадзе?—ехидно прошипѣлъ у него подъ ухомъ голосъ инспектора и его костлявый палецъ устремился по направленію бородки молодого кавказца, красиво пробивавшейся подъ полной, ало-красной губой.— Сбрить ее! Слышите! — заключилъ онъ свирѣпо,—не знаете гимназическаго устава—стыдъ и срамъ.

— Да что же подэлать могу, когда я ее брэю, а она растетъ, я опять брэю, а она шельма опять растетъ! дѣлая умышленно глупые бараньи глаза, снова развелъ руками Соврадзе.

— А ты ее выжги, душенька,—посовѣтовалъ позади кто-то.

— Сбрить! еще разъ лаконически отрѣзалъ инспекторъ,—а то я самъ поведу васъ въ парикмахерскую и обрѣю насильно...

— Jus pleni domini et proprietatis! *) послышался въ заднихъ рядахъ чей-то протестующій голосъ.

— Комаровскій, вы? Безъ проповѣдей прошу покорно! взвизгнулъ Луканька, какъ мальчикъ подпрыгивая на каблукахъ,—а отчего у васъ пуговицы нѣтъ на курткѣ, позвольте васъ спросить?—прищурившись на высокаго Комара, неожиданно и злорадно присовокупилъ инспекторъ,—принебреженіе къ стѣнамъ того учебнаго заведенія, въ которомъ вы имѣете честь воспитываться!

---

*) Право не ограниченнаго господства надъ личною собственностью

да-съ! Умышленное принебреженіе-съ, дребезжалъ его старчески колеблющійся голосъ.

— Ничуть не изъ принебреженія, Матвѣй Иларіоновичъ, просто Авдотья, скверная баба, пришить забыла... Ея принебреженіе выходитъ, а не мое! со своимъ обычнымъ мрачнымъ унынiемъ заключилъ Комаровскій.

Гимназисты фыркнули. Инспекторъ, какъ говорится, зашелся...

— Какое мнѣ дѣло до вашей прислуги и ея разсѣянности... Неряшество въ васъ, а не въ ней. Ее въ кондуитъ не запишешь, — свирѣпо напустился онъ на Комара.

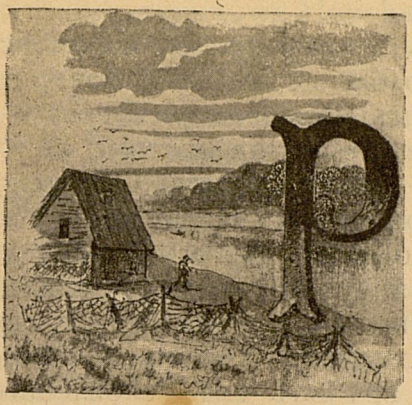
— Не запишешь! съ тѣмъ же безнадежнымъ унынiемъ согласился тотъ подъ дружный взрывъ хохота окружающихъ его гимназистовъ.

Луканька только рукой махнулъ безнадежно и, сердито фыркнувъ, поплелся вдоль корридора.

Онъ вспомнилъ во время, что сегодня послѣдній день его власти надъ сорванцами и что исторіи затѣвать, во всякомъ случаѣ, не стоитъ. А «сорванцы» шумной оравой «выкатились» въ швейцарскую, оттуда на улицу, всю залитую праздничнымъ сіянiемъ солнца и весны. И разлились звонкими ручейками по улицамъ чопорной столицы, оглашая ее молодымъ веселымъ смѣхомъ и бурной ничѣмъ не сдержанной радостью.

Послѣдній учебный годъ кончился.

Одной ногой они уже были на свободѣ.



ГЛАВА XIII.

По разнымъ дорогамъ.

ОДИНЪ шелъ понурый и словно пришибленный по дорогѣ къ дому. Ничто, казалось, не радовало его: ни ясное, какъ улыбка ангела, весеннее небо, ни горячее весеннее солнце, ни этотъ воздухъ, насыщенный ароматомъ чуть распукающейся весны...

Недѣлю тому назадъ онъ былъ у директора съ просьбою рекомендовать его Полтавскому помѣщику. О, какъ вытаращилъ на него глаза моторъ, какое безконечное недоумѣніе разлилось по его лицу, когда юноша выложилъ свою просьбу!

— Охотно! охотно исполню все,—запыхтѣлъ Анчаровъ,—и аттестую васъ съ прекрасной стороны, какъ лучшаго ученика и гордость гимназіи, но... но... подумали-ли вы о томъ, чего вы лишаетесь, отбрасывая самую надежду на поступленіе въ высшее учебное заведеніе, юный другъ мой?

— Я все обдумалъ, господинъ директоръ.

— И...

— И твердо стою на своемъ—прозвучалъ холодный отвѣтъ.

О, чего только стоило ему быть такимъ безстрастнымъ въ ту минуту!.. Это знаетъ только одна его душа... Его душа, наболѣвшая и намаявшаяся, постарѣвшая на десять лѣтъ, по крайней

мѣрѣ, со дня приговора петербургской знаменитости надъ его матерью!

Но „походомъ“ къ директору не кончились еще его мученья. Надо было открыться матери и товарищамъ. Послѣднимъ онъ брякнулъ сразу.— Не хочу въ университетъ—иду на мѣсто. И никто не удивился, не полѣзъ съ разспросами. Очевидно, умница Флугъ предупредилъ всѣхъ заранѣе. Уже за нѣсколько дней,—до этого съ нимъ обращались какъ-то бережно и чутко, какъ съ человѣкомъ, только что перенесшимъ тяжелую утрату, или какъ съ трудно больнымъ. Только, когда директоръ торжественно вручилъ ему условленныя полторы тысячи, переведенныя по телеграфу помѣщикомъ, верзила Самсонъ подошелъ къ нему и, мягко ударивъ по плечу своей толстой лапищей, произнесъ:

— Эхъ, братъ,—кабы не боялся я твоей гордости дьявольской, предложилъ бы тебѣ у меня покредитоваться; вѣдь у батьки моего три магазина да два дома имѣется... Взялъ бы малую толику отъ меня Юрочкинъ, а? И къ шуту твоего помѣщика, право. А когда у тебя будутъ деньги, сосчитаемся.

— Спасибо, Бабаевъ,—хмурясь и кусая губы, произнесъ Радинъ; но самъ знаешь, „сосчитываться“ мнѣ будетъ не изъ чего... А молостыни я не беру...

— Шутъ знаетъ, что за гордыня въ тебѣ сидитъ сатанинская! съ непритворной злобой произнесъ гимназическій Самсонъ,—а еще товарищъ прозывается... Отъ одолженія какъ бѣсъ отъ ладана... Свинья ты я вижу, Каштанчикъ, и больше ничего!

Еще труднѣе было Юрію говорить съ матерью..

Когда она узнала, чѣмъ жертвуетъ для нее ея Каштанчикъ, съ Ниной Михайловной буквально сдѣлалось дурно. Какъ безумный, ринулся Юрій за Кудряшинымъ и вдвоемъ съ Васенькой они долго приводили въ чувство несчастную женщину.

Только горячія ласки сына, только его нѣжная чуткость и стойкое мужество смогли убѣдить Нину Михайловну принять его жертву.

Цѣлуя нѣжные, блѣдные пальцы матери, заглядывая съ безконечной любовью въ ея васильковые глаза, Юрій говорилъ горячо, много и пылко. Онъ говорилъ о томъ, что жизнь его „мамуси"—его жизнь... Что все равно, если она будетъ болѣть и таять, ему не до университета, не до ученья... А черезъ три года онъ можетъ поступить туда... Вѣдь не старикъ же онъ будетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ двадцать-то лѣтъ слишкомъ? Говорилъ еще о томъ, что нестерпимо усталъ послѣ восьмилѣтней зубрежки и что ему необходимо провѣтриться и отдохнуть, во что бы то ни стало, на вольномъ воздухѣ въ помѣщичьей усадьбѣ.

Нина Михайловна слушала своего Юрку съ печальной улыбкой на блѣдномъ отъ волненія лицѣ и все покачивала своей рано посѣдѣвшей головою...

Она знала, что былъ университетъ для ея ненагляднаго Каштанчика. Знала, какъ пылко и горячо мечталъ о немъ ея мальчикъ. И сердце ея сгорало отъ жалости, любви и муки, обливаясь кровью за свое сокровище, за своего Юру...

И только одна фраза, вырвавшаяся вмѣстѣ съ глухимъ воплемъ изъ груди Юрія заставила больную женщину пойти и согласиться на все!

— Мама! а если ты умрешь здѣсь, что станется со мною?

И зарыдалъ неудержимо.

Нина Михайловна съ крикомъ боли и любви упала въ его объятія.

Судьба ея Юрки, ея Каштанчика, была такимъ образомъ рѣшена: онъ поступалъ на мѣсто къ помѣщику Суренко, богачу Полтавскаго края...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Мамочка! Ты уже готова?

— Готова, милый!

— Такъ ѣдемъ!

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Нины Михайловны.

— Уже! Какъ скоро!..

Вздохнулъ и Юрій... Онъ стягивалъ ремнями дорожный сакъ вояжъ матери и дѣлалъ видъ, что поглощенъ съ головой въ свою работу... Его синіе глаза темнѣли, какъ небо передъ грозой... Голосъ вздрагивалъ... руки тряслись...

Стоялъ Май, радостный и душистый... Въ окно съ навязчивой и красивой граціей льнули цвѣтущія липы, чудомъ выросшія на заднемъ дворѣ подъ окнами грошевой квартирки... Льнули и дышали ароматомъ прянымъ, медовымъ и остро ударяющимъ въ голову...

Вошла хозяйка, глуховатая, добродушная старушка, вошла и остановилась съ безмолвнымъ благоговѣніемъ глядя на сына и мать... Она ихъ любила и привыкла къ нимъ, какъ къ роднымъ за эти семь лѣтъ совмѣстной жизни.

— Вы о красавцѣ-то своемъ не горюйте, заговорила она благодушнымъ ворчливымъ голосомъ, обращаясь къ Радиной,—пока что... сохраню въ цѣлости во время экзаменовъ, а тамъ вскорости

и улетитъ нашъ соколъ! И старушка смахнула слезу съ рѣсницы.

— Пеберегите его, Софья Ильинишна, голубушка! И васильковые глаза Радиной съ молящимъ выраженіемъ уставились въ доброе сморщенное, какъ печеное яблоко, маленькое личико хозяйки.

— Поберегу, матушка! Не сомнѣвайтесь...

— Главное, учиться ему не давайте по ночамъ...

— Не дамъ, голубушка вы моя!

Обнялись и крѣпко поцѣловались обѣ женщины—простая, необразованная хозяйка — унтерша, вдова какого-то сторожа солдата и урожденная графиня Рогай, обѣ охваченныя однимъ общимъ волненіемъ скорой разлуки.

— Возвращайтесь, матушка, красной да толстой, чтобы въ двери не влѣзть,—не хитро пошутила хозяйка, маскируя слезы, душившія ей горло и готовыя вырваться наружу. Губы Нины Михайловны судорожно подергивались...

— Сынъ поспѣшилъ прервать эту сцену...

— Пора, моя дорогая...

Нина Михайловна засуетилась. Стала дрожащими руками прикрѣплять шляпу, круглую, скромную съ развивающимся темнымъ вуалемъ, удивительно молодившую ея и безъ того молодое подъ бѣлыми какъ снѣгъ волосами лицо.

Поцѣловались еще разъ съ хозяйкой. Обнялись какъ сестры. Юрій подалъ одну руку матери, другою захватилъ чемоданъ и бережно сталъ сводить ее съ лѣстницы.

Вотъ и дворъ, и ворота и улица, крикливая и шумная, какъ всегда... У воротъ уже ждетъ извозчикъ.

*

— На Варшавскій вокзалъ! звенитъ словно не его, Юрія, а чей то чужой, вибрирующій голосъ.

На извозчикѣ они оба тѣсно прижались другъ къ другу. Точно боялись оба, что судьба разъединитъ ихъ раньше времени, не дастъ договорить чего-то важнаго, значущаго, дорогого...

— Скоро. Скоро! сверлило и точило невидимое жало въ груди матери.

— Скоро! Скоро! болѣзненно сильно и бурно выстукивало сердце сына.

Вотъ и вокзалъ... Словно въ туманѣ соскочилъ съ извозчика Юрій, бережно помогъ сойти матери. Снова подалъ ей руку и ввелъ въ залъ. Здѣсь, въ уютномъ уголку, вдали отъ любопытныхъ взоровъ, они просидѣли до второго звонка, говоря безъ словъ, не отрываясь взорами другъ отъ друга, печальные, скорбные и покорные своей судьбѣ...

Погребальнымъ звономъ отозвался въ сердцѣ Юрія неожиданно звякнувшій роковой звонокъ.

— Какъ скоро! Боже мой, какъ скоро промелькнуло время. А еще надо такъ много, такъ много сказать.

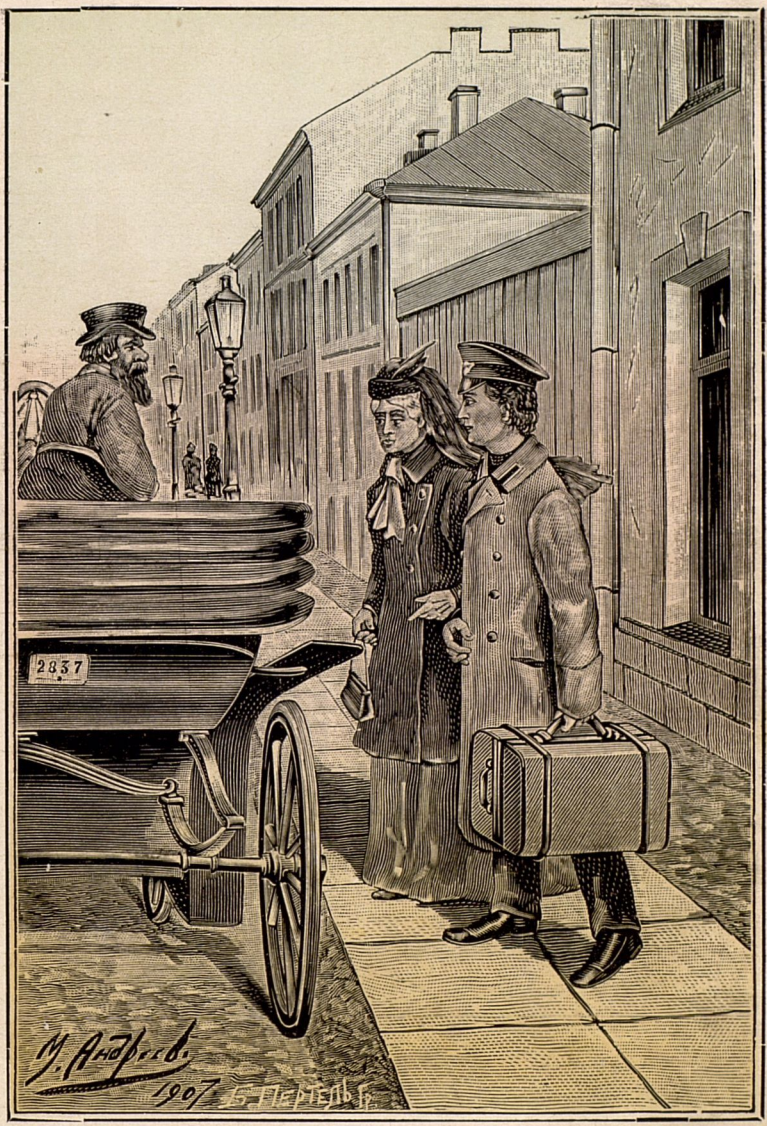
На платформѣ сутолка. Въ вагонѣ темнота, жуткая и таинственная. Въ темнотѣ слышится говоръ, оживленный и бойкій многихъ голосовъ.

— Пиши! шепчетъ онъ тихо матери, улучивъ удобную минутку и прижавшись къ ней, какъ котенокъ. Такъ, въ далекомъ дѣтствѣ онъ прижимался къ ней, обиженный и недовольный чѣмъ-либо.

Эта молчаливая ласка сжала тисками сердце матери.

— Каштанчикъ! Голубчикъ! Родной мой! Дѣточка! прорыдала несчастная женщина, и мать съ сыномъ обнялись горячо, судорожно, крѣпко.

— Пойми... я приняла твою жертву—лепеталъ



— На Варшавскій вокзалъ!..

(Къ стр. 84).

ъ слѣдующую минуту, вздрагивая и обрываясь, отрясенный голосъ Радиной... потому только... что... что боюсь, иначе разлука будетъ вѣчной... ребенокъ мой дорогой!

Слезы закапали на щеки, губы и глаза Юрія... Ея слезы!...

Ему хотѣлось упасть къ ея ногамъ и цѣловать ихъ и рыдать неудержимо, но кругомъ были люди онъ поневолѣ сдержался...

— Я не буду говорить тебѣ, какъ и что ты должен безъ меня дѣлать—попрежнему вздрагивалъ и обрывался ея милый голосъ,—мой Юрій... моя гордость не сдѣлаетъ ничего дурного... Онъ свѣтлый и чудный, такъ ли, мой мальчикъ!

— Моя мама, дорогая!

О-о, какъ болѣзненно сжимается его горло... Еще минута и подступившія къ нему рыданья задушатъ его...

— Я буду писать тебѣ два раза въ недѣлю... Солнышко мое... Бога ради, не надрывайся работой, береги себя... А когда будешь на помѣщичьемъ хуторѣ, пиши все, все... сокровище мое!

— Все, мама.

— Всю правду?

— Всю!

Нина Михайловна отстранила отъ себя немного сильную стройную фигуру сына и впилась своими васильковыми глазами въ его лицо.

Вотъ онъ ея красавецъ! Честный, благородный, смѣлый и прекрасный ея мальчикъ. И подумать только, три года она не увидитъ его!

Три года! Когда она вернется, это нѣжное, красивое лицо покроется первымъ пухомъ растительности. Надъ гордымъ ртомъ появятся усы... Три года! Боже мой, три года!

И чтобы утишить немного бурное, клокочущее чувство глухой тоски, она заговорила снова, прижавшись къ сыну...

— Въ Лугано уже лѣто въ разгарѣ... Пожалуй, апельсины зрѣютъ... Синее небо... солнце... горы... и розы... розы безъ конца...

— Да... да... розы... — повторяетъ онъ машинально, какъ во снѣ...

Третій и послѣдній звонокъ заставляетъ ихъ вздрогнуть и затрепетать обоихъ.

Оба блѣднѣютъ. Рука матери судорожно сжимаетъ шею сына. Другая поднимается сложенная крестомъ...

— Господь съ тобою!

— Мама!

— Сокровище мое, единственное!

И прощальный поцѣлуй, долгій и томительный, какъ смерть, какъ мука, какъ гибель, беззвучно таетъ на его щекѣ.

— О, мама!

Больше ничего нельзя сказать. Рыданья не даютъ. Слезы душатъ... Кондукторъ проситъ провожающихъ выйти.

Онъ на платформѣ... у ея окна... самъ не помнитъ, какъ выскочилъ въ послѣднюю минуту. Въ окнѣ она, ея красивая, вся сѣдая, точно серебряная, головка подъ круглой шляпой.

— Мама! Мама! Мама!

Поѣздъ трогается... Васильковые глаза, залитые слезами, двигаются, уходятъ отъ него... Дальше, дальше...

— Юрочка... Дѣтка... ребенокъ мой, дорогой! рыдаетъ она и креститъ его изъ окна. Быстрымъ, быстрымъ судорожнымъ движеніемъ.

Поѣздъ идетъ скорѣе... Онъ бѣжитъ за ваго-

номъ, потрясенный, невидящій ничего и никого, кромѣ ея печальныхъ, любящихъ, плачущихъ глазъ.

Стопъ...

Нельзя идти дальше... Конецъ платформы...

Кто-то грубо удерживаетъ его... Онъ останавливается, растерянный, взволнованный, потрясенный... Поѣздъ ушелъ далеко... Завернулъ за поворотомъ... Окна невидно... ее тоже.

— Мама! глухо срывается съ его устъ и онъ закрываетъ лицо руками...

О, какая смерть, какая мука! Одиночество мучительными тисками сжало его душу. Онъ почувствовалъ себя сразу маленькимъ и ничтожнымъ и несчастнымъ, несчастнымъ безъ границъ... Сердце сжималось почти до физической боли. Хотѣлось упасть на землю и рыдать, рыдать безъ конца...

— Юрій!

Чье-то нѣжное прикосновеніе къ его плечу мигомъ разбудило его.

Воспаленные глаза Радина широко раскрылись.

— Флугъ!

Передъ нимъ былъ, дѣйствительно, Флугъ, маленькій, замѣтно взволнованный и смущенный.

— Давидъ! Голубчикъ, какими судьбами? — едва овладѣвая собой, произнесъ Юрій...

— Я... видишь-ли... — залепеталъ растерянно Флугъ, зналъ, что сегодня ты... твою мать провожаешь... и... и... думаю себѣ... всегда они вмѣстѣ... только двое... а тутъ трехлѣтняя разлука... ну и... думаю себѣ... ему — тебѣ то-есть, очень тошно будетъ... такъ я того... думаю себѣ... пойду... разсѣю его немножко... къ себѣ позову... Все же легче... а?... прости, пожалуйста!

И окончательно растерявшійся Флугъ захлопалъ своими черными рѣсницами, жестоко краснѣя.

Что-то словно ласково прильнуло къ сердцу Юрія и сладко защемило его.

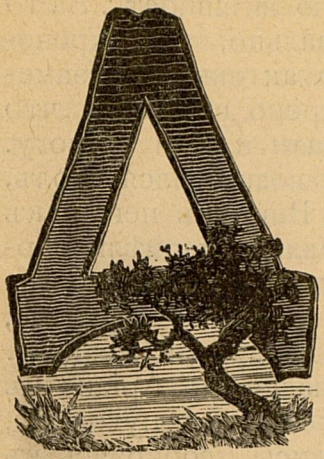
— Экое золото,—ты, братецъ; цѣны ты себѣ не знаешь! неожиданно вырвалось у него и онъ обнялъ маленькаго еврея, дрогнувшаго отъ радости.

— Ну, вотъ... ну, вотъ... Засуетился тотъ...— а теперь къ намъ... Мой старый, почтенный отецъ и моя сестра Сара велѣли тебя привести во что бы-то ни стало.

— Мой старый отецъ сказалъ такъ: господину Радину очень тяжело будетъ безъ его мамаши... А особенно въ первую минуту... и я тебѣ говорю, Давидъ, пойди и приведи господина Радина къ намъ... прямо съ вокзала! Вотъ что сказалъ мой старый отецъ. А теперь пойдемъ: мы всѣ хотимъ видѣть тебя... и мой старый отецъ, и моя сестра, и моя скрипка. Да, и скрипка, которая, я чувствую, будетъ пѣть сегодня для тебя, какъ никогда еще не пѣла моя скрипка! Для тебя одного! Слышишь?

Черные глаза маленькаго юноши вдохновенно блеснули.

— Я буду играть въ честь тебя и твоей матери сегодня, какъ богъ! произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и, увлекая за собою Юрія, быстрыми шагами зашагалъ по платформѣ.



ГЛАВА XIV.

Волненія восьмиклассниковъ..

ЛИННЫЙ, огромный двухсвѣтный актовый залъ былъ приготовленъ къ пріему почетныхъ посѣтителей.

Ждали попечителя учебнаго округа и какого-то сановника-старичка изъ высшихъ придворныхъ сферъ, игравшаго не маловажную роль въ педагогическомъ мірѣ.

Начальство изъ силъ выбилось, стараясь придать надлежащій видъ гимназистамъ. Это былъ первый актовый экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, послѣ цѣлаго ряда которыхъ, вчерашній ученикъ прощался навсегда со своей alma-mater и дѣлался вполнѣ самостоятельнымъ лицомъ въ студенческой фуражкѣ.

Выпускные экзамены начались съ исторіи. Въ программѣ стояли всѣ четыре курса этого предмета, то есть: древняя, средняя, новая и русская исторіи, пройденныя уже вкратцѣ за всѣ учебные гимназическіе годы. Теперь же въ восьмомъ и послѣднемъ классѣ ее „пережевывали“, по выраженію преподавателя Лучинскаго, вновь, но только уже вполнѣ обстоятельно и распространенно.

Къ исторіи относились не дурно. Самаго Лучинскаго терпѣли, хоть чуть-ли не открыто называли „гномомъ“ и „ископаемымъ“ за маленькій

ростъ и нѣсколько неопрятную внѣшность. За то хронологію не выносили буквально, а на хронологію особенно и налегали на актовыхъ экзаменахъ экзаменаторы. Не мудрено поэтому, что сердца нечестивыхъ Аріанъ ёкали и били тревогу.

Въ актовомъ залѣ грозно возвышался столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Вокругъ него какъ бы робко толпились стулья, дальше чернѣли парты, принесенныя изъ классовъ и заранѣе приготовленныя для письменнаго русскаго экзамена, слѣдовавшаго послѣ исторіи на другой же день.

Подтянутые, чистенькіе, гладенькіе Аріане въ мундирахъ, туго застегнутые на всѣ пуговицы, глухо суетились и волновались, собираясь въ группы:

— Ни аза годовъ не знаю! торжественно объявилъ мрачный Комаровскій, огромными шагами измѣряя залъ.

— Ну?

— Ей-ей! Забодаютъ... Какъ пить дать, забодаютъ...

— Срѣжетъ!—лаконическимъ звукомъ проронилъ Самсонъ.

— А я всю ночь, господа, не ложился — неожиданно заявилъ хорошенькій, похожій на барышню Гудзинскій.

— А ты не хвались! Зазубрилъ небось... Радъ!—огрызнулся на него Комаровскій, не терпѣвшій по чему-то вертляваго Стася.

— Нисколько не радъ! Чего вы лаетесь!— обиженно своимъ тоненькимъ голоскомъ пропищалъ тотъ.

— Chere Marie! Наплюве на него, je-vous prie! Онъ не стоитъ вашего мизинчика! произнесъ, дурачась, Гремушинъ.

— Господа! растерянно хваталъ всѣхъ за рукава Ватрушинъ, своими добрыми близорукими глазами кивая по привычкѣ на право и на лѣво,—кто велъ вторую пуническую войну, не помните-ли? Изъ головы выскочило совсѣмъ.

— Кто-нибудь да велъ, а шутъ его знаетъ, кто... Береги свое здоровье, Кисточка,—послышался чей-то дурачливый голосъ.

Появился Соврадзе, весь благоухающій паччулли, какъ имянинникъ, и сверкая бѣлыми какъ кипень зубами, заявилъ, что онъ „средней" ни въ зубъ толкнуть не знаетъ.

— Ничего, вывеземъ, я суфлировать буду, такъ что небу станетъ жарко—утѣшалъ его Гремушинъ.

— Вотъ чэловэкъ! А попечитель?

— И ему станетъ жарко! И онъ выйдетъ провѣтриться! — съострилъ кто-то.

Захохотали. Купидонъ, тоже особенно гладенькій и прилизанный, ради торжественнаго дня сегодня, какъ изъ подъ земли выросъ посреди гимназистовъ...

— Тише, господа-съ! Прошу васъ... Я записывать буду,—нервно зазвенѣлъ его голосъ.

— Нѣтъ, ужъ дудки теперь... Записывать нельзя. Мы сами скоро записывать станемъ!— послышались возмущенные голоса.

— Не грубите-съ!—растерялся наставникъ и вдругъ выпучилъ глаза на Соврадзе.

Господинъ Соврадзе... что-съ съ вами?.

— Какъ что?— захлопалъ глазами армянинъ.

— Пахнете-съ!..

— Это нэчего, душа моя... Привыкайте... Это даже очэнъ прекрасно, когда отъ чэловэка духъ хорошій ыдетъ... Его высокопревосходительство

очэнъ одобрять будэтъ... У нихъ даже кучера при дворѣ душатся. Честное слово говорю, вѣрно!

И незамѣтно юркнулъ за спины другихъ. Неожиданно бурей влетѣлъ въ залъ общій любимецъ и баловень Каменскій.

— Гг. будущіе студенты! Слушайте! Необычайное происшествіе! Неожиданное извѣстіе! Два извѣстія! Ликуйте и плачьте, о, Аріане! За нечестіе ваше да воздастся вамъ! — оралъ Миша, взгромоздившись на кресло, приготовленное для рѣдкаго посѣтителя въ самомъ центрѣ краснаго стола.

Аріане всколыхнулись и вмигъ тѣсною густой толпой окружили Мишу Каменскаго.

— Слушайте, головорѣзы, — повысилъ онъ и безъ того свой звонкій теноръ,—во-первыхъ гадюка исчезла.

— Кто? Куда? — такъ и застонало стономъ кругомъ.

— Ренке ушелъ... Вчера днемъ присылалъ за бумагами. Письмо накаталъ, шельмецъ, какое... „Не нахожу, молъ, нужнымъ оканчивать курсъ тамъ, гдѣ оцѣниваются успѣхи какихъ-то жалкихъ зубрилъ“.—Это онъ въ твой огородъ, Юрочкинъ, — внезапно обернулся Миша къ Радину, вспыхнувшему до корней волосъ,—а его молъ превосходительство Нэда фонъ-Ренке, Трэреренки, не цѣнятъ не въ грошъ. И закатился аки солнце въ часъ вечерній... А за бумагами лакеуса прислалъ. Ей Богу!

— Фи-гу-ра! Тоже съ норовомъ!

— Ну, и шутъ съ нимъ!

— Забодай его козелъ рогами!

— Дрянцо!

Послышались со свѣхъ сторонъ нетерпѣливые, задорные голоса.

— Ну, а еще что? Говори, Мишка!

— А вторая новость еще почище будетъ! На помощь экзаменаторамъ въ число ассистентовъ Шавку назначили!

— О-о!—Стономъ вырвалось изъ сорока молодыхъ грудей. Насколько уходъ Ренке изъ гимназіи за полтора мѣсяца до выпуска не произвелъ впечатлѣнія, на столько появленіе на сегодняшнемъ экзаменѣ Собачкина произвело полную сенсацію. Аріане пріуныли. Нѣкоторые были близки къ отчаянію.

— Нда, вотъ такъ штука!—зазвенѣли нервные голоса.

— Видалъ миндалъ!

— Онъ тебѣ качанье-то припомнитъ!

— Думать надо!

— Синяки еще, чай, не прошли!

— Зарѣжетъ.

— Безъ ножа зарѣжетъ, что и говорить!

Наивный, розовый и пухлый, какъ сайка, Талинъ перебѣгалъ отъ одного осьмиклассника къ другому и, страшно пуча свои рыбьи глаза, чуть не плача говорилъ:

— Вѣдь теперь чего добраго и университетъ на смарку! а?

— Попочка! Закройте вашъ клювикъ... Не расточайте перлы вашего остроумія! Наклейте пластырь на губку, душечка, цыпленочекъ вы мой!—подкатился къ нему Миша, и тутъ же, увидя Радина, шепнулъ ему, лукаво подмигивая на рукавъ своего параднаго мундира...

— У меня тутъ шпаргалка*) вшита... Первый сортъ! Сестра на резинкѣ вдѣлала... Всю ночь хронологію въ нее вкатывалъ... Здорово, братъ!

*) Бумажка, на которой переписана задача или билетъ.

— Не попадись только, Попочка! предупредилъ Юрій.

Ну, вотъ! Я не Талинъ. — Это онъ только способенъ влопаться, какъ баранъ, въ лужу...

Въ сторонѣ отъ другихъ сидѣлъ Флугъ и, запустивъ руки въ свою характерную еврейскую шевелюру, повторялъ наскоро русскую хронологію. Ему надо было отвѣтить на „пять“ во что бы то ни стало.

Около десяти стало стекаться начальство въ залъ. Первымъ появился Луканька. Онъ несъ сегодня свои сѣдыя баки какъ-то особенно торжественно и важно.

Вошелъ, быстро кивнулъ гимназистамъ, быстрымъ взоромъ окинулъ столъ и вдругъ, кисло усмѣхнувшись, поднялъ голову и сталъ нюхать воздухъ. Потомъ подошелъ къ группѣ Аріанъ. Ему попалась какъ разъ первою сіяющая фигура Соврадзе, надушенная паччули до тошноты.

— Г. Соврадзе! Вы, душенька, кажется, аптекарскій магазинъ ограбили?—произнесъ обычнымъ своимъ брезгливымъ голосомъ инспекторъ.

— Зачѣмъ ограбилъ? Ничэго не ограбилъ!—обидѣлся злополучный „Мурза“,—за свои дэнги купилъ... Тридцать пять копеекъ за лотъ платылъ.

— Ради Бога, выйдете вы на улицу, провѣтриться! взмолился Иродъ,—вѣдь его высокопревосходительству можетъ дурно сдѣлаться отъ вашихъ духовъ.

— Отъ хорошихъ духовъ нэ можетъ дурно сдѣлаться,—упрямо твердилъ Соврадзе, однако, провѣтриться вышелъ и, вернувшись черезъ пять минутъ обратно, взволнованно крикнулъ еще съ порога:

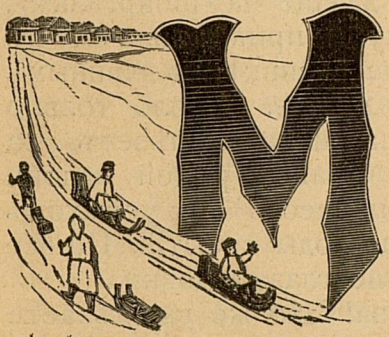
— Оны ыдутъ!

И козелкомъ запрыгалъ до своей парты.

Аріане встрепенулись и, какъ стая птицъ, вспорхнули и размѣстились вмигъ по своимъ мѣстамъ. Все стихло, какъ по мановенію волшебной палочки, въ огромномъ актовомъ залѣ.

„Они“, дѣйствительно, вошли, важные, спокойные, какъ и подобаетъ быть начальству.

Вошли... Огромный Самсонъ прочелъ молитву своимъ громовымъ басомъ. Стулья задвигались. И экзаменъ начался.



ГЛАВА XV.

Дядя выручилъ.

МИША Каменскій чувствовалъ себя далеко не по себѣ. Казалось-ли то ему, или то было на самомъ дѣлѣ, но острые, маленькіе глазки латиниста не покидали его ни на одну минуту. Неожиданный ассистентъ точно читалъ въ душѣ Миши, что онъ пуническихъ войнъ ни „аза“ и, хоть „ты тресни“ не помнитъ всѣхъ сподвижниковъ Петра по русской исторіи, а о хронологіи ужъ и говорить не стоитъ... Ни бэ, ни мэ... Хоть шаромъ покати, гладко!

— И чего вонзился, о-о! Чучело этакое! волновался Миша, хмуря свои черныя, красиво изогнутыя брови.

Раскрылъ на удачу учебникъ кверхъ ногами и сдѣлалъ видъ, что углубился въ него.

— Авось, отстанетъ Шавка!

Но Шавка не отставалъ. Его проницательные, душу читающіе глазки продолжали безъ-устали впиваться въ Мишу.

— Зарѣзать хочетъ! — мысленно томился юноша,—догадался, кто его изобразилъ тогда на доскѣ и... и зарѣжетъ! Какъ Богъ святъ!—И чуть ли не первый разъ въ жизни весельчакъ и острякъ Каменскій почувствовалъ себя скверно и тоскливо. Какъ на бѣду, попечитель округа еще не пріѣхалъ и экзаменъ начался безъ него. Вся надежда Миши была на дядю, при которомъ Шавка не посмѣетъ «рѣзать», ну да еще на «шпаргалку», которую сестра Соня искусно прикрѣпила ему въ лѣвомъ рукавѣ мундира на резинкѣ, съ длиннымъ рядомъ хронологическихъ цифръ. Стоило только дернуть пальцемъ и шпаргалка вылѣзетъ на столько, что, прикрывая правой рукой ладонь лѣвой руки, можно было прочесть съ успѣхомъ подъ пальцами, незнакомые годы событій. Но все было бы хорошо, еслибы не глаза Шавки.

— Ахъ, эти глаза, глаза! Что же вы дѣлаете со мною! съ тоскою пронеслось въ душѣ всегдашняго весельчака.

Около Миши что-то неожиданно зашуршало...

— Комарикъ, ты что?

— А вотъ хронологію выписываю, забодай ее козелъ рогами!

— На ногтяхъ то?

— А неужто-жъ на носу!

И Комаровскій, довольный своей выдумкой, тихонько вытянуль руки... Тамъ, на ногтяхъ, чуть замѣтно чернѣли малюсенькія, какъ мушки, цифры.

Ништатскій міръ въ 1721 году. Коронованіе

Петра Императоромъ 1725. И такъ далѣе, далѣе... Много, безъ конца!

Всѣ десять пальцевъ рукъ были заняты цифрами.

— Хорошо! торжествовалъ Комаровскій.

— Остроумно, шутъ возьми! согласился Миша.

И оба разсмѣялись.

У экзаменаторскаго стола стоялъ Юрій. Пока его предшественникъ Бандуровъ, мигая своими прекрасными глазами, толково и основательно докладывалъ значеніе Петровскихъ реформъ, Радинъ тупо смотрѣлъ на свой билетъ, знакомый ему до противнаго вмѣстѣ со всей его хронологіей, и думалъ о матери...

— Она уже тамъ...— быстрѣе птицы неслись мысли юноши—въ Лугано. Затерянный маленькій уголокъ земного рая... Горы кругомъ... Апельсиновыя и миндальныя рощи... Запахъ, дурманящій и сладкій, какъ медъ... И розы... розы... цѣлый лѣсъ розъ... цѣлая бездна... Милая... родная... Отдохни... тамъ... милая! Родная! Голубушка моя!

Письмо матери, первое по ея отъѣздѣ, лежало у него на сердцѣ подъ синимъ сукномъ мундира... и что-то бодрящее, что-то нѣжное, какъ морская волна, какъ нѣжный цвѣтокъ, какъ соловьиная пѣснь, шло отъ этого маленькаго клочка бумажки въ синемъ конвертѣ и чѣмъ то бодрящимъ вливалось оно во всѣ фибры его молодого существа. Онъ точно проснулся отъ сна, когда дребезжащій голосъ инспектора назвалъ его фамилію.

— Г. Радинъ, отвѣчайте-съ...

Отъ стола отходилъ Бандуровъ, сіяющій, красный, натыкающійся отъ восторга на встрѣчныя парты, по пути. Онъ чувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Хронологію его не спро-

сили. Хронологія осталась за флагомъ, по выраженію аріанъ.

Юрій встряхнулся и заговорилъ. Спокойный, увѣренный въ себѣ и въ своихъ знаніяхъ, нѣсколько усталый отъ пережитыхъ волненій за послѣднее премя, онъ отвѣчалъ прекрасно, свободно и легко. Его «высокопревосходительство» слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, блаженно улыбался и покачивалъ въ тактъ словамъ головою.

— Точно Кисточка нашъ, Ватрушинъ, киваетъ— произнесъ мысленно Юрій и чуть-чуть улыбнулся.

— Довольно-съ. Великолѣпно. Впрочемъ, я и не ожидалъ отъ васъ иного отвѣта! произнесъ гномъ,—историкъ, лаская Юрія благодарнымъ, сіяющимъ вглядомъ.

— Прекрасный отвѣтъ. Какъ фамилія? точно просыпаясь отъ розоваго сна, протянуло его высокопревосходительство. Моторъ почтительно склонился къ сіятельному уху и прошепталъ сановдику фамилію Юрія.

Тотъ взялъ карандашъ и начерталъ жирную пятерку на экзаменаціонномъ бальникѣ противъ фамиліи юноши. Потомъ директоръ снова нагнулся и снова зашепталъ что-то на ухо старичку.

Сіятельныя брови его высокопревосходительства поднялись и сановникъ протянулъ изумленное—у-у? И такъ взглянулъ на Юрія, точно передъ нимъ былъ не Радинъ, ученикъ восьмого класса №-ой гимназіи, а бенгальскій тигръ или ему подобное чудовище, изъ дикихъ лѣсовъ.

— Обо мнѣ говорятъ... Про маму... Что я изъ за ея поѣздки, университетъ бросилъ!—вихремъ пронеслось въ головѣ и онъ сжалъ зубы, заскрипѣвъ ими отъ нравственной боли.

— И чего въ чужую душу врываются! запро-

тестовало его, сильно, разомъ, вдругъ забившееся сердце. Между тѣмъ, сановникъ еще разъ окинулъ его глазами и снова, обмакнувъ перо, поставилъ подлѣ его пятерки жирный и сочный крупныхъ размѣровъ крестъ. Потомъ благодушно кивнулъ и, улыбнувшись ласково, процѣдилъ тягуче:

— Можете идти, я доволенъ... Я очень доволенъ вашимъ отвѣтомъ, молодой человѣкъ.

Обласканный, но не радостный Радинъ пошелъ отъ стола. Маленькій Флугъ занялъ его мѣсто. Горячо и возбужденно доказывалъ юноша-еврей значеніе крестьянскаго раскрѣпощенія 61-го года... Какъ всегда, волнуясь и горячась, онъ своей образной, красочной рѣчью увлекъ слушателей. Его глаза горѣли... Нѣжный голосъ вибрировалъ, черныя стрѣльчатыя рѣсницы вздрагивали. Чахоточный румянецъ игралъ на впалыхъ щекахъ...

Его похвалили тоже и отпустили съ миромъ.

— Господинъ Каменскій и господинъ Соврадзе! прозвучало зловѣще среди наступившей тишины.

Миша вскочилъ.

— Съ мурзой вызвали... Отъ этого олуха подсказки не жди... Самъ, какъ слѣпой путается! ожесточенно произнесъ юноша въ мысляхъ... А дяди все нѣтъ, какъ нѣтъ, точно на зло, и подлая Шавка, какъ піявка впилась глазами. Шутъ знаетъ что! хоть ложись на полъ и умирай.

И, безнадежно махнувъ рукою, Миша потянулся за билетомъ...

— № 4! произнесъ онъ громче, нежели слѣдовало бы, и весь замеръ...

Билетъ—былъ одною сплошною хронологіей... Событія и годы... Годы и событія... Сама судьба оказывалась противъ него—Миши...

— Ну, милушка, вывози! мысленно произнесъ

*

не на шутку струхнувшій юноша и, набираясь храбрости, потянулъ шпаргалку.

Трахъ!

Резинка слабо звякнула, какъ струна, и оборвалась!

— Сонька, глупая, не съумѣла пришить какъ слѣдуетъ!—въ смертельной тоскѣ выбранилъ сестру Миша,—теперь уже эта дрянь (онъ подразумѣвалъ шпаргалку) и дѣйствовать не будетъ!—и тутъ же случайно его глаза, устремленные на кругъ экзаменаторовъ, встрѣтились съ торжествующими, злыми глазками Шавки.

— И чего радуется, чучело!—снова съ удовольствіемъ выругался Миша.

А Шавка радовался на самомъ дѣлѣ. Его щелочки-глазки съ особеннымъ наслажденіемъ впились въ этого стройнаго, не по годамъ моложаваго мальчика съ лукавымъ лицомъ и красивыми глазами. Онъ давно зналъ и помнилъ, что этотъ здоровый, упитанный, стройный мальчикъ,—племянникъ попечителя округа—мучитель его и злѣйшій врагъ. Это онъ, этотъ розовый, хорошенькій Каменскій нарисовалъ на доскѣ его каррикатуру... Это онъ высмѣялъ его на глазахъ всего класса, выдумавъ глупую исторію съ наградой. Все онъ, все онъ, и одинъ онъ!

И теперь ему, Данилѣ Собачкину, является прекрасный случай отомстить врагу. И онъ отомститъ! Отомститъ... О, да! Непремѣнно! Онъ даже облизнулся, какъ котъ, почуявшій травлю мыши.

— А, скажите, молодой человѣкъ, когда была первая, вторая и третья пуническая война?—почти задохнувшись отъ долго сдерживаемой радости, обратился онъ къ Мишѣ.

Даже капельки пота выступили на красивомъ, крутомъ и открытомъ лбу Каменскаго.

— Вотъ лѣшій-то! Прямо въ больное мѣсто вонзился!—мысленно негодовалъ онъ, красивыми, голубыми глазами впиваясь въ хитрые маленькіе глазки учителя, и молчалъ...

Ужасное молчаніе!..

Оно длилось и минуту, и двѣ и три... и цѣлую вѣчность.

— Не знаете-съ! гм! не хорошо, молодой человѣкъ!— своимъ противнымъ голосомъ скрипѣлъ Шавка.—Ну-съ, въ такомъ случаѣ... Павелъ Кунктаторъ, прозванный Медлителемъ, въ которомъ году потерпѣлъ пораженіе?

Опять молчаніе...

— Господи, какая мука!

Старичекъ сановникъ нахмурилъ свои сѣдыя брови и смотритъ на Мишу, какъ нѣкогда Христосъ смотрѣлъ на распятаго съ нимъ о-бокъ Варраву. А Миша молчитъ. Потъ градомъ катится съ его лица и капаетъ, капаетъ безъ конца на грудь мундира.

Вдругъ...

Широко распахнулась дверь. И всегда довольный, розовый и сіяющій Александръ Нилычъ Каменскій, попечитель учебнаго округа, быстрой и ровной походкой вошелъ въ актовый залъ.

— Дядя! чуть-ли не вырвалось изъ груди Миши неистовымъ крикомъ.

— Я, кажется, опоздалъ немножко! Виноватъ, простите!—говорилъ своимъ непринужденнымъ довольнымъ голосомъ Каменскій старшій, пожимая руки экзаменаторовъ направо и налѣво.

— Дядя, милый! Какъ кстати! благодарно сіяя

глазами, мысленно повторилъ Миша, чуть-ли не плача отъ радости.

И, правда, кстати.

Шавка прикусилъ языкъ и, весь зеленый отъ злобы за неудавшееся мщеніе, замолкъ.

Теперь заговорилъ директоръ.

— А мы вашего племянничка экзаменуемъ, какъ разъ, ваше превосходительство.—произнесъ онъ съ самою сладчайшею улыбкою по адресу попечителя и, обращаясь къ Мишѣ, произнесъ съ нисходительною ласковостью, имѣвшеюся у него всегда въ запасѣ:—разскажите мнѣ все, что знаете про вторую и третью пуническую войну.

— Вотъ-то блаженство.

Это уже Миша зналъ „на зубокъ", отлично. Его звонкій молодой теноръ полился, какъ серебряный ручеекъ по залѣ, неумолкая ни на минуту.

— Молодецъ, хорошо!—произнесъ сановникъ.

— Отлично!—вторилъ ему директоръ.

— Не дурно!—въ тонъ, какъ-то сквозь зубы цѣдилъ Шавка...

А Миша летѣлъ, летѣлъ, какъ на крыльяхъ... Ганибалъ... Муцій... Кунктаторъ... такъ и рѣяло на его молодыхъ, лукаво улыбающихся губахъ.

— Довольно-съ!—процѣдилъ сановникъ, у котораго, очевидно, отъ звонкаго голоса юноши затрещали уши.—весьма-съ, весьма-съ похвальный отвѣтъ!..

И поставилъ Мишѣ крупную пятерку.

Поставили по пятеркѣ и остальные ассисенты, не желавшіе отстать отъ его превосходительства. Поставилъ пять и Шавка.

— Что взялъ? а? торжествуя, вихремъ пронеслось въ мысляхъ Миши.—А Сонькѣ я все же уши нарву за то, что не съумѣла пришить какъ

слѣдуетъ шпаргалку. И онъ было зашагалъ къ мѣсту бодрый, сіяющій и счастливый.

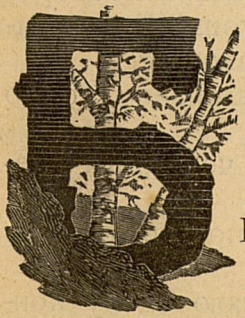
Но дядя-попечитель незамѣтнымъ знакомъ подозвалъ его къ себѣ.

— Учишься хорошо... А когда шалить перестанешь?—притворно сердитымъ голосомъ шепнулъ онъ племяннику, легонько ущипнувъ его за ухо.

— Когда умру, дядя!—не задумываясь, брякнулъ Миша и ласковыми смѣющимися глазами окинулъ старика.

— Висельникъ!—пробурчалъ тотъ притворно сердито, но его любящій взоръ, помимо воли, ласково остановился на красивомъ открытомъ лицѣ мальчика. Ликующій и счастливый вернулся на свое мѣсто Миша.

„Бѣсова“ хронологія не подвела... Онъ блестяще выдержалъ экзаменъ.



ГЛАВА XVI.

На порогѣ новой жизни.

БЫСТРО какъ въ калейдоскопѣ мѣнялись событія. Гимназическая жизнь, вся пестрѣя ими, катилась все дальше и дальше, то вспыхивая яркимъ фейерверкомъ, то тянулась повседневной обычной чередою, безпокойною и все же волнующеюся суетливой нитью.

Кончился экзаменъ исторіи, сошла страшная латынь, на которой расходившаяся Шавка, по-

чуявъ свою неограниченную власть, „срѣзалъ“ чуть-ли не половину класса. Двойки такъ и посыпались какъ изъ рога изобилія на злосчастные головы классиковъ.

Срѣзался Каменскій, срѣзался Соврадзе, схватилъ по латыни „пару“ и Самсонъ—Бабаевъ.

— Соврашка! Ты что же дѣлать-то будешь?—искренно сокрушались вокругъ него аріане.

— Что дэлать буду? — невозмутимо отзывался армянинъ:—первое дэло,—Шавку вздую на улыцѣ, а потомъ въ Тыфлысъ поѣду и духанъ *) открою... Мылосты просымъ!

— Дѣло!—иронизировали гимназисты. А ты, Миша?—обращались они къ своему любимцу.

— А я, братцы вы мои, улечу, свободный, на Рейнъ... Тамъ, говорятъ, скала Лорлеи—чудо!.. Пальчики оближешь... Зарисовывать буду... И развалины старыхъ замковъ... тоже, я вамъ доложу,—латыни не чета. Влечетъ меня туда невѣдомая сила! Неожиданно зазвучалъ его красивый теноръ! А осенью „bonjour“ comment allez vous?**) въ университетскомъ корридорѣ тутъ, какъ тутъ.

— Ху-до-ж-никъ!—дружески хлопали его по плечу товарищи.

— А я, господа, на лѣто въ чемпіоны!—неожиданно пробасилъ Самсонъ.

— Что? Что такое?—такъ и посыпалось на него со всѣхъ сторонъ.

— Въ борцы, въ садъ, на лѣтнюю сцену контрактъ подпишу. А не то батька въ магазинъ упрячетъ, пока-что до университета,—сахаромъ, чаемъ торговать. Слуга покорный!—лучше въ борцы.

---

*) Постоялый дворъ, харчевня.
**) Здравствуйте, какъ поживаете.

— Шавку бы тебѣ въ противники!—засмѣялся кто-то.

— Сокру-ш-шу!—страшно поводя глазами, зарычалъ Самсонъ.

Классики хохотали.

Прошла злополучная латынь. Прошла словесность. Божья Коровка осталась на высотѣ своего призванія... На сколько у Шавки бальникъ пестрѣлъ парами, на столько у благодушнаго Андрея Павловича онъ красиво разукрасился «пятернями». Даже злополучному „мурзѣ“ поставили три съ минусомъ вмѣсто единицы, когда на вопросъ ассистента, почему плакала Ярославна въ Словѣ о полку Игоровѣ, черноглазый армянинъ, не задумываясь ни на минуту, брякнулъ:

— А потому и плакала, что плакать хотэлось... Извэстное дэло—баба была!

Послѣ экзамена, когда экзаменаторы покинули залъ, еще разъ напомнилъ Алексѣй Петровичъ Рагозинъ о томъ, что его квартира, его самоваръ, тарелка щей и кусокъ мяса всегда къ услугамъ жаждущимъ и алчущимъ будущимъ студіозамъ.

И снова будущіе студіозы, словно обезумѣвъ, орали «славу» и бережно качали на рукахъ своего любимаго преподавателя.

Наконецъ наступилъ послѣдній экзаменъ математики.

Молоденькій, миловидный учитель, прозванный «мармаладкой» за свою слащавую внѣшность, влюбленный до смѣшного въ свой предметъ, говорилъ постоянно:

— Математика это — все! Даже вору, вытащившему кошелекъ изъ кармана, приходится считаться съ математикой.

Онъ замѣтно робѣлъ передъ экзаменомъ и, по-

минутно обдергивая свой новенькій вицъ мундиръ, краснѣя, какъ барышня, молящимъ голосомъ упрашивалъ то того, то другого гимназиста:

— Вы только, батенька, подумайте передъ тѣмъ, какъ отвѣтить... А то вы брякаете постоянно... Ей Богу-съ!

— Ужъ чего тутъ! Думай не думай, ученѣе Пифагора не будешь!—уныло отвѣчалъ злосчастный классикъ.

Но вотъ съѣхала и математика, алгебра и геометрія заодно съ нею. Едва только экзаменаторы и почетные гости успѣли выйти за дверь, какъ въ актовомъ залѣ поднялось настоящее Вавилонское столпотвореніе. Учебники, тетради, мѣлки и карандаши, какъ птицы, рѣяли въ воздухѣ... Качали «мармаладку», качали другъ друга, качали Александра Македонскаго, не нарокомъ заглянувшаго въ дверь, подъ оглушительное „ура“, долго несмолкавшее въ этотъ день въ сѣрыхъ и чопорныхъ стѣнахъ гимназіи.

— Ухъ! Какъ гора съ плечъ. Вотъ счастьеще-то привалило! Восемь лѣтъ оттянули лямку, — слышался чей-то радостный голосъ.

— Господа, я предлагаю „мотора“ покачать какъ слѣдуетъ! предложилъ кто-то.

— Ну его... Онъ агнецъ невинный... Не вѣдаетъ бо, что творитъ... А вотъ Луканьку стоитъ!

— Вѣрно! Вѣрно! Только послѣ раздачи дипломовъ... А то, чего добраго...

— Ну, понятно... Вотъ дуралей!

— Классики! Вѣдь мы на половину студіозы теперь! Нэхаете?—послышался чей-то дрожащій отъ радостного волненія голосъ.

— Уррра!—могучимъ раскатомъ пронеслось по залу.

И вдругъ все стихло. Незримо промелькнулъ передъ глазами, мрачный и таинственный призракъ горя. Тишина. Вытягиваются и чуть блѣднѣютъ молодыя оживленныя лица.

Въ сторонѣ отъ другихъ стоитъ красивый, стройный юноша, сосредоточенный и блѣдный. Печать сдержаннаго страданія на его прекрасномъ лицѣ. Глаза горятъ нестерпимой мукой. Ему недоступна всеобщая радость... Онъ добровольно лишился ея ради матери. Онъ не будетъ „тамъ", куда такъ стремятся всѣ его молодые друзья. Не для него, не для Юрія Радина, желанный университетъ!

— Юрочкинъ, что ты? И мигомъ участливыя, ласково-озабоченныя лица окружаютъ его. Десятки рукъ, какъ по командѣ, протягиваются къ нему. Беззавѣтнымъ сочувствіемъ горятъ молодые глаза.

— Когда ѣдешь, Каштанчикъ?

— Во вторникъ, послѣ раздачи наградъ...

— А медаль праздновать будешь?

— Обязательно зови насъ вспрыскивать медаль... Вечеромъ твои гости. Вторникъ нашъ. А въ среду отчаливай съ Богомъ!—зазвучали и здѣсь и тамъ, справа и слѣва десятки голосовъ.

— Но, господа, я не знаю, какъ же это... помѣщеніе у меня ни того... Каморка...—произнесъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ Юрій.

— Вотъ дуралей! Да что намъ ты или твоя каморка нужна? И на пятачкѣ умѣстимся!

— Очень радъ буду!—смущенно пролепеталъ Радинъ.

— Ну, радъ ни радъ, а твои гости...—загоготали кругомъ.

— Только, какъ же на счетъ хозяйки? Мамы вѣдь нѣтъ...

— А ты Марфу Посадницу позови... Она съ привеликимъ удовольствіемъ. Цѣлковый ей въ зубы и она тебѣ такую экономку съиграетъ, что мое, братъ, поживаешь!..

— Вѣрно, вѣрно! Посадницу зови... Мы всѣ къ тебѣ вечеромъ! Надо же отпраздновать полученіе первой медали, да и отъѣздъ твой вспрыснуть.

— Спасибо, господа!—растроганный улыбался Юрій.

— Ну, вотъ! На чемъ спасибо-то... Незванный гость хуже татарина... такъ до вторника?

— До вторника.

Да, да!

И вчерашніе классики разошлись въ этотъ день счастливые сознаніемъ столь давно ожидаемой и наконецъ полученной свободы.

ГЛАВА XVII.

За наградами.

АЗДАЧА медалей, наградъ и дипломовъ состоялась дня черезъ три. Снова недавніе классики собрались въ актовомъ залѣ. Снова вокругъ краснаго стола торжественно размѣстился весь синедріономъ, во главѣ съ сановнымъ старичкомъ.

Пріѣхалъ митрополитъ... Пѣвчіе пропѣли кон-

цертное «Исполати Деспота» и началась раздача наградъ.

Рука Юрія дрожала, когда директоръ передавалъ ему бархатный футляръ съ золотой медалью. Онъ видѣлъ, какъ при его приближеніи глаза сановнаго старичка, запомнившаго его лицо, очевидно, съ явнымъ состраданіемъ остановились на немъ.

— Примѣрный юноша!—громкимъ, слышнымъ шопотомъ, обращаясь къ попечителю округа, прошамкали блеклыя старческія губы.

За уходомъ Ренке, вторую медаль присудили мрачному Комаровскому.

— Ну, куда ее мнѣ... Лучше-бы тыщенку отвалили!—со своимъ комическимъ унынiемъ говорилъ Комарикъ, разсматривая скептически „золотую штучку“ и во всѣ стороны поворачивая футляръ.

Всѣ знали, что Комаровскій сынъ бѣдной портнихи-труженицы, чрезвычайно нуждался и бѣгалъ по урокамъ за пять съ полтиной въ мѣсяцъ...

— А ты ее... продай... Получишь Катеньку*),— посовѣтовалъ ему подвернувшійся Талинъ.

— Да ну!—обрадовался Комаровскій и вдругъ неожиданно своими длинными ручищами облапилъ юношу.—Вѣдь вотъ хоть разъ умное слово ты сказалъ, Попочка... Вѣдь бываетъ-же, подите, что на грѣхъ палка выстрѣлитъ!—развелъ онъ комическимъ жестомъ свои длинныя руки.

Талинъ хотѣлъ обидѣться и не успѣлъ.

Раздача наградъ кончилась. Начались рѣчи. Говорилъ директоръ, говорилъ инспекторъ, говорилъ сановникъ. Предложили сказать попечителю,

*) Сторублевую бумажку.

но Александръ Нилычъ только добродушно отмахнулъ рукою.

— А ну ее!.. Отпустите вы ихъ съ Богомъ поскорѣе... Не стоится имъ!.. Такъ и рвутся на свободу... По своему сорванцу вижу! Вѣдь ребята они, хоть и напялятъ завтра форму дѣйствительныхъ студентовъ!

И, лукаво подмигнувъ племяннику, онъ торопливо распрощался и поспѣшилъ покинуть залъ.

Покинули ее и остальные.

Не долго оставались въ ней и „завтрашніе студенты“.

Съ шумомъ и грохотомъ, подъ оглушительное „ура“ высыпали они на улицу, сіяющіе, радостные, безумно-счастливые, какъ дѣти...

Все улыбалось имъ: и самыя стѣны, и люди, и старый швейцаръ, распахнувшій передъ „ними“ настежъ огромную дверь, и самое солнце, весеннее, жаркое, своими золотыми лучами какъ теплой, ликующей волной залившее ихъ...

— До вечера!—крикнулъ первый Миша Каменскій, едва удерживаясь отъ бившаго въ немъ черезъ край мальчишескаго задора.

— До вечера! У Юрочкина!

— У Юрочкина, да, да!

И шумная ватага разбрелась по улицамъ, будя ихъ сонную, степенную корректность звонкими, радостными молодыми голосами...

ГЛАВА XVIII.

Передъ разлукой.

ИЛЬКИ... пирогъ... колбаса... сыръ... вино... апельсины.. Сардинки... Все!!! Кажется все? Отлично...

Юрій внимательнымъ взглядомъ окидываетъ столъ...

И вдругъ вспыхиваетъ отъ неожиданности.

— А пиво?.. Марѳа Спиридоновна, а пиво гдѣ? Бабаевъ пиво любитъ... Знаете, Калинкинское...

— Здѣсь, господинъ Радинъ... Все здѣсь, слышится голосъ изъ-за двери и въ тотъ-же мигъ, запыхавшаяся, усталая и красная, какъ вишня, отъ суетни, „посадница“ въ сѣромъ новомъ камлотовомъ платьѣ и въ бѣлой съ синими лентами наколкѣ, появляется на порогѣ.

— И пиво и медъ... все тутъ...

— А медъ, это хорошо! Маленькій Флугъ медъ любитъ... — раздумчиво роняетъ Юрій, думая о чемъ-то другомъ...

— Хорошій молодой человѣкъ г. Флугъ, — съ улыбкой говоритъ Посадница, — совсѣмъ хорошій,—а вотъ, говорятъ, евреи...

Она не доканчиваетъ... Оглушительный звонокъ раздается въ прихожей, пугая до смерти глухую хозяйку, улегшуюся спать чуть-ли не съ пѣтухами.

— Это Каменскій! Навѣрное! Его звонокъ! — подавляя улыбку, говоритъ Юрій. Посадница опрометью кидается открывать дверь.

Юрій оглядываетъ быстрымъ взоромъ комнату... Все хорошо... Отлично... Лучше, нежели онъ ожидалъ... Посрединѣ столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью, ломившійся подъ тяжестью закусокъ... Дверь въ сосѣднюю комнату, уступленную ему хозяйкой на этотъ вечеръ, раскрыта настежъ... И тамъ все прибрано... хорошо... уютно... Окна раскрыты... Ароматный іюньскій вечеръ вливается сюда волной...

Юрій успѣваетъ поправить занавѣску у окна.

— „Привѣтъ тебѣ пріютъ священный“!—звонкимъ молодымъ теноркомъ несется арія Фауста съ порога и Миша Каменскій, сіяющій и веселый, по своему обыкновенію, появляется въ дверяхъ.

— Здорово, Юрочкинъ!

— А а! Михалка!

Они цѣлуются, задушевно и радостно, точно не видѣлись пять лѣтъ... Потомъ Миша отступаетъ назадъ на ципочкахъ, прижимаетъ руку къ сердцу и съ самымъ изысканнымъ поклономъ склоняется передъ озадаченной швейцарихой чуть не до земли.

— Привѣтъ вамъ, Марѳа Посадница! Величайшая изъ женщинъ!

— Не извольте браниться, господинъ Каменскій! — обидчиво произнесла опѣшившая швейцариха.

— Да что вы, Богъ съ вами, голубушка! — растерялся Миша.—Марѳа Посадница всѣмъ Новгородомъ правила, знаменитость въ своемъ родѣ была.

— Ну, да, знаменитость! Ладно, не надуете,

— Это-съ?—удивленно, спросилъ городовой... (Къ стр. 124).

такихъ знаменитостей посадскихъ-то*) много на улицахъ ходитъ, побирается. Насмѣшники вы и больше ничего!

И какъ ни старался увѣрить Миша разобиженную женщину, что Марѳа Посадница самому царю во время оно насолила не мало, Марѳа Спиридоновна все стояла на своемъ.

— Посадница-де бранное слово, потому что посадскіе по улицамъ побираются, по гроши.

Такъ и не удалось ему разувѣрить обиженную швейцариху. Вновь раздавшійся звонокъ во-время прервалъ ихъ препирательство.

На этотъ разъ, пришло сразу человѣкъ восемь, во главѣ съ Самсономъ, поразившимъ всѣхъ своимъ франтоватымъ штатскимъ костюмомъ и новенькимъ блестящимъ цилиндромъ, едва державшимся на его огромной головѣ.

Товарищи охали и восторгались, во всѣ стороны поворачивая его.

— Когда-же ты успѣлъ преобразиться, чучело, ты этакій?—изумлялись они.

— А хорошо?—чрезмѣрно довольный самимъ собою, ликовалъ Самсонъ.

— По правдѣ сказать, не того... На факельщика смахиваешь... Прежде лучше было,—рѣшилъ Миша.

— Ну да... Самъ ты факельщикъ, — обидѣлся Бабаевъ. — Мнѣ иначе нельзя... Я въ борцы на лѣто ѣду... А борцы всегда въ цилиндрахъ... Обязательно!—тономъ, не допускающимъ возраженій, заключилъ Бабаевъ.

Новый звонокъ... Новые гости...

---

*) Безпаспортные нищіе, высылаемые по посадамъ и маленькимъ городамъ.

Скоро въ двухъ маленькихъ комнаткахъ набралось столько народу, что буквально яблоку было негдѣ упасть.

— А Флугъ не пришелъ? Гдѣ-же Флугъ? — озабоченно произнесъ чей-то голосъ.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же Флугъ?

Флуга не было.

По лицу Юрія промелькнула печальная тѣнь. Онъ любилъ маленькаго еврея за его болѣзненно-чуткую, благородную душу и его отсутствіе отравляло ему весь праздникъ. Но предаваться печали было неумѣстно. Гости были голодны и ,съ чисто товарищескою откровенностью заявили объ этомъ.

— Къ столу! Пожалуйте къ столу, господа!— съ радушіемъ заправской хозяйки приглашала Посадница.

— Благоволите начать, о, великая изъ женщинъ!

И Миша Каменскій съ самымъ серьезнымъ видомъ подскочилъ къ Маріѣ Спиридоновнѣ, предложилъ ей сложенную калачикомъ руку и торжественно повелъ ее къ столу.

Здѣсь онъ посадилъ ее на предсѣдательское мѣсто и съ глубокимъ поклономъ по адресу окончательно потерявшейся швейцарихи скромно усѣлся рядомъ. Заняли свои мѣста и остальные Аріане. Минутъ пять длилось полное молчаніе... Молодые зубы работали на славу. Классики воздавали должную дань обильному угощенію. Тутъ было уже не до разговоровъ... Закуски и яства исчезали съ поразительной быстротою. Вдругъ негромкій звонокъ возвѣстилъ о новомъ гостѣ изъ прихожей.

Маріа Посадница вскочила со своего мѣста и опрометью кинулась отворять дверь.

— Это Флугъ! Навѣрное! послышались голоса

и всѣ взоры съ жаднымъ нетерпѣніемъ устремились на дверь.

— Такъ и есть, Флугъ!

— Что же ты, Флужка, опоздалъ, чучело? посыпались на него упреки.

— Простите, господа, не могъ раньше! извинялся молоденькій еврей, дружески обнимаясь съ хозяиномъ.

— Да онъ со скрипкой!.. Вотъ молодчинищато! раздались веселые голоса.

Дѣйствительно, подъ мышкой у Флуга была его скрипка.

— Спасибо, что догадался принести! — тепло произнесъ Юрій, крѣпко пожимая руку своего перваго друга.

Флуга усадили. Навалили ему на тарелку пропасть закусокъ и всячески ласкали маленькаго юношу, умѣвшаго будить большія чувства своей великолѣпной игрой.

Снова заработали челюсти и снова досталось не мало заботы на долю Марѳы Посадницы, усердно подкладывавшей, на поминутно пустѣвшія тарелки молодежи всякую снѣдь.

Ѣли, не придерживаясь строгой системы. Такъ, послѣ сладкаго пирога принимались за колбасу, послѣ колбасы за апельсинъ, потомъ за сардины и такъ далѣе.

— Рѣчь! Рѣчь! Рѣчь сказать надо! Внезапно поднимаясь и наполняя до краевъ свою рюмку виномъ, кричалъ Гремушинъ.

— Комарикъ ты, братъ, начинай. У тебя голосъ, какъ у дьякона въ каѳедральномъ соборѣ.

— Вотъ лѣшій-то! Да я только по книжкѣ говорить умѣю! отмахивался Комаровскій.

— Ну, тогда ты, Самсонъ! Жарь, мамочка!

— У него вся сила ума въ руки ушла — чемпіоны на счетъ того... умныхъ словъ, туго!

— Дурачье! Изъ зависти вы это! — нисколько не обижаясь, басилъ Бабаевъ.

— Господа! вскакивая на стулъ, произнесъ Стась Гудзинскій и его хорошенькое женоподобное личико вдругъ сразу измѣнилось до неузнаваемости, покрывшись въ одну секунду набѣжавшею сѣтью старческихъ морщинъ, а молодой, звучный голосъ превратился въ какое-то нудное скрипѣнье. — Вы не должны забывать, господа, скрипѣлъ и визжалъ, какъ несмазанное колесо телѣги этотъ голосъ,—что находитесь еще, такъ сказать, только въ прихожей университета и до дѣйствительныхъ студентовъ, господа, вамъ еще далеко!

— Ахъ, молодчинища... Это онъ Луканьку копируетъ.

— Вотъ молодца! — одобрительно зазвучало кругомъ и громкій хохотъ покрылъ веселую выдумку „Маруси“.

— Еще! Еще жарь, Маруська! Мармаладку теперь или Шавку валяй! Шавку лучше,—неистовствовали Аріане, жарь во всю, братецъ ты мой. И „Маруська“ жарила, охваченная молодымъ, черезъ край бившимъ задоромъ.

За Луканькой слѣдовалъ Шавка... За Шавкой Гномъ, за Гномомъ Моторъ, словомъ весь гимназическій персоналъ, не исключая и сторожа Александра Македонскаго и истопника Игнатія, „пещернаго человѣка“, вѣчно шмыгающаго несовсѣмъ опрятнымъ носомъ. Всѣмъ попало на славу. Стась-Маруся отличился, какъ настоящій артистъ-комикъ. Аріане катались, помирая отъ хохота. Соврадзе, буквально, блеялъ бараномъ отъ восторга,

свалившись подъ столъ. Только одинъ человѣкъ не смѣялся... Противъ своего обыкновенія, тотъ самый весельчакъ-хохотунъ, который безъ смѣха и выдумокъ не могъ прожить минуты, этотъ самый жизнерадостный голубоглазый человѣчекъ сидѣлъ подъ общій смѣхъ и шумъ со странно сосредоточеннымъ, серьезнымъ и глубокомысленнымъ лицомъ. Глаза Миши Каменскаго, обычно искрящіеся молодымъ лукавымъ задоромъ, теперь внимательно и серьезно смотрѣли въ уголъ...

Въ углу стоялъ рабочій столъ Радина... На столѣ портретъ. На портретѣ была изображена женщина, кроткая, прекрасная, съ вымученнымъ лицомъ, нѣжнымъ, въ самую душу проникающимъ взглядомъ и съ бѣлыми какъ лунь волосами надъ чистымъ высокимъ челомъ. Миша смотрѣлъ на портретъ Нины Михайловны долго, настойчиво, упорно.

Богъ вѣдаетъ, какія странныя мысли витали въ это время въ головѣ этого полуюноши, полуребенка, воспріимчиваго и чуткаго, несмотря на свой бурно-веселый, шальной характеръ.

— Это твоя мать?—робкимъ, далеко не свойственнымъ ему голосомъ освѣдомился онъ у Юрія подъ общій смѣхъ и кутерьму, кивнувъ головою на портретъ.

— Да... это мама! съ замѣтной гордостью и любовью, внезапно вспыхнувшей въ его синихъ глазахъ, просто отвѣтилъ молодой хозяинъ.

— Господи Ты, Боже мой, славная какая! искренними горячими звуками сорвалось съ устъ Миши.

И вдругъ онъ весь преобразился... Глаза его заискрились... Щеки покраснѣли.

— Молчать! Всѣ молчать, я говорить хочу!

неистово закричалъ онъ на весь столъ, и зазвенѣлъ ножомъ о стекло стакана.. Все смолкло, какъ по волшебству... Всѣ глаза устремились на общаго любимца, каждый заранѣе предвкушалъ какую-нибудь остроумную выходку, доподлинно изучивъ несложный характеръ весельчака, Каменскаго. Но лицо послѣдняго, противъ обыкновенія, было теперь серьезно... Чуть поблѣднѣвшій, онъ словно выросъ передъ ними и его разомъ побѣлѣвшія губы, дрогнувъ, раскрылись:

— Господа! нервно прозвенѣлъ его голосъ— мы бѣсимся и веселимся какъ... свиньи... Мы въ своемъ эгоистичномъ телячьемъ восторгѣ совершенно забыли о томъ несчастливцѣ, которому не достичь того райскаго блаженства, которое называется университетомъ... И этотъ несчастливецъ— лучшій изъ насъ по уму, знаніямъ и благородству—Юрій Радинъ. Онъ великодушно пошелъ на подвигъ и принесъ жертву во имя своей матери... Онъ герой, скажете вы! Нѣтъ, господа, не Юрій герой, хотя его подвигъ, его жертва подобны геройству; герой, или героиня, вѣрнѣе, та женщина, та маленькая сѣдая женщина съ кроткимъ самоотверженнымъ взглядомъ, которая съумѣла воспитать такого сына. Да, не Юрій герой, господа, его мать героиня. Мать! Знаете ли вы, чучелы, что значитъ это слово, мать? Мать это все! Все для насъ сначала и до конца нашей жизни. Кто склоняется надъ вашею колыбелью, когда вы чуть дышете охваченные жаромъ кори или скарлатины въ дѣтствѣ? Она—мать! Кто заботливо бродитъ у вашей двери, когда вы маленькій ученикъ перваго, второго класса усердно въ первомъ часу ночи готовите урокъ страшному Шавкѣ? Она-же... Все она, мать ваша! Кто ликующій и

нѣжный, первый обвиваетъ вашу шею трепещущей отъ счастья рукой, когда вы по окончаніи гимназическаго курса являетесь домой съ дипломомъ подъ мышкой?.. Она, все она, постоянно она, этотъ земной ангелъ, приставленный къ вамъ Владыкою неба! Господа! у меня нѣтъ матери... Я лишился ее еще въ раннемъ дѣтствѣ... Я не знаю материнской ласки, но думаю, что это нѣчто возвышенное, самое возвышенное и прекрасное въ мірѣ, господа. Я смотрю съ восторгомъ и благоговѣніемъ на чужихъ матерей и каждый разъ у меня болѣзненно сжимается сердце отъ одной мысли: „зачѣмъ умерла моя“? Да, зачѣмъ она умерла? Зачѣмъ? Я бы не былъ, можетъ быть, такимъ дрянцомъ, такимъ весельникомъ, еслибы у меня была жива она, моя милая, родная! Вы видите, я плачу, господа... Михаилъ Каменскій реветъ какъ дѣвченка... Неслыханное дѣло!.. Неправда-ли? Но... но... я не стыжусь моихъ слезъ, господа... Пусть они текутъ спокойно... Это хорошія, чистыя слезы, какими врядъ-ли я заплачу въ моей жизни еще разъ. А теперь, господа, пока за здоровье матери Юрія и вкупѣ за всѣхъ матерей. Здѣсь, между нами, присутствуетъ также одна изъ нихъ. Женщина—мать, достойная уваженія... Женщина, давшая жизнь, воспитаніе своимъ дѣтямъ!.. Она является представительницею тѣхъ свѣтлыхъ существъ, которыя зовутся матерями, и въ лицѣ ея я привѣтствую всѣхъ ихъ, отъ всего сердца, отъ всей души, господа!

И прежде, чѣмъ кто-либо могъ ожидать этого, Миша стремительно поднялся съ своего мѣста и съ влажнымъ отъ слезъ лицомъ, съ искрящимися невыразимымъ чувствомъ глазами подошелъ къ

Марѳѣ Спиридоновнѣ и, почтительно склонившись передъ нею, горячо поцѣловалъ ея руку.

— Голубчикъ!—могла произнести только разстроганная, смущенная швейцариха и сама, повинуясь внезапному порыву, обвила рукою бѣлокурую, остриженную ежикомъ голову Каменскаго и нѣжно поцѣловала его.

— Голубчикъ! Бѣдняжка! Сиротинка ты мой!.. И теплыя слезы чужой матери внезапно закапали на милую стриженную голову Миши.

Гробовое молчаніе воцарилось за столомъ. Блѣдный и сосредоточенный сидѣлъ Юрій. Блѣдные, сосредоточенные и затихшіе сидѣли его гости, захваченные и потрясенные неожиданной рѣчью общаго любимца.

Внезапный порывъ экзальтированнаго юноши не пропалъ даромъ... Отзывчивыя, чуткія молодыя сердца откликнулись на него. У всѣхъ дрожали губы, у всѣхъ сердца били тревогу, а къ горлу подкатывалось что-то, щекочущее, неуловимое и сладкое-сладкое безъ конца. И вдругъ чей-то голосъ, рѣзко нарушивъ тишину, истерически крикнулъ:

— О, какой я глупый! Я, кажется, зареву сейчасъ. Это былъ голосъ маленькаго Флуга, болѣе нервнаго и впечатлительнаго, нежели его друзья.

— Ну и реви, дурачекъ!—размягченно и ласково отозвался Гремушинъ.

— Нѣтъ! врете! Я играть буду... Пусть вамъ моя скрипка лучше разскажетъ—внезапно, бурно оживляясь, зазвучалъ надорванною струною чахоточный голосъ Давида,—пусть моя скрипка разскажетъ, какъ понялъ я его!—ткнулъ онъ пальцемъ по направленію затихшаго Каменскаго,—какъ понялъ всѣхъ тѣхъ, святыхъ женщинъ, ко-

торыя мучаются, и страдаютъ, и гордятся, и торжествуютъ за своихъ дѣтей... Моя скрипка рыдать и смѣяться умѣетъ и пусть, пусть подтвердитъ она вамъ еще разъ все это! И съ лихорадочной поспѣшностью маленькій Давидъ выскочилъ изъ-за стола, трясущимися руками раскрылъ футляръ, извлекъ изъ него смычокъ и скрипку и, какъ безумный, ринулся въ сосѣднюю комнату. Наступила минута торжествующей полной и красивой тишины...

Что-то величественное было въ ея молчаніи. Что-то гордое и прекрасное по своей чистотѣ.

Но вотъ она прервалась...

Страстные, нѣжные, царственно-прекрасные, сказочно-таинственные и волшебные полились звуки... Что-то рыдающее, что-то гордое и величавое, какъ непризнанная молодая печаль заговорила въ нихъ... Юной, весенней и печально-прекрасной сказкой повѣяло отъ тихихъ серебряныхъ, рокочущихъ струнъ... Гордая, молодая печаль... невыраженная благородная мука... и любовь, святая, могучая, всеобъемлющая, глубокая какъ море, материнская любовь лилась и звучала въ торжественной и дивной симфоніи музыканта.

Рыдала и пѣла скрипка Флуга... И точно солнце сіяло надъ нею, точно цвѣты благоухали волшебные, яркіе, точно море плескало сиренево-синей волной,—такъ было хорошо!

И точно не Флугъ, а другой кто-то новый, прекрасный и таинственный стоялъ теперь на порогѣ, весь залитый кровавыми лучами заходящаго солнца и водилъ смычкомъ...

Точно маленькій черноокій геній сошелъ въ бѣдную маленькую комнату... Сошелъ геній поэзіи, музыки и звуковъ въ маленькую комнату гордый,

непобѣдимый и чудно-прекрасный... Черные глаза Флуга, расширенные до-нельзя, какъ два огромныя сверкающія полярныя солнца, горѣли жуткимъ, горячимъ огнемъ. На смертельно блѣдномъ, вдохновенно поднятомъ, значительномъ и тонкомъ лицѣ играли яркія чахоточныя пятна румянца.

И онъ былъ побѣдно прекрасенъ и гордъ, этотъ маленькій торжествующій геній,—не Флугъ, а другой кто-то, принявшій на время маленькую скромую оболочку Флуга. Вдругъ внезапно оборвались звуки... Очарованіе исчезло... Испарилось въ мигъ, какъ сладко-розовый дурманъ...

Зачарованные неземными звуками гимназисты словно очнулись... Флугъ стоялъ у стола и блѣдный съ блуждающими какъ смерть, но еще вдохновенными, полными экстаза глазами и говорилъ хриплымъ голосомъ:

— Ради Бога воды! Или я задохнусь!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Рѣшено было не спать эту ночь съ тѣмъ, чтобы завтра провожать Юрія всею ватагой.

Часы бѣжали быстро и незамѣтно... За игрою Флуга, потрясшею всѣхъ до глубины души, мечтательный, свѣтлоглазый Бандуровъ вдохновенно читалъ „свои собственные“ стихи, вызывая бурное одобреніе товарищей. Потомъ Бабаевъ, хвалясь своею поистинѣ грандіозною силищею, гнулъ на пари двугривенные къ общему восторгу Аріанъ.

Потомъ снова появился на сцену Стась-Маруся и мастерски копировалъ преподавателей, начальство, товарищей, всѣхъ. Ночь пролетѣла быстро, мгновенно.

Опомнились, когда кровавый дискъ солнца за-

лилъ пурпуровымъ заревомъ двѣ маленькія комнатки пятаго этажа.

— Поѣздъ въ 8 отходитъ—внезапно вспомнилъ Флугъ, еще не отошедшій отъ охватившаго его музыкальнаго экстаза.

— Ты уже уложился, Юрочкинъ?—спохватился Гремушинъ.—Дай мы поможемъ тебѣ.

Приволокли чемоданъ... повытаскали бѣлье изъ комода, стали укладываться. Разбудили прикурнувшую въ хозяйкиной комнатѣ Марѳу Посадницу, прося поставить самоваръ.

Пили чай, курили, болтали. Всѣ были бодры, возбужденны и веселы, несмотря на безсонную ночь. Въ семь часовъ отправились на вокзалъ, запрудивъ широкій тротуаръ еще безлюдной улицы.

— Господа, споемъ что-нибудь хоромъ!—предложилъ кто-то.

— Ну, вотъ, угодимъ въ полицію... что ты, видишь фараоны *) на углахъ стоятъ!

— Ну, вотъ... Они Самсона испугаются. Увидятъ его цилиндръ и подожмутъ хвосты.

— Дуралей! У чемпіоновъ и борцовъ всегда цилиндры!—басилъ лѣниво размягшій и осовѣвшій отъ безсонной ночи Бабаевъ.

— Господа! вотъ гимназія наша! Alma mater почтенная!—крикнулъ весело Стась, указывая на огромное зданіе на углу двухъ улицъ.

Передъ самымъ подъѣздомъ стоялъ городовой, единственная бодрствующая фигура въ этотъ ранній утренній часъ. Миша Каменскій быстро протискался къ нему и, придавъ своей стройной, еще мальчишеской фигуркѣ видъ усталый и не-

*) Городовые.

брежный, сдвинулъ фуражку на затылокъ и, дымя папироской, спросилъ небрежно, запустивъ руки въ карманы.

— Эй, любезный, что это за зданіе?

— Это-съ?—удивленно вскинувъ глазами на красиваго гимназиста, спросилъ городовой:—гимназія-съ это, сударь.

— Вотъ какъ! Мужская или женская гимназія, братецъ?

— Мужская! былъ отвѣтъ полицейскаго стража.

— И хорошая гимназія, братецъ ты мой?

— Гимназія первый сортъ—усмѣхнулся городовой.

— Вотъ тебѣ на чай, милѣйшій, неожиданно произнесъ Миша и, опустивъ блестящій новенькій рубль въ руку опѣшившаго блюстителя порядка, неожиданно заключилъ:

— Дрянная эта гимназія, братецъ! Вѣрь моей опытности, пробывшаго въ ней восемь лѣтъ аріанина! И отъ нея нехорошая память осталась! И вдругъ тоненькимъ голоскомъ, какимъ обыкновенно тянутъ псаломщики на клиросѣ, затянулъ внезапно, къ полной неожиданности опѣшившаго городового:

— Вѣчная память! Вѣ-ч-на-я па-а-мять! Вѣ-ч-на-я па-а мя-ть!

Остальные аріане съ хохотомъ подхватили мотивъ и черезъ минуту форточки сосѣднихъ домовъ растворились и въ открытыя окна высунулись заспанныя любопытныя физіономіи обывателей, пожелавшихъ узнать, кого это вздумали отпѣвать въ такую раннюю пору. Каково же было изумленіе жильцовъ N—ской улицы, когда они увидѣли веселую и смѣющуюся ватагу молодежи во главѣ

съ красивымъ голубоглазымъ мальчикомъ, съ самымъ невиннымъ видомъ раскланивавшимся направо и налѣво и посылавшимъ туда и сюда воздушные поцѣлуи. Городовой метался какъ угорѣлый, убѣдительно уговаривая не нарушать порядка расшалившуюся молодежь.

На вокзалъ пришли за полъ часа до отхода поѣзда.

— Господа, сборища запрещены! Нельзя собираться! — сурово нахмурившись, подлетѣлъ къ аріанамъ станціонный жандармъ.

— Какъ здоровье вашей матушки?—неожиданно съ самой утонченной вѣжливостью раскланялся передъ нимъ проказникъ Каменскій.

Жандармъ захлопалъ недоумѣвающими глазами.

— А супруга ваша? она, надѣюсь, поправилась, и чувствуетъ себя хорошо?—не унимался шалунъ.

Новое недоумѣніе. Новое растерянное хлопанье глазами.

— Мой искренній привѣтъ вашей супругѣ, дѣткамъ и матушкѣ съ батюшкой! — еще неожиданнѣе заключилъ Миша подъ оглушительный хохотъ Аріанъ.

На платформѣ немногіе въ этотъ ранній часъ пассажиры могли насладиться зрѣлищемъ, какъ сорокъ человѣкъ гимназистовъ подъ дружное пѣніе «славы» качали красиваго синеглазаго юношу съ тонкимъ, благороднымъ лицомъ.

Потомъ всѣ перецѣловали Юрія и чуть живого отъ усталости втиснули въ вагонъ.

Второй звонокъ... Съ грохотомъ опустилось стекло купэ второго класса и четыре десятка рукъ протянулись къ Радину... Къ окну вагона протиснулись милыя, возбужденныя родныя лица...

— Пиши, лѣшій! Во что бы то ни стало!

— Не забывай насъ въ странѣ галушекъ и борща!

— Писать не будешь... Гляди, поколотимъ, когда вернешься! Какъ разъ!

— Вотъ чэловэкъ! Во всемъ Тыфлысѣ не видалъ такого...

— Помни же насъ, чудовище ты этакое!

«Милые! Милые!» невольно болѣзненно-сладко выстукивало сердце Юрія и вдругъ онъ увидѣлъ маленькаго Флуга, одиноко притаившагося за спинами другихъ.

— Давидъ! Голубчикъ! Спасибо... За игру... Ты поистинѣ игралъ сегодня какъ богъ!—крикнулъ ему Радинъ, охваченный глубокимъ чувствомъ симпатіи и любви къ маленькому еврею.

Тотъ протиснулся впередъ и судорожно сжалъ его руку.

— Когда будешь писать твоей матери,—поклонись ей отъ меня!—съ какимъ-то благоговѣніемъ произнесли дрогнувшія губы музыканта.

— И отъ меня!

— И отъ меня тоже.

— Отъ всѣхъ насъ!—послышались молодые, взволнованные голоса. Юрій кивалъ, сіялъ влажными глазами и улыбался: «Спасибо! Спасибо!».

Третій звонокъ... Свистокъ. И поѣздъ медленно пополз вдоль дебаркадера.

— Прощай! Пиши! Помни! До свиданья!

Юрій выглянулъ изъ окна: вотъ они всѣ тутъ, его славные, вѣрные, незамѣнимые друзья: огромный Самсонъ, мрачный Комаровскій, обаятельный Миша, милый Кисточка и онъ—Флугъ, маленькій Флугъ, умѣющій заставлять рыдать и смѣяться его волшебныя струны.

Кричатъ что-то. Что—не разобрать за грохотомъ колесъ и громкимъ дыханьемъ локомотива. Онъ высунулся еще больше. Машетъ платкомъ, фуражкой. И вдругъ все исчезло: и вокзалъ, и платформа, и милыя дружескія лица. Потянулись деревья и домики, домики и деревья.

Солнце заглянуло въ вагонъ и улыбнулось Юрію. Ему показалось, что не солнце это, а милые глаза его матери, явившейся приласкать и напутствовать его...

И сладкая тоска разлилась по всему существу юноши...

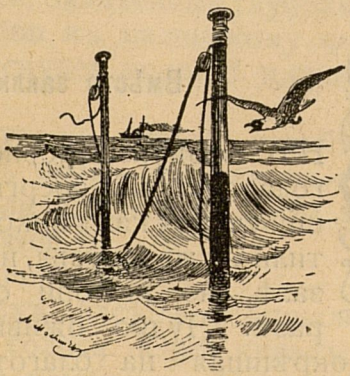
Вмѣсто заключенія.

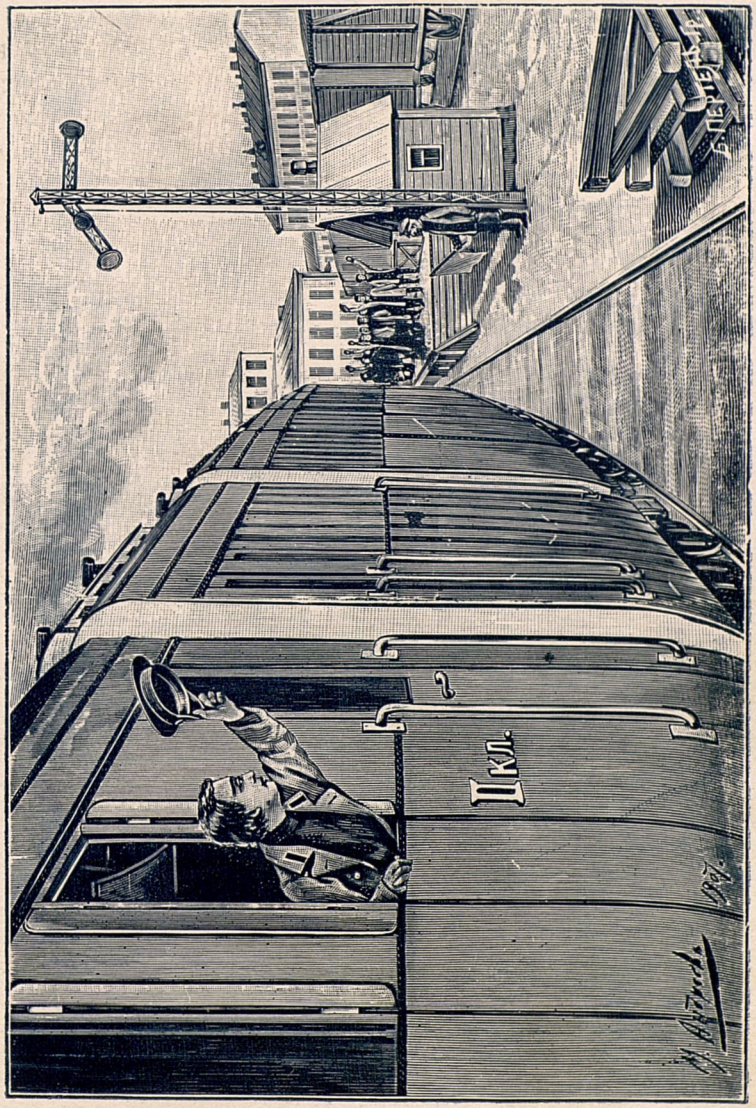
ОНЪ вернулся ровно черезъ три года, сильный, энергичный, жаждущій ученья какъ никогда. Его встрѣтили тѣ же друзья, на томъ-же вокзалѣ, но не они одни на этотъ разъ. Чудно ожившая, поздоровѣвшая и окрѣпшая на благотворномъ югѣ его мать встрѣтила вмѣстѣ съ ними своего дорогого Каштанчика, принесшаго ей такую святую, такую огромную жертву.

Въ первый же день своего пріѣзда Юрій бросился въ университетъ, записался на лекціи и тутъ-то и началась та учебная лихорадка, которая съ головой поглотила юношу. Нина Михайловна теперь сильная, бодрая и здоровая, энергично запротестовала, когда Юрій выразилъ желаніе давать уроки...

— Учись, учись!—говорила она,—теперь очередь за мною!

И она принялась за уроки, набравъ цѣлую массу учениковъ и ученицъ. Юрій не согласился съ матерью и въ промежутки между лекціями тоже бѣгалъ по урокамъ, внося свою лепту въ ихъ маленькое хозяйство. Въ двухъ крошечныхъ комнаткахъ пятаго этажа снова поселилась фея счастья и мать съ сыномъ послѣ долгихъ печальныхъ лѣтъ съ наслажденіемъ принимали ея волшебныя, чарующія ласки...

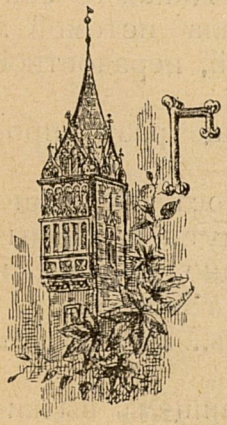




Юрій выглянулъ изъ окна... Машетъ фуражкой...

(Къ стр. 126).

СИРЕНА.



I.

Въ чужомъ краю.

УСТОЙ сѣрый и безформенный туманъ непроницаемой пеленой стлался по дорогѣ. Было холодно и сыро, какъ осенью, хотя лѣто только-что начиналось, холодное, сѣверное лѣто.

Маленькая двухколесная телѣжка, плачевно скрипя всѣми своими рессорами, мягко подпрыгивала по проселочной дорогѣ. Вдали глухо шумѣло море, неспокойное въ этотъ мглистый, туманный, сѣрый вечеръ.

— Далеко?—обратился ѣхавшій въ бричкѣ человѣкъ къ возницѣ.

Великанъ латышъ, весь съежившійся и ушедшій съ головою въ высокій стоячій воротникъ своего бѣлаго вадмала, *) казавшійся какимъ-то фантастическимъ существомъ въ сѣромъ облакѣ тумана, повернулъ къ нему свое безстрастное бритое лицо и произнесъ невнятно:

*) Кафтанъ.

— Не понимай по рюсска! Но, но!—прикрикнулъ онъ тутъ-же на свою малорослую лошадку, и безъ того бѣжавшую стремительно-быстрой рысцой. Еще стемнѣло. Туманъ сгустился больше, и его прихотливыя волнообразныя очертанія приняли чудовищные размѣры, Промозглый, сырой, далеко не лѣтній вечеръ, казалось, плакалъ безъ слезъ. Колючая струйка сырости проникла подъ сѣрый кожанъ путешественника, заставивъ его задрожать мелкой, зябкой дрожью. Какая-то сонливость отягощала вѣки, сковывала истомой и рѣяла надъ нимъ въ видѣ сонной, нерадостной грезы.

— Гдѣ мы?—попытался онъ еще разъ спросить возницу.

Тотъ понялъ на этотъ разъ вопросъ. Медленно повернулся на козлахъ, поднялъ кнутъ и, указывая имъ на три стороны поочередно, произнесъ тѣмъ же деревянно-безстрастнымъ тономъ:

— То Зегевольдъ... То Трейденъ... Редевольдъ дальсе...

Что-то темное огромнымъ чудовищемъ выдвинулось изъ безформенной массы тумана. Лѣсъ! - мелькнула догадка въ усталой головѣ ѣхавшаго, и подъ шумъ моря онъ забылся.

Легкіе, какъ незримые мотыльки, сонныя грезы закружились надъ головою задремавшаго путешественника... Встали далекія, милыя картины недавняго, свѣтлаго прошлаго.

Его звали Сергѣемъ Александровичемъ Скоринскимъ. Онъ былъ студентомъ второго курса и, пользуясь лѣтними вакаціями, ѣхалъ на урокъ.

На первый свой урокъ!

Скоринскіе были небогаты. Отецъ—мелкій чиновникъ, мать—учительница музыки, сестра

Наташа—гимназистка шестого класса и онъ, Сережа—студентъ.

Ему страстно хотѣлось быть полезнымъ семьѣ, и онъ безконечно обрадовался, когда ректоръ университета рекомендовалъ его на урокъ въ Лифляндскій край, къ какому-то оригиналу—барону, жившему еще по образцу прежнихъ феодаловъ въ старинномъ замкѣ на морскомъ берегу.

Пятьдесятъ рублей ежемѣсячно—порядочная сумма для бѣдняка студента, и немудрено поэтому, что Сережа Скоринскій горячо поблагодарилъ ректора и съ восторгомъ принялъ его рекомендацію.

Онъ сѣлъ вчера вечеромъ въ вагонъ, крѣпко расцѣловавшись съ провожавшими его родителями и съ сестрою, а съ полдня уже трусилъ на этой бричкѣ, управляемой исполиномъ-латышомъ, въ глубь края.

Его сонныя грезы рисовали ему милые образы близкихъ,—доброе лицо отца, кроткія черты матери и лукавые глазенки шалуньи-сестры.

Вдругъ неожиданный толчокъ.

Телѣжка стала.

— Редевольдъ!—произнесъ тотъ же безстрастный голосъ надъ его ухомъ.

И Сережа окончательно проснулся.

. . . . . .

. . . . . .

Что это?—Передъ нимъ тѣснится что-то сѣрое, безформенное, утонувшее въ морѣ тумана... Точно огромное чудовище, выгнувшее спину, а кругомъ лѣсъ, странный, черный и таинственный, глухо разсказывающій о чемъ-то...

— Редевольдъ!—еще разъ произнесъ латышъ.

— Подъемный мостъ!—догадался Сережа, и ему показалось страннымъ встрѣтить теперь, въ

наше время, этотъ остатокъ грозной феодальной старины...

— Но куда же итти однако?

— Куда итти?—обратился онъ къ возницѣ.

— Не понимай по-рюсска!—отвѣчалъ ему съ неподражаемымъ равнодушіемъ тотъ же безстрастный голосъ.

Ахъ, шутъ тебя возьми,—скорѣе растерялся, нежели разсердился юноша.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—Ахъ да, заплатить надо прежде всего этому чучелу!—сообразилъ онъ, и, доставъ портмонэ изъ кармана, разсчитался съ возницей. Тотъ пробормоталъ что-то, чего Сережа не понялъ, и, медленно взгромоздясь въ свою таратайку, задергалъ вожжами. Бойкая лошаденка взяла съ мѣста рысцой, и снова запѣли, запищали и заскрипѣли рессоры удаляющейся брички...

Латышъ уѣхалъ, оставивъ Сережу одного.

— Ну и нравы!—съ комическимъ отчаяніемъ развелъ руками молодой Скоринскій и двинулся впередъ прямо по горбатому мосту, изогнувшему надъ рвомъ свою огромную, круглую спину ..

Шагъ... другой... третій... пять и десять и двадцать шаговъ, и неожиданно его вытянутыя въ мглистый сѣрый сумракъ тумана руки уперлись во что-то влажное, твердое, какъ скала.

— Ага, ворота!—сообразилъ юноша: будемъ стучать!

И въ тотъ же мигъ его здоровыя кулаки заработали о тесовыя доски. Оглушительный лай непріятными, пронзительными звуками врѣзался ему въ уши... Цѣлая свора собакъ бросилась, казалось, къ внутренней сторонѣ воротъ...

Къ собачьему лаю скоро присоединились и

другіе звуки... Кто-то, гремя ключами, шелъ по двору.

— Кто тамъ есть?—послышался глухой голосъ, произнесшій эти слова понѣмецки.

— Я... впустите пожалуйста... Сергѣй Скоринскій изъ Петербурга—взмолился юноша, отлично, чуть-ли не съ трехлѣтняго возраста владѣвшій иностранными языками.

— Учитель молодыхъ господъ?—не говорилъ, а скорѣе стоналъ голосъ—такъ онъ былъ глухъ и безжизненъ за стѣной...

— Да... да, учитель... Только впустите поскорѣе...

Снова загремѣли ключи... Узкая полоска свѣта тонкимъ жаломъ просунулась сквозь щель воротъ и дерзко прорѣзала сѣрую, мглистую туманную пелену... Ворота распахнулись, и въ тотъ же мигъ высокій человѣкъ съ фонаремъ въ рукахъ очутился лицомъ къ лицу съ Сережей. Собаки съ оглушительнымъ воемъ кинулись на вновь прибывшаго. Но высокій человѣкъ свирѣпо замахнулся на нихъ связкой ключей и гаркнулъ своимъ глухимъ и въ то же время мощнымъ голосомъ изо всей силы:

— Трильба... Турбой... Нордъ... Тубо; тубо, вамъ говорятъ, безмозглые псы!., Собаки мигомъ поджали хвосты и стушевались... Онѣ безмолвно обнюхивали пришельца и поглядывали на него съ вполнѣ явнымъ недоброжелательствомъ.

Сережа быстрымъ окомъ взглянулъ на ихъ укротителя, Сѣрое, безцвѣтное, сумрачное лицо. Угрюмые глаза и что-то безстрастное, холодное въ складкахъ около губъ и носа.

— Кремень человѣкъ! Этотъ не разсчувствуется!—вывелъ свое заключеніе юноша о новомъ знакомцѣ.

А Кремень-человѣкъ, между тѣмъ, заперъ ворота, отогналъ собакъ и, сдѣлавъ знакъ Скоринскому слѣдовать за собою, неторопливо зашагалъ по двору.

Сережа съ любопытствомъ старался разсмотрѣть странную, совершенно новую для него обстановку, но туманъ мѣшалъ ему сдѣлать это. Было видно только, что дворъ былъ окруженъ высокой стѣной. Кое-гдѣ она развалилась отъ времени и новенькій тесовый заборъ замѣнилъ мѣстами старые камни и плиты... Эта стѣна, этотъ дворъ, этотъ подъемный мостъ,—все напоминало ему какую то чуть тронутую вліяніемъ вѣковъ старую крѣпость. Посреди огромнаго двора стояло мрачное сѣрое зданіе, глянувшее на Сережу темными, слѣпыми глазами своихъ неосвѣщенныхъ оконъ. Это и былъ замокъ Редевольдъ, подъ кровомъ котораго ему суждено было провести цѣлое лѣто.

Сердце Скоринскаго сжалось .. Неуютность и мрачность новаго жилья непріятнымъ холодкомъ повѣяли ему въ душу.

Его молчаливый, не менѣе мрачный, нежели самый замокъ, спутникъ привелъ его на огромное каменное крыльцо... Два каменные льва съ копьями въ пасти, съ хвостами, обвитыми змѣями, стояли у входа, какъ-бы преграждая собою путь каждому, рѣшавшемуся съ недобрымъ замысломъ проникнуть сюда.

— Гербъ бароновъ Редевольдъ! — съ нескрываемой гордостью произнесъ спутникъ Сережи, указывая на каменныхъ львовъ связкою ключей.

— Вы латышъ?—живо спросилъ юноша, обрадованный внезапнымъ нарушеніемъ молчанія его мрачнымъ путникомъ.

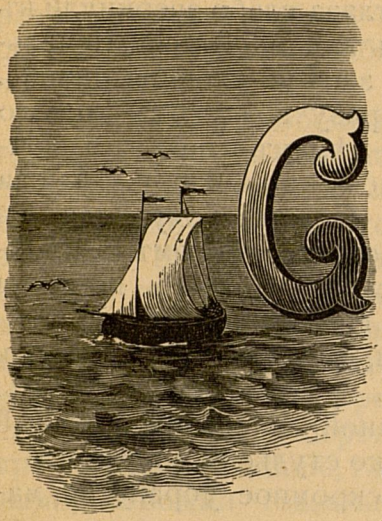
— Я нѣмецъ!—отвѣчалъ тотъ тономъ оскорбленной гордости, и его глаза слабо сверкнули въ надвигающихся сумеркахъ туманной ночи. Печально на ржавыхъ петляхъ запѣла входная дверь... и на Сережу повѣяло сразу воздухомъ живого жилья... Они шли теперь—нѣмецъ и онъ—по длинному, казалось, безконечному корридору... Снова запѣли ржавыя петли, и Сережа очутился въ крошечной комнатѣ съ высокимъ сводомъ и скромнымъ убранствомъ. Единственное окно комнаты выходило въ садъ, но въ его темныя стекла безпокойно бились вѣтви ели, выросшей подъ самымъ окномъ... Узкая кровать, умывальный столикъ, письменный столъ съ рваной клеенкой, старый круглый комодъ, нѣсколько стульевъ и креселъ—вотъ и все, болѣе чѣмъ скромное убранство маленькой комнаты.

— Вотъ ваше помѣщеніе!—произнесъ глухой голосъ нѣмца,—можете ложиться... Въ 8 ровно встаютъ молодые господа... Вы должны быть готовы къ этому времени... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! поспѣшилъ отвѣтить Сережа, довольный уже тѣмъ, что сейчасъ останется наединѣ самъ съ собою...

Нѣмецъ ушелъ, суровый, угрюмый, молчаливый и таинственный, какъ привидѣніе.

А юноша быстро раздѣлся, съ наслажденіемъ прыгнулъ въ постель, вытянулъ въ ней уставшія отъ долгой тряски ноги и въ тотъ же мигъ уснулъ, какъ убитый...



II.

Первое знакомство.

ЕРЕЖА спалъ... Во снѣ ему казалось, что гдѣ-то близко плещетъ море сѣдовато-синей волной... или ручеекъ журчитъ, быстрый, смѣющійся, неугомонный.

Если-бы онъ могъ открыть глаза въ эту минуту, онъ бы понялъ, что это не ручеекъ и море. Но онъ спалъ. Спалъ и не слышалъ. Ничего не слышалъ, какъ мертвый.

Между тѣмъ въ его комнатѣ происходило нѣчто. Во первыхъ, сѣраго, мглистаго и безконечнаго тумана точно и не было ночью.

Солнце сіяло во всю, лучистое, радостное и прекрасное іюньское солнце. Оно заливало расплавленнымъ золотомъ своего огнистаго сіянія всю комнату разомъ и двѣ небольшія фигурки въ длинныхъ, какъ у египетскихъ жрецовъ, ночныхъ рубашкахъ, вертѣвшихся у его постели.

Это были два мальчика, — старшій лѣтъ двѣнадцати, красивый надменный, съ гордымъ взглядомъ сѣрыхъ, круглыхъ, какъ у молодого ястреба глазъ, съ тонкимъ носомъ и раздувающимися ноздрями. Черныя густыя брови сходились у него на переносицѣ и придавали что-то строго-суровое

его не-дѣтски выразительному лицу. И все-же онъ былъ хорошъ собой.

Его братъ—десятилѣтній ребенокъ, съ огромною бѣлокурою головою, слабый и хрупкій, казался бы настоящимъ дурнушкой съ его толстыми губами и вздернутымъ носомъ, если-бы не каріе, мягкіе, влажные глаза, добрые и прекрасные; они скрашивали это худенькое, бѣлобрысое и болѣзненно-унылое личико. Оба мальчика, чуть слышно ступая босыми ногами, приблизились къ постели спавшаго Скоринскаго и осторожно склонились надъ нимъ.

— О, Эддикъ, смотри, какъ онъ хорошъ! Какое благородное, открытое лицо у него!—произнесъ съ восторгомъ темноглазый мальчикъ.

— Вздоръ ты мелешь, Павелъ, — рѣзко оборвалъ его братъ, и его сѣрые, стальные глаза съ нескрываемой враждебностью остановились на сонномъ и дѣйствительно красивомъ лицѣ Сережи: въ немъ столько мѣщанства. Сейчасъ видно, что передъ его фамиліей не стоитъ частичка «фонъ», необходимая для каждаго порядочнаго человѣка. Вѣдь онъ—прислуга!.. Пойми, глупышъ, такой-же слуга, какъ Іоганнъ, Анна и Францъ.

— А между тѣмъ я самъ слышалъ, какъ папа велѣлъ ему накрывать съ нами, а не въ людской столовой,—осторожно возразилъ бѣлокурый мальчикъ.

— Это оттого, что онъ ученый. У него медаль. Но руки ему ни я, ни папа подавать не будемъ... Вотъ увидишь!—безапелляціонно рѣшилъ Эддикъ, и его сѣрые, стальные глаза зажглись недобрымъ огонькомъ.

— Какъ жаль!.. Онъ такой красивый!—мечтательно произнесъ Павелъ, разглядывая сонное

лицо Сережи своими прекрасными карими глазами.

— Бѣднякъ онъ!—презрительно произнесъ его братъ, оттопыривая нижнюю губу,—бѣднякъ, нищій.

— А развѣ дурно быть бѣднякомъ?—робко освѣдомился младшій братъ у старшаго. Старшій, Эдуардъ, презрительно сощурился.

— Ты глупъ, если не понимаешь этого. Бѣдность и нищета не даютъ поклоненія и подобострастія окружающихъ,—произнесъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— А мнѣ кажется...—робко заикнулся Павелъ. Какъ-разъ въ эту минуту Сережа пошевелился. Мальчики въ три прыжка очутились у двери. Но было уже поздно. Блестящіе синіе глаза учителя широко раскрылись.

— Кто вы, маленькіе духи?—произнесъ онъ, безвучно смѣясь.

— Баронъ Эдуардъ Вальтеръ-фонъ-дер-Редевольдъ!—съ надменной гордостью въ сверкающемъ взорѣ произнесъ чернобровый Эдуардъ и сталъ въ вызывающую позу, глубоко запустивъ руки въ карманы своихъ еще по-дѣтски коротенькихъ брюкъ.

— Павелъ Редевольдъ! — просто и ласково произнесъ младшій баронъ, протягивая Скоринскому свою худенькую ручонку. Сережа взглянулъ на смѣшную надменную фигурку старшаго барона и невольно расхохотался. Такъ онъ былъ забавенъ въ своей надменной кичливости!

— Вы мнѣ напоминаете маленькаго пѣтушка, который неудачно пробуетъ на заборѣ свой молодой голосъ!—произнесъ онъ, внимательнымъ, зоркимъ взглядомъ окидывая стройную, широкоплечую, но все же комичную фигуру Эдуарда.

— А... вы... вы... вы напоминаете... ощипанную ворону, попавшую въ гнѣздо орла!—дерзко отвѣчалъ Эдуардъ, вполнѣ довольный своею находчивостью.

Но Скоринскій, казалось, не раздѣлилъ его мнѣнія.

— Не совсѣмъ остроумно, какъ-будто!—засмѣялся онъ и насмѣшливымъ взоромъ окинулъ Эдуарда: но кто-же это орелъ, позвольте васъ спросить? Вы или вашъ папа?

Чернобровый барончикъ закусилъ губы. Лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— Пойдемъ!—произнесъ онъ рѣшительно по адресу брата: намъ здѣсь совсѣмъ не мѣсто!

И первый, передернувъ плечами, вышелъ изъ комнаты. Маленькій, бѣлокурый Павелъ метнулся было за нимъ. Что-то робкое, трусливое, порабощенное промелькнуло въ бѣлобрысомъ, худенькомъ личикѣ мальчика...

И вдругъ онъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесъ самъ себѣ младшій Редевольдъ,—ни за что!—И въ два прыжка снова очутился у постели.

— Вы простите...—залепеталъ онъ, путаясь и краснѣя, какъ виноватый—вы простите ради Бога, monsieur Serge. Вѣдь васъ такъ надо назвать, кажется?.. Но... но... братъ Эдуардъ бываетъ немножечко слишкомъ странный подъ часъ... А я... я... вы мнѣ такъ нравитесь, monsieur Serge! И я надѣюсь, вы не лишите меня вашей дружбы!

И совсѣмъ растерянный, смущенный, маленькій Павелъ Редевольдъ робко протянулъ обѣ руки Сергѣю. Тотъ горячо пожалъ эти худенькія лапки, похожія на лапки цыпленка.

— О, monsieur Serge,—произнесъ горячо маль-

чикъ,—какъ я буду любить васъ! Вы такой умный, смѣлый и красивый.

— Павелъ! Павелъ! Да скоро-ли ты явишься, бездѣльникъ!—звонко пронесся, будя утреннюю тишину, повелительный окрикъ Эдуарда.

— Вы слышите? Онъ зоветъ меня! пугливо озираясь, прошепталъ мальчикъ и стремительно отбѣжалъ отъ постели...

— Развѣ ты его такъ боишься? — удивился Сережа.

— О-о! Онъ такой большой и сильный и такъ больно деретъся! — произнесъ ребенокъ, и каріе глаза его наполнились страхомъ.

— А развѣ ты не можешь пожаловаться отцу?

— О, вы не знаете Эдуарда! Онъ прибьетъ меня тогда еще сильнѣе. — И, пугливо кивнувъ своей не по туловищу большой головой, Павелъ въ припрыжку, шлепая босыми ногами, кинулся за двери и въ одинъ мигъ скрылся за нею.

Сергѣй быстро вскочилъ съ постели и сталъ одѣваться.

Іюньское солнце играло. Плавясь цѣлымъ моремъ червоннаго золота, оно дробилось сотнями золотыхъ искръ, веселое, радостное и жгуче-ласковое повсюду.

Сережа открылъ окно... Сочный, смолистый запахъ благовонною волною ворвался въ комнату. Весь дворъ Редевольда точно купался въ золотомъ морѣ. Въ саду было прохладно, зелено и хорошо... Смолистыя ели шептали что-то таинственное и веселое, помахивая вѣеромъ своихъ иглистыхъ вѣтвей. Березы стояли дальше, бѣлоствольныя, робкія и стройныя, какъ молодыя дѣвушки въ воскресныхъ платьяхъ.

Среди сада, на ровной, утоптанной площадкѣ,

виднѣлась маленькая часовня, красиво выложенная изъ бѣлаго мрамора. Жимолость и дикій плющъ сплелись вокругъ нея и таинственной сѣтью пышно зеленыхъ, бархатныхъ листьевъ оцѣпили кружевнымъ покровомъ бѣлый мраморъ... А тамъ дальше бѣлѣли стѣны, сѣрыя, угрюмыя, съ пробитой брешью позади сада, какъ разъ за мраморной часовней въ самой чащѣ еловыхъ аллей...

Черезъ брешь и повыше стѣнъ уходила въ высь башня... Къ ней лѣпилось, точно ища ея покровительства, огромное, полуразрушенное зданіе съ темными, поросшими мхомъ стѣнами, давно поддавшееся разрушенію своихъ каменныхъ громадъ.

Это были развалины стараго замка, забытыя, покинутыя, но странно красивыя въ этомъ волшебномъ сіяніи праздничнаго солнца.

За ними громоздилась скала надъ крутымъ обрывомъ, образовавшимся надъ моремъ.

Сказочно-прекрасное, серебристо-зеленоватое и говорливое, говорливое безъ границъ, оно тихо плескалось объ эту единственную скалу студеной волной.

— Красиво,—вырвалось изъ груди Сережи,—чудо, какъ красиво; забытый людьми таинственный и дивный уголокъ земного шара! Вотъ бы своихъ сюда! отца, маму, Наташу,—задумываясь, мечтательно заключилъ Сережа.

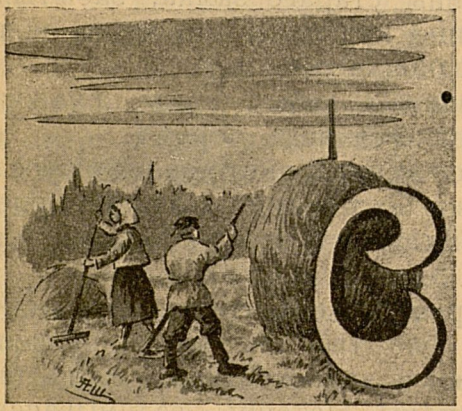
Неожиданно раздавшійся позади него кашель заставилъ его быстро обернуться.

На порогѣ комнаты стоялъ его ночной спутникъ, такой-же угрюмый и суровый, какъ и окружающія его таинственныя развалины замка... Дневное свѣтило, казалось, не измѣнило его лица, не

придало ему ни оживленія, ни свѣта... Оно было такъ-же темно и непроницаемо, какъ и ночью.

— Молодые господа готовы и ждутъ васъ уже въ классной, господинъ учитель! Я отнесъ туда же и вашъ утренній кофе!—прозвучалъ его глухой, не поддающійся ни малѣйшей вибраціи, голосъ.

— Сейчасъ иду!—весело отозвался Сережа и сталъ съ наслажденіемъ плескаться въ студеной струѣ, со звономъ забившей изъ нехитро-устроеннаго домашняго рукомойника. Потомъ, расчесавъ свою пышную шевелюру, онъ поспѣшилъ за старикомъ.



ГЛАВА III.

Юный педагогъ.

НОВА потянулись безконечно-длинные, темные корридоры... Одинъ .. другой... третій... Со сводчатыми потолками, съ глубокими нишами по бокамъ. И не было, казалось, имъ конца и счета, этимъ корридорамъ.

Наконецъ солнце шаловливо выглянуло откуда-то сбоку, и черезъ высокую дверь Сережа и его спутникъ вошли въ свѣтлую комнату, обильно залитую свѣтомъ.

Огромныя окна, выходящія въ садъ, были рас-

крыты настежъ, и цѣлое море зелени и аромата врывалось въ комнату.

Послѣдняя оказалась классной. Посреди стоялъ большой столъ... За столомъ сидѣли два мальчика, уже знакомые Сережѣ, благодаря ихъ утреннему посѣщенію...

Безпокойно и дико озирающійся по сторонамъ Эдуардъ, точно маленькій львенокъ, запертый въ клѣтку, и блѣдный рахитичный Павелъ съ его покорными, какъ у овечки, добрыми и ласковыми глазами. Сережа радушно кивнулъ головою обоимъ. Павликъ весь залился слабымъ румянцемъ и вскочилъ со своего мѣста. Эдуардъ вспыхнулъ, топнулъ ногою и, дернувъ брата за полу куртки, произнесъ почти громко на всю классную: „Не смѣй лебезить передъ учителемъ, глупый мальчишка“.

Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ насвистывать какую-то нѣмецкую пѣсенку.

Сережа сразу понялъ, что ему предстоитъ борьба не малая съ гордымъ и избалованнымъ маленькимъ человѣчкомъ. Онъ сдержался, однако, отъ рѣзкаго слова, готоваго было сорваться съ его устъ, и произнесъ, насколько можно, спокойнѣе.

— Когда я вхожу въ классъ, вы должны встать и поклониться.

Эдуардъ фыркнулъ и не шевельнулся.

— Эдуардъ Редевольдъ, встаньте! — прозвучалъ властными нотками голосъ Сережи.

— Мнѣ отлично и такъ! — отозвался насмѣшливо мальчикъ.

— Встаньте, Эдуардъ.

Тотъ хотѣлъ не обратить вниманія на это приказаніе, но случайно встрѣтясь съ глазами Сережи, вздрогнулъ. Большіе, темные глаза смотрѣли на

него въ упоръ, не отрываясь. Проворчавъ что-то о насиліи, Эдуардъ Редевольдъ поднялся и неуклюже мотнулъ головой.

Сережа сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его недовольства.

— А теперь,—весело проговорилъ онъ, обращаясь къ обоимъ мальчикамъ, какъ ни въ чемъ не бывало,—вашъ отецъ писалъ нашему директору гимназіи, что желалъ бы видѣть одного изъ васъ естественникомъ, а другого юристомъ. Значитъ, больше всего времени я буду удѣлять естественнымъ наукамъ и исторіи Рима, Греціи и латинскому языку. Съ вашимъ прежнимъ учителемъ вы много прошли?

— О, онъ безподобно разсказывалъ о бѣлыхъ слонахъ. Такъ никто не сумѣетъ разсказать больше, — ввернулъ не безъ ехидства свое слово Эдуардъ.

— Ну, а я разскажу вамъ, не какъ урокъ, разумѣется,— сегодняшній день мы урокъ пропустимъ, разскажу вамъ про крокодиловъ.

— Я не хочу про крокодиловъ! — капризно произнесъ Эдуардъ: я ихъ терпѣть не могу, крокодиловъ.

— Ну, и не слушай! Я буду разсказывать одному Павлику,—разсмѣялся Сережа и тутъ же началъ свое повѣствованіе. Онъ говорилъ о томъ, какъ въ прежнія далекія времена приносились человѣческія жертвы крокодиламъ, которые считались священными у египтянъ. Онъ говорилъ о молодомъ мальчикѣ, обреченномъ въ жертву, о горѣ матери, которая не смѣла даже плакать о несчастномъ сынѣ, боясь гнѣва страшнаго божества, и о сѣдыхъ, длиннобородыхъ жрецахъ, которые распоряжались жизнью своего народа.

— Когда я вхожу въ классъ, вы должны встать и поклониться.

(Къ стр. 143).

Сережа говорилъ увлекательно, красиво.

Съ пылающими щеками слушалъ его Павликъ Редевольдъ. Эдуардъ, стоя лицомъ къ окну, внимательнымъ взоромъ слѣдилъ за движеніями мухи, бившейся о стекло и, казалось, не обращалъ вниманія на разсказъ учителя.

Но вотъ Сережа дошелъ до того мѣста, какъ юношу-невольника вывели на берегъ, около котораго находилось отвратительное чудовище, чуть прикрытое водой.

— Рамзесъ стоялъ, — красиво вибрирующимъ голосомъ разсказывалъ Сережа,—на берегу Нила, гдѣ собралась огромная толпа народа. У воды жрецы произносили свои заклинанія. Алчная пасть чудовища была широко раскрыта въ ожиданіи добычи. Несчастный юноша въ длинной, бѣлой одеждѣ съ ужасомъ ждалъ конца.

Муха, казалось, перестала занимать Эдуарда. Онъ живо обернулся съ пылающимъ лицомъ.

— О, вскричалъ онъ, нервно стуча кулакомъ,— неужели вашъ Рамзесъ позволитъ бросить себя въ пасть чудовища!

И самымъ живѣйшимъ интересомъ зажглись его сѣрые глаза.

— Нѣтъ, — спокойно возразилъ Сережа. — У Рамзеса былъ ножъ съ собою, спрятанный подъ рубашкой. Въ ту минуту, когда жрецы приступили къ нему, чтобы взять его, онъ выхватилъ ножъ и, размахивая имъ, ринулся въ толпу. Толпа раздалась, въ ужасѣ ожидая возмездія со стороны разгнѣваннаго божества. Но Рамзесъ благополучно достигъ рощи и исчезъ за нею.

— Браво! Браво! Экій молодчинище!—не сдерживаясь болѣе, кричалъ старшій Редевольдъ со сверкающими глазами. И вдругъ, спохватившись,

сурово нахлобучилъ свои черныя брови и спросилъ:

— Откуда вы слышали такую чудесную повѣсть?

— Я ее нигдѣ не слышалъ. Я ее самъ сочинилъ, мальчуганъ,—отвѣчалъ Сережа.

— Сами сочинили? Сами?

Глаза Эдуарда расширились.

— Самъ!—улыбнулся Сережа.

— И вы много умѣете разсказывать «такого?».

И взоръ старшаго Редевольда такъ и впился въ учителя.

— Много. Но не думай, что каждый урокъ будетъ такъ же интересенъ, какъ этотъ. Мнѣ хотѣлось только доказать тебѣ, что изученіе крокодила, благодаря его прошлому исторически-религіозному значенію, не лишено интереса.

— А вы и про бѣлыхъ слоновъ знаете, пожалуй?

— Пожалуй, знаю и про бѣлыхъ слоновъ.

— Ахъ!

Сѣрые глаза Эдуарда сверкнули. Лицо его преобразилось мигомъ.

Онъ протянулъ руку Сережѣ со словами:

— Я ошибся немного... И теперь ничего не имѣю противъ того, чтобы быть вашимъ другомъ.

Сережа пристально взглянулъ на мальчика и, не подавая ему своей руки, погладилъ только кудрявую, черную головенку и произнесъ спокойно и вѣско:

— Не такъ-то легко сдѣлаться моимъ другомъ, Эдуардъ. Такъ, кажется, зовутъ тебя, мальчуганъ? Надо умѣть заслужить прежде всего мою дружбу,—понялъ?

Мальчикъ вспыхнулъ отъ обиды, хотѣлъ было сбросить со своей головы ласкавшую его руку и раздумалъ.

Ему привѣтливо улыбалось такое благородное, такое смѣлое, юношеское лицо, что не почувствовать добраго влеченія къ Скоринскому онъ не могъ.

Онъ буркнулъ что-то въ отвѣтъ и снова отошелъ въ уголъ.

— Браво, браво, молодой человѣкъ! Вы отлично, какъ я погляжу, справляетесь съ моими головорѣзами,—послышался незнакомый голосъ съ порога.

Сережа и мальчики живо обернулись.

Предъ ними былъ самъ владѣлецъ замка—баронъ Редевольдъ.

Это былъ высокій, еще не старый человѣкъ, но съ замѣтно сѣдѣющей шевелюрой. У него было серьезное, доброе лицо и горделивая осанка.

Онъ быстрыми шагами подошелъ къ юношѣ и, пожимая ему руку, произнесъ по-русски съ чуть замѣтнымъ акцентомъ:

— Славно справляетесь съ моими ребятами. Въ сущности, не дурные у меня сыновья. Старшій избалованъ немножко. Что подѣлаешь? Покойная жена его слишкомъ любила. На всемъ здѣсь лежитъ ея печать, хотя болѣе трехъ лѣтъ, какъ баронесса Лина покоится въ могилѣ. Этотъ замокъ, этотъ горбатый мостъ, ровъ и развалины,—все это оставлено по ея просьбѣ неприкосновеннымъ, какъ памятникъ прежнихъ лѣтъ. Баронесса Лина любила рыцарскія времена и охотно читала романы изъ той эпохи. Редевольдъ былъ близокъ ея душѣ... Вотъ почему, пріѣхавъ сюда, вы почувствовали себя героемъ феодальнаго времени. Не правда ли?

Сережѣ нравился этотъ высокій, худой, благородный человѣкъ, съ рыцарской вѣжливостью говорившій съ нимъ.

Пугавшая его было заглазно семья нѣмецкаго барона теперь казалась ему крайне симпатичной и гостепріимной.

Правда, старшій изъ мальчиковъ своимъ властнымъ характеромъ внушалъ кое-какія опасенія, но въ глубинѣ души юноша не терялъ надежды подчинить себѣ маленькаго Эдуарда и расположить его въ свою сторону.

Ударъ гонга въ саду возвѣстилъ о завтракѣ, и всѣ четверо направились въ столовую замка.

ГЛАВА IV.

Редевольская колдунья.

ЗАХОДЯЩЕЕ солнце лѣниво купало въ морѣ свои пурпуро-красные, умирающіе лучи... И море, подъ вліяніемъ солнца, стало пурпуро-краснымъ въ этотъ вечерній тихорадостный часъ... Кроткою, робкою лаской повѣяло отъ моря... Желтые лютики и бѣло-палевая кашка, ободренная вечерней прохладой, закивала-заулыбалась съ утеса навстрѣч прощальнымъ пурпуровымъ лучамъ...

Сережа Скоринскій сидѣлъ на скалѣ и смотрѣл въ море... Его багровыя волны дробились о скалу съ ласковымъ лепетомъ и радостнымъ шумомъ... Позади него возвышались грозно-таинственныя руины стараго замка, и стѣна, отдѣляющая новый замокъ отъ печальныхъ развалинъ... Налѣво берегъ, песчаный и пустынный, низменный берегъ, обсаженный вербою, съ бѣдной рыбацкой деревенькой въ двухъ верстахъ отсюда, гдѣ, какъ

муравьи, копошились люди-рыбаки у своихъ лодокъ.

Сережа сидѣлъ на скалѣ, свѣсивъ ноги надъ моремъ, пурпурово-алымъ и краснымъ, какъ кровь. Ему казалось, что вотъ-вотъ, стоитъ только взмахнуть руками, и онъ полетитъ, подобно огромной птицѣ, куда-то вдаль, далеко-далеко надъ алопурпуровыми, кровавыми волнами... Онъ думалъ о семьѣ, о близкихъ. Думалъ о томъ, что переживаетъ воочію какую-то странную сказку. Этотъ таинственный замокъ, этотъ рыцарски-вѣжливый и печальный баронъ, этотъ затерянный въ глуши Остзейскаго края уголокъ,—все было такъ фантастично, необыкновенно и красиво.

Съ Павликомъ Редевольдомъ они были, казалось, давно друзьями на всю жизнь. Эдуардъ до вчерашняго дня еще сторонился его, но вчера отношенія ихъ круто измѣнились.

— Вы знаете, monsieur Serge,—сказалъ какъ-то послѣ урока Павликъ Редевольдъ, что въ сѣверной башнѣ показывается бѣлая женщина каждую полночь?

— И ты вѣришь подобнымъ нелѣпостямъ, мальчуганъ?—пристыдилъ онъ ребенка.

— Ахъ, monsieur Serge, но тамъ ни одна душа не смѣетъ переночевать,—въ сѣверной башнѣ; ея, т. е. бѣлой женщины, такъ боятся! Даже Эдикъ боится, а вѣдь онъ такой храбрый! кивнулъ онъ съ гордостью на брата. Тотъ только высокомѣрно повелъ бровями.

— Какъ, и ты трусишь, Эдуардъ?—усмѣхнулся юноша.

— А вы не струсите ужъ будто!—дерзко засмѣялся тотъ.

— Не струшу.

На лицѣ Эдуарда отразилось полное изумленіе.

— И вы переночуете въ башнѣ?

— Ну, конечно!

— Ну?

— Чтобы показать вамъ всю нелѣпость подобныхъ толковъ,—заключилъ весело Сережа.

Въ тотъ-же вечеръ, послѣ ужина, захвативъ съ собою подушки и плэдъ, онъ отправился въ башню, гдѣ и проспалъ благополучно до слѣдующаго утра.

А утромъ, вернувшись въ жилое помѣщеніе замка, былъ несказанно пораженъ встрѣчей, устроенной ему Эдуардомъ.

— Вы смѣлый, какъ рыцарь!—вскричалъ мальчикъ, пожимая его руку,—и я уважаю васъ.

— Славный мальчуганъ, непосредственный и умный,—мысленно разсуждалъ Сережа, вспоминая старшаго барона.—Сегодня-же буду писать Наташѣ о немъ. Она такъ любитъ ребятъ!

Онъ поднялся со скалы, съ сожалѣніемъ въ послѣдній разъ окинулъ взоромъ море и хотѣлъ уже итти, какъ внезапный шорохъ привлекъ его вниманіе.

Вся облитая ало-багровымъ закатомъ, передъ нимъ стояла дѣвушка, вѣрнѣе, дѣвочка лѣтъ пятнадцати на видъ... Она была стройна и тонка. Какая-то зеленая шелковая ткань окутывала ея фигурку, подвижную и гибкую, какъ у змѣи. Огненно-красные до колѣнъ волосы прикрывали станъ, струясь кровавыми, какъ само солнце въ часъ заката, волнами вдоль спины, плечъ и груди, красивые, волнующіеся и непроницаемо густые... Изъ-подъ кудрявившихся надо лбомъ прядей глядѣли глаза... Двѣ зеленыя звѣзды съ огромными, черными зрачками, со взглядомъ русалки, весе-

лымъ и таинственнымъ въ одно и то же время... Алый ротъ съ мелкими зубами и маленькое, маленькое личико, все опаленное огнемъ загара, обвѣтренное морскими вѣтрами, загадочно улыбалось ему странною, очаровательною и въ то же время необычайной красотой. Зеленыя звѣзды залучились, заискрились... Ало-красныя губы раскрылись... И странное существо усмѣхнулось неожиданно и насмѣшливо, обнажая рядъ своихъ бѣлыхъ и острыхъ, какъ у мышенка зубовъ.

— Кто вы?—произнесъ Сережа, пораженный неожиданнымъ и страннымъ видѣніемъ.

Потомъ, видя, что она его не понимаетъ, повторилъ по-нѣмецки свою фразу: кто вы? откуда вы пришли?

Она быстрымъ движеніемъ поправила вѣнокъ бѣлыхъ лилій, сползшій ей на лобъ и, закусивъ огнисто-красную прядь своихъ пышныхъ кудрей зубами, произнесла чуть слышно по нѣмецки:

— Я Сирена! Или вы не знаете этого? Пришла оттуда!—она указала тоненькимъ, смуглымъ пальчикомъ на скалу, море и вдругъ разсмѣялась...

Смѣхъ у нея былъ тихій и звенящій... Такой смѣхъ долженъ былъ бы быть у русалокъ, если бы онѣ существовали на свѣтѣ. И когда она смѣялась, красныя волны ея кудрей колыхались вокругъ ея стана и покрывали ее всю, всю съ головы до пятъ.

— Ну, ну, не дурачьте меня,—пожалуйста,—разсмѣялся въ свою очередь юноша,—я знаю, что вы самая обыкновенная дѣвочка, и пришли не изъ моря, а изъ сосѣдней усадьбы, вѣрнѣе всего...

Она усмѣхнулась... И опять лицо ея стало таинственно страннымъ и чудно-красивымъ.

— Monsieur Serge,—произнесла она своимъ ро-

кочущимъ голоскомъ,—вы догадливѣе, чѣмъ слѣдуетъ быть мальчику въ ваши годы. И сейчасъ вы сказали отчасти правду... Сейчасъ я пришла изъ пасторскаго домика, что тамъ за деревней. Но все-таки я Сирена, и тамъ подъ скалой ворчитъ и плещется мой старый отецъ!—съ веселой, таинственной усмѣшкой она повела пальчикомъ на море и продолжала также весело свою рѣчь... Старый царь-Морской Гребень, сѣдой, какъ лунь, и ворчливый, какъ сама старость... У меня есть цѣлая свита блѣдноокихъ красавицъ наядъ. А сельди, камбалы и прочая рыбная живность созданы для того, чтобы бродить за мною стадами и охранять покой царевны-Сирены... Поняли вы меня?

И снова смѣхъ рокочущій и звонкій, чудесно нарушающій тишину царственно-спокойнаго часа заката.

Засмѣялся и Сергѣй. Ему показалась забавной эта странная дѣвушка-подростокъ съ ея поэтическими бреднями и красивымъ, почти коричневымъ отъ загара лицомъ.

— Я не вѣрю вамъ! Ни одному слову не вѣрю!—произнесъ онъ со смѣхомъ и смѣло заглянулъ недовѣрчивымъ взглядомъ въ ея оригинальные зеленовато-черные глаза. Сирена нахмурилась. Темно-красныя брови ея сошлись надъ переносицей. Лицо сразу постарѣло и осунулось какъ будто...

— Ахъ, вы! произнесла она, топнувъ маленькой, сильной ногой, обутой въ родъ сандалій съ ремнями у ступней.—Ахъ, вы... И, помолчавъ немного, она заговорила неожиданно, краснѣя и сердито покусывая свои алыя губки.

— Слушай ты, невѣрующій человѣкъ... Вотъ что сказала мнѣ морская волна, сѣдая, какъ во-

лосы и борода моего папы Гребня... Слушай, что она сказала... Хорошій юноша, учитель изъ замка, вотъ, что она сказала... Только зачѣмъ онъ приходитъ на твою скалу. Онъ простой сынъ земли. У него есть семья тамъ въ Петербургѣ, родители, о которыхъ онъ скучаетъ... А здѣсь два маленькіе барона, изъ которыхъ одинъ только недавно полюбилъ его, послѣ того, какъ онъ провелъ ночь въ сѣверной башнѣ.

— Откуда, какимъ образомъ? Откуда вы узнали все это, Сирена?—произнесъ, захлебываясь отъ волненія и неожиданности, Сережа.

— Откуда узнала?—заливаясь своимъ рокочущимъ мелодичнымъ смѣхомъ, произнесла она,— о. Сирена все знаетъ!.. Знаетъ, о чемъ шепчутъ сѣдыя волны... Знаетъ, о чемъ поютъ звѣзды въ полночной вышинѣ... о чемъ лепечутъ желтые лютики, вербы песчаному берегу... о чемъ болтаютъ песчинки на днѣ моря, и глухо шуршатъ травы тамъ далеко въ лѣсу... Все знаетъ дочь стараго Гребня, царевна Сирена, повелительница водъ!—И, вся гордая, ликующая, она притихла на мгновеніе съ поднятой рукой, словно застывъ надъ моремъ въ двухъ шагахъ отъ отвѣса огромной скалы...

И вдругъ лукавый смѣхъ задрожалъ въ ея губахъ, алыхъ и веселыхъ... Она, какъ безумная завертѣлась по небольшой площадкѣ скалы, рискуя ежеминутно свергнуться въ море... Ея густые волосы краснымъ сіяніемъ развѣвались по вѣтру. Зеленые глаза съ огромными точками зрачковъ загорѣлись изумрудными огнями.

Что-то волшебное было въ ея небольшой фигурѣ, кружащейся по скалѣ съ стремительной быстротой...

— Берегись! Берегись меня! — протяжнымъ рѣзкимъ крикомъ прозвучалъ далеко ея голосъ.

— Я Редевольская колдунья. Берегись меня!— и, широко взмахнувъ руками, бросилась въ море, мелькнувъ со скалы огромной красно-зеленой птицей.

— Сирена! въ ужасѣ вскричалъ Сергѣй и замеръ на мѣстѣ, устремивъ глаза внизъ, въ гулко-бьющуюся о каменистый утесъ пучину.

И вдругъ веселый голосокъ прозвучалъ о' куда-то снизу:

— Не бойся... Я здѣсь... Редевольская колдунья никогда не утонетъ... Папа Гребень уже позаботился о томъ... Прощай, довѣрчивый, легковѣрный мальчикъ.

Сережа Скоринскій быстро наклонился внизъ и увидѣлъ зеленую фигурку, плывшую къ берегу... Это была Сирена... Ея красные волосы плыли за нею... Лицо смѣялось...

— Прощай!—донесся еще разъ до Сережи ея звонкій серебристый голосокъ, и она сразу исчезла, какъ исчезаетъ съ неба мгновенно и быстро лучистая, осенняя звѣзда.

. . . . . .

. . . . . .

На другой-же день Сережа спросилъ своихъ учениковъ:

— Друзья мои, не знаете-ли вы Сирену?

— О, Сирену? Monsieur Serge, гдѣ вы видѣли ее?—вскричали оба мальчика въ одинъ голосъ.

Сережа описалъ подробно его вчерашнюю встрѣчу.

— О, Сирена—это прелесть!—горячо вскричалъ старшій Эдуардъ,—это самая смѣлая дѣвочка во всемъ мірѣ. Она безстрашна и предпріимчива,

какъ мужчина... Она уплыветъ въ море въ самую большую непогоду... Одна подъ парусомъ. Она ничего не боится...

— Она дочь пастора Сирена и ужасно странная дѣвочка! Ее зовутъ еще Дочерью волнъ за то, что она постоянно плещется въ морѣ.

— Вы съ ней говорили что-нибудь обо мнѣ?

Мальчики замялись. Потомъ Эдуардъ тряхнулъ черными кудрями и, чуточку краснѣя, произнесъ:

— Да... т. е. нѣтъ... Я одинъ говорилъ, когда еще не зналъ, что вы такой хорошій... И просилъ ее, Сирену, попугать васъ хорошенько, но потомъ, когда я понялъ и оцѣнилъ васъ... И тотчасъ же сказалъ на берегу объ этомъ Сиренѣ. Надѣюсь, она не причинила вамъ ничего дурного?

— Ровно ничего дурного, мальчуганъ,—и Сережа дружески похлопалъ по плечу старшаго ученика.

Личность Сирены перестала быть для него загадкой.

ГЛАВА V.

Страшная ночь.

ОРЕ въ эту ночь разбушевалось не на шутку... Еще съ вечера обложенное зловѣщими тучами, небо предвѣщало бурю... Вѣтеръ свирѣпо гонялъ черныя массы по свинцовому полю, тамъ, въ вышинѣ и внизу, во внезапно потемнѣвшей пучинѣ, сѣдыми призраками, громоздясь другъ на друга, бѣшено носились свирѣпые и пѣнистые чудовища—валы...

Подъемный мостъ въ замокъ глухо скрипѣлъ подъ ихъ адскими напорами... Страшно и грозно рокотало море, бѣшено набѣгая на берегъ...

Уложивъ мальчиковъ спать, Сережа поспѣшилъ къ окошку своей комнаты... Деревья въ саду не уступали въ шумѣ рокоту моря, и ихъ вершины низко склонялись на всѣ стороны, покорныя владычеству разыгравшейся стихіи...

Вѣтеръ рвалъ и швырялъ все на своемъ пути, безумно разгулявшійся въ своей вакхической пляскѣ.

Юноша глядѣлъ на бѣсовское празднество стихіи... Потомъ поспѣшно раздѣлся и легъ въ постель, прощаясь заранѣе съ надеждой уснуть въ эту ночь подъ дикій свистъ, ропотъ, гулъ и завываніе бури. И все-таки уснулъ. Онъ видѣлъ

во снѣ мать, отца, товарищей, Наташу... И вдругъ разомъ проснулся.

Чей-то дикій крикъ пронесся надъ замкомъ, пронесся и замеръ вдали... Еще и еще... Уже не одинъ, а много криковъ... И не криковъ даже, а стоновъ и воплей безъ счета, безъ конца... Какъ безумный вскочилъ онъ съ постели и, подбѣжавъ къ окну, распахнулъ его... Мгновенно жутко-стремительная волна бури и вихря ворвалась и закружилась въ дикой пляскѣ по комнатѣ вокругъ него... Слабый огонекъ ночника погасъ... Свистя, звеня и напѣвая свою боевую пѣсню, вѣтеръ гулялъ теперь по шторамъ и занавѣсямъ, по обоямъ и постели, врываясь всюду, грозный, страшный и стремительный, какъ молодой, сильный и разгнѣванный богъ...

Черезъ его грозные напѣвы доносились и другіе звуки... Они неслись съ берега, со стороны рыбацкой деревни... Это были мольбы о помощи, отчаянные вопли скорби и ужаса, наполовину заглушенные ревомъ бури.

Захлопнуть окно, одѣться и выбѣжать изъ замка на берегъ было для Сережи дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

На берегу мелькали фонари—слабые, маленькіе огоньки въ эту темную, свирѣпую бурную ночь... Здѣсь онъ увидѣлъ всѣхъ людей изъ замка... Они метались по берегу и что-то кричали... А тамъ дальше, налѣво мигали и прыгали цѣлые десятки огней... Въ рыбацкой деревнѣ волновались, бѣгали и суетились люди. Оттуда и неслись зловѣщіе крики отчаянія и скорби.

— Что? Что тамъ такое?—взволнованно крикнулъ Сережа. Но звукъ его голоса умеръ, затихъ тутъ-же, безсильный побѣдить грозную пѣснь.

разыгравшагося моря. И вдругъ ясно и жутко пронесся со стороны его одинокій выстрѣлъ—сигналъ, сказавшій безъ словъ о близкой возможности гибели тѣхъ, кто находился тамъ сейчасъ, среди разбушевавшейся стихіи...

Этотъ выстрѣлъ пояснилъ все. Не разспрашивая больше ни о чемъ людей изъ замка, юноша кинулся вдоль берега, со всѣхъ ногъ, прямо по направленію рыбацкой деревни, гдѣ мелькали, точно плясали, маленькіе, блѣдно сіявшіе огоньки и сновали потерявшіеся, опѣшившіе, растерянные въ своемъ отчаяніи люди...

Не помня себя, Сережа бѣжалъ изо всѣхъ силъ навстрѣчу вихрю и бурѣ къ злополучной, прибрежной слободкѣ... Вотъ ближе и ближе слабо мерцающіе огоньки, вотъ они ярче горятъ въ сгустившейся темнотѣ ночи... И чѣмъ ближе они, тѣмъ безнадежнѣе и печальнѣе звучатъ людскіе голоса, вопли, крики и стоны...

Въ какихъ-нибудь полчаса юноша достигъ деревни.

— Что такое? Что случилось?—крикнулъ онъ, заслонивъ ротъ руками для сохраненія звука отъ натиска вѣтра.

Но его никто не понялъ.

Тогда онъ повторилъ свой вопросъ по-нѣмецки. Высокій, коренастый латышъ съ фонаремъ приблизился къ нему вплотную.

— Несчастье, господинъ,—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ. Наши молодцы ушли вчера въ море съ сѣтями... И теперь гибнутъ... Іолосъ, сынъ старой Ирмы, тоже... Нашъ любимецъ, гордость приморской слободки... И Іоганнъ и Фридрихъ... И Андекъ съ ними... Жалко, господинъ!.. Старая Ирма и мать Андека воютъ... Душу раздираютъ

ихъ слезы... А подѣлать ничего нельзя... Итти за ними все то же, что на смерть... У каждаго изъ насъ есть жены и дѣти...

Онъ тряхнулъ прямыми, какъ палки волосами, развѣваемыми вихремъ, и отошелъ въ сторону, махнувъ рукой. Сережа увидѣлъ камень, торчавшій на берегу. У камня были двѣ женщины, старыя, сѣдыя, съ развѣвающимися по вѣтру космами волосъ. Одна изъ нихъ сидѣла, тупо раскачиваясь изъ стороны въ сторону, обѣими руками обхвативъ колѣни... Ея морщинистое лицо носило слѣды безумія, горя... Свѣтъ фонаря, прикрѣпленнаго къ камню, падалъ на ея глаза, сверкавшіе страшнымъ огнемъ все потерявшаго въ жизни человѣка... Другая женщина неистовствовала... По морщинистому лицу катились градомъ слезы... Костлявыя руки тянулись къ морю. Она дико и неистово вскрикивала каждыя три минуты.

— Іоласъ! Мой Іоласъ! Сынъ мой ненаглядный!

Около нея была дѣвушка, вѣрнѣе, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, хорошенькая, голубоглазая Ида, сестра Іоласа... Она ломала свои худенькія, еще дѣтскія ручки и, рыдая, голосила: братецъ! Братецъ Іолосъ! Гдѣ ты? Гдѣ ты?

Ихъ крики рвали сердце Сережи. Онъ бросился въ самую середину толпы метавшихся по берегу латышей и закричалъ неистово, заглушая на мигъ самый ропотъ бушующей стихіи.

— Да нельзя развѣ ихъ спасти! Спасти! Спасти.

— Спасти! Спасти! Спасти!—словно издѣваясь надъ нимъ, отвѣтило эхо моря... Люди не отвѣчали...

Они только взглянули на него, какъ на безумнаго и, покачивая головами, отвѣтили крикомъ чего-то, чего нельзя было разобрать за стономъ вѣтра и бури.

И снова замелькали люди съ фонарями, снова рокотало море, и старуха Ирма, и тоненькая Ида выкрикивали громкими, дикими, теперь уже охрипшими надорванными голосами:

— Іоласъ! Іоласъ! Гдѣ ты, Іоласъ?

И вдругъ крики стихли... Точки двигающихся по берегу огоньковъ остановились... Люди тоже перестали метаться... Всѣ взоры, какъ по командѣ, устремились куда-то въ одну точку, къ противоположной сторонѣ берега отъ моря.

И Сережа повернулъ голову вслѣдъ за остальными...

— Она!—закричало нѣсколько десятковъ голосовъ...

По откосу берега съ фонаремъ въ рукѣ скользила небольшая женская фигурка... При свѣтѣ фонаря, высоко поднятаго надъ головой, можно было разглядѣть короткую, грубую, холщевую юбку, неуклюжую синюю куртку, какую носятъ шведскіе и финскіе моряки, и мужскую матросскую фуражку, надвинутую на лобъ и окруженную красными, пышными, развѣянными по вѣтру кудрями.

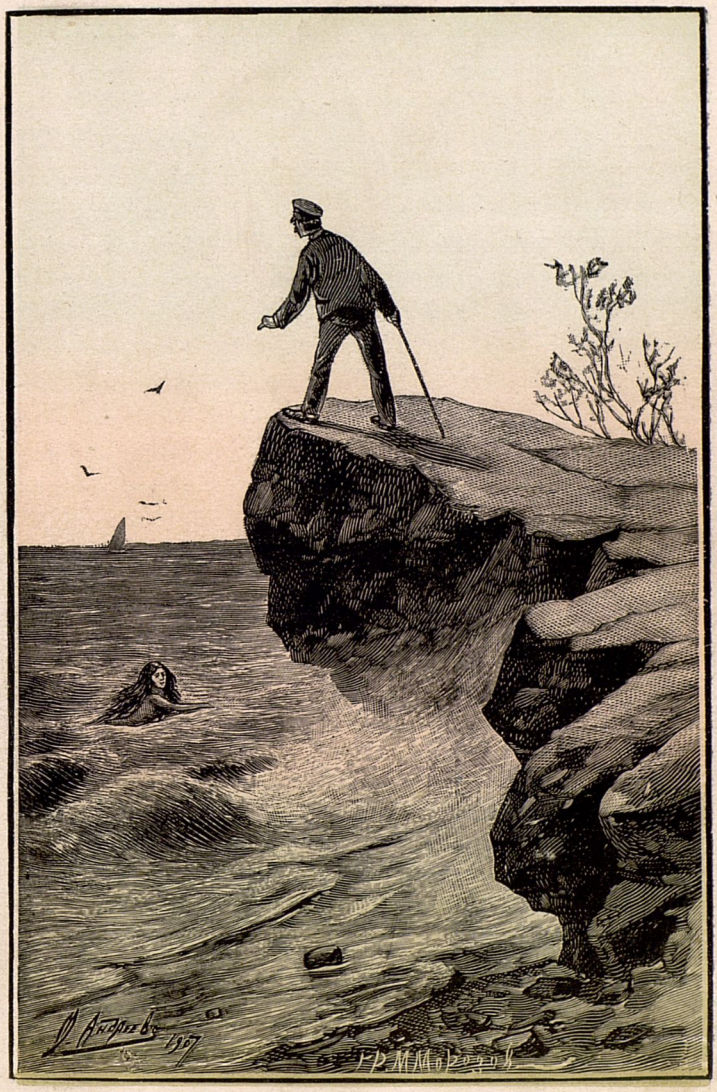
— Сирена! – сорвалось заглушенными бурею звуками съ устъ Сережи.

— Пасторская дочка!—эхомъ отозвались ему люди на берегу.

Въ нѣсколько прыжковъ она была среди нихъ, странная дѣвушка съ огненно-красными до колѣнъ волосами.

— Выстрѣлъ съ моря... Наши гибнутъ... Лодку мнѣ...—прозвучалъ отрывистыми звуками ея звонкій голосъ...

— Но, барышня!—И высокій, сѣдовласый латышъ выступилъ впередъ, обнажая голову.



Сережа Скоринскій быстро наклонился внизъ и увидѣлъ плывшую къ берегу фигуру... (Къ стр. 154).

— Что «но»? Что «но», старый Мартусъ?—И темно-красныя брови Сирены грозно сдвинулись надъ переносицей. Не думаешь-ли ты противорѣчить мнѣ, старина? Не поможетъ!.. Ой, вы! Іоганнъ... Петеръ рыжій... Братъ Андека, Мартинъ, ко мнѣ и живо баркасъ! Въ одну минуту!—быстро скомандовалъ ея звучный молодой голосъ.

— Но, барышня... Въ такую бурю... Мы не смѣемъ... Вы идете на вѣрную гибель... Нѣтъ, положительно не смѣемъ пустить васъ...

И старый Мартусъ низко опустилъ свою сѣдую какъ лунь голову.

— Слушай, старина!—Маленькая, сильная загорѣлая рука Сирены легла на плечо стараго рыбака.—Ты жилъ много... Больше всѣхъ здѣшнихъ слободскихъ жилъ ты на свѣтѣ. Твоихъ красавцевъ сыновей тоже взяло когда-то море. Видишь, вонъ плачетъ старая Ирма... мать молодца Іоласа. Ты знаешь, старина, что значитъ для родительскаго сердца потерять ребенка! Не даромъ же ты сталъ весь бѣлый, какъ гребень сѣдой волны, старикъ... Не мѣшай же мнѣ, Мартусъ, не мѣшай, старина, сдѣлать большое дѣло...

— Но, барышня, вы погибнете въ морѣ!—послышались робкіе голоса изъ толпы...

— Погибну?—и страннымъ смѣхомъ залилась необычайная дѣвушка. — Да развѣ вы не знаете, что проповѣдуетъ мой отецъ въ церкви? Положи жизнь за ближнихъ своихъ... Если бы онъ не уѣхалъ напутствовать умирающаго, то былъ-бы здѣсь тоже.—И гордая, какъ маленькая королева, она двинулась къ мосткамъ, полу-снесеннымъ вихремъ. Здѣсь прикрѣпленный къ столбу, вбитому въ дно моря, качался баркасъ... Въ одну минуту рыбаки бросились за нею и преградили ей дорогу.

— Тамъ гибель... и смерть... Гибель и смерть!— затаеннымъ ужасомъ звучали вокругъ нея голоса.

И вотъ въ ту же минуту раздался новый выстрѣлъ съ моря.

— Это Іоласъ .. Андекъ... У нихъ есть ружье... Я знаю... Иду!! Иду!! Къ вамъ на помощь!—прозвенѣлъ, прорѣзавъ дикій ревъ моря, звонкій крикъ Сирены, похожій на крикъ ночной птицы... И однимъ прыжкомъ она вскочила на баркасъ.

— Кто со мною?—прозвенѣлъ оттуда ея голосъ...

— Я съ вами, барышня!—и молодой латышъ, почти мальчикъ, впрыгнулъ въ баркасъ.

— Ага, Мартинъ! Съ Богомъ поѣзжай спасать брата!—крикнула весело Сирена, дружески хлопнувъ юношу по плечу.

— И я!—и Адамъ Лендъ присоединился къ храбрецамъ.

— Возьмите и стараго Мартуса. Если дѣвушка-ребенокъ не боится моря, мнѣ ли, отжившему старику, трусить темной пучины, поглотившей моихъ бѣдныхъ сыновей.

— И меня тоже!—прозвучалъ голосъ Якова Дена, считавшагося однимъ изъ лучшихъ гребцовъ.

— И меня! И меня возьмите съ собой, Сирена!—послышался откуда-то голосъ изъ-за спинъ и головъ рыбаковъ, и прежде чѣмъ Сирена могла отвѣтить, Сережа Скоринскій тоже прыгнулъ въ баркасъ...

ГЛАВА VI.

Подъ хрустальной пеленою.

ЛЕГКАЯ работа предстояла гребцамъ. Зловѣщій вихрь металъ легкое суденышко изъ стороны въ сторону... Черныя волны то высоко выбрасывали баркасъ, на гребнѣ своихъ валовъ, то стремительно низвергали его въ пучину...

Казалось, вотъ онъ исчезнетъ на вѣки въ черной, клокочущей пропасти, называемой моремъ... На веслахъ сидѣло четверо...

Адамъ, Яковъ, Мартусъ и юноша Мартинъ...

Фонарь, прикрѣпленный на кормѣ, освѣщалъ слабымъ свѣтомъ напряженныя, суровыя и угрюмыя лица латышей... Они гребли изо всѣхъ силъ, напрягая мышцы, но вѣтеръ и волны были вдвое, втрое, вдесятеро сильнѣе ихъ. Они бросали, какъ щепку, баркасъ вправо и влѣво, и разстояніе отъ берега до лодки уменьшалось съ убійственной медленностью... Сирена правила рулемъ и изрѣдка отдавала краткія приказанія... И странно! — безпрекословно повиновались гребцы этой необычайной дѣвушкѣ, почти ребенку, знавшей море, какъ свои пальцы на рукѣ.

— Вправо! Забирай вправо, Мартинъ! — одиноко звенѣлъ ея рѣзкій, властный голосъ среди бу-

шующей стихіи.—А ты, Адамъ, приналягъ... Вотъ я вижу вдали огонекъ стараго Петера!..

Сережа, находившійся одинъ безъ дѣла въ баркасѣ, взглянулъ впередъ и въ надвигающемся мракѣ ночи увидѣлъ яркую звѣздочку въ вышинѣ.

— Я буду править на огонь!—ни къ кому не обращаясь, заявила Сирена и съ силой, трудно ожидаемой отъ ея маленькой руки, повернула руль... Потомъ глаза ея неожиданно встрѣтились съ глазами Скоринскаго.

— Вы умѣете править?—сурово прозвучалъ ея голосъ и, не дождавшись его отвѣта, она произнесла:

— Садитесь на руль... Я должна отыскать «ихъ» глазами!

Сережа повиновался. Онъ невольно подчинился этому властному существу, распоряжавшемуся въ морѣ, какъ дома.

Старшій Мартусъ, послѣ долгаго молчанія, произнесъ мрачно:

— Здѣсь близко рифы... Если мы завязнемъ въ нихъ—конецъ. Баркасъ разобьетъ вдребезги, какъ игрушку...

— Жаль старую Ирму... Брата Андека постигнетъ та же участь... Всѣ мы погибнемъ въ пучинѣ,—откликнулся Адамъ, съ послѣдними силами налегая на весла...

Море бушевало... Попрежнему грозно вздымались сѣдые гребни... заливая баркасъ... Изъ силъ выбивались гребцы, налегая на весла... Съ нахмуреннымъ, сосредоточеннымъ лицомъ стояла на колѣняхъ посреди баркаса Сирена, держась обѣими руками за его борта и напряженнымъ взглядомъ мѣрила даль... Ея зеленые глаза свер-

кали, какъ у кошки, и лицо было бѣлѣе гребня сѣдой волны...

Вдругъ, она вздрогнула и закричала...

— Я вижу тамъ... Я вижу тамъ... бѣлѣетъ ихъ парусъ...

— Гдѣ, гдѣ?—вырвалось изъ груди пяти человѣкъ.

— Тамъ!

Маленькая рука вытянулась впередъ

Гдѣ-то вдали бѣлѣла точка... Это былъ парусъ, во всѣ стороны бросаемый на крыльяхъ вѣтра.

— Они погибнутъ... это ясно какъ день! Безъ веселъ имъ ничего не подѣлать—произнесъ Яковъ Лендъ, не переставая грести.

— Мы должны ихъ спасти! Должны во чтобы то ни стало!—И голосъ Сирены зазвучалъ суровыми упрямыми нотами.

Снова налегли съ удвоенной силой на весла люди. Снова воцарилось молчаніе, значительное и мрачное, какъ эта ночь. Совсѣмъ стемнѣло... Только яркая звѣздочка одинокаго огонька сіяла на маякѣ.

Только ее, да бѣлый парусъ и видно было среди сгустившейся темноты... Вотъ она ближе и ближе... Вотъ неожиданно вынырнула огромная, плывучая башня съ фонаремъ, вся вымокшая отъ брызгъ фигура человѣка.

— Мой старый Петеръ!—кричитъ Сирена, изо всѣхъ силъ напрягая свой звонкій голосъ,—идемъ на помощь туда!—И она махнула рукой куда-то вдаль, неопредѣленно.

— Спаси васъ Богъ, барышня! — прозвучалъ старческій голосъ съ верхушки маяка.

Снова ночь... Снова молчаніе... Только волны ревутъ не умолкая, какъ безумный...

И вдругъ отчаянный трескъ... Грохотъ... и бѣлая точка съ быстротой молніи исчезла въ волнахъ.

— Погибли... Паруса не видно, всѣ погибли!— вырвалось снова стономъ изъ груди пяти человѣкъ.

Только Сирена по прежнему молчала, напряженно вглядываясь въ темноту своими кошачьими глазами

Новый выстрѣлъ прозвучалъ надъ моремъ среди общаго хаоса звуковъ...

— Такъ и есть! Они успѣли достигнуть сѣраго камня! — радостно сорвалось съ устъ дѣвушки,—и вскарабкались на него!—Іоласъ, Іоласъ,—напрягая голосъ и сложивъ руки рупоромъ, прокричала она.

— А-а-а-а-а!—долетѣло откуда-то заглушеннымъ звукомъ...

— Такъ и есть! Гребите скорѣе!.. Они на скалѣ,—прерываясь отъ волненія, звенѣлъ голосъ Сирены... — Надо торопиться, иначе порывомъ вѣтра ихъ снесетъ въ море...

— Но, барышня... путь къ сѣрому камню опасенъ: тамъ подводные рифы встрѣчаются на каждомъ шагу—несмѣло произнесъ старый Мартусъ.

— Такъ что-же? Имъ погибать что-ли по твоему, старина?

И снова грозно сверкнули на старика зеленые глаза Сирены.

Точно сѣрое привидѣніе выскользнулъ изъ мрака большой камень... На плоской площадкѣ его копошились люди... Іоласъ, Андекъ и другіе пять молодцовъ изъ рыбацкой слободки.

Отчаянно борясь съ волнами, баркасъ причалилъ къ скалѣ.

— Закиньте веревку! Закидывай веревку!— крикнулъ подъ самымъ ухомъ Сережи знакомый голосъ... Зацѣпи и за камень... Такъ... Теперь прыгай Іоласъ!.. Андекъ... всѣ вы... другіе!

Баркасъ отчаянно закачался, едва не черпая воды...

Разъ!

Темная фигура соскользнула со скалы и съ шумомъ прыгнула на дно лодки... За ней другая .. Третья... Еще и еще... Юноша Мартинъ ринулся къ брату и замеръ въ его объятіяхъ.

— Что? Назадъ!—повелительными нотами прозвучалъ голосъ Сирены: — ты хочешь погубить всѣхъ насъ, мальчишка!

Мартинъ, сконфуженный, застылъ на своемъ мѣстѣ.

И снова, въ слѣдующую же минуту, голосъ Сирены прозвучалъ въ баркасѣ: Правьте на маякъ! На маякъ правьте, молодцы!

Подъ шумъ, свистъ и лепетъ бури снова повернулъ баркасъ. Іоласъ стоялъ на колѣняхъ на днѣ лодки и говорилъ спокойно, закуривая свою трубку:

— Кабы не вы, не сдобровать бы намъ... Думалъ, ужъ не увижу свою старуху... Еще малость и сбросило бы насъ въ море... Ужъ послѣднюю трубку докуривалъ на скалѣ... А теперь долой съ вашихъ мѣстъ!... Мы будемъ грести обратно.

И четверо изъ вновь прибывшихъ заняли мѣста Мартуса, Адама, Якова и Мартина... И снова запрыгала, завертѣлась лодка, легкая, какъ орѣховая скорлупка, на груди расходившихся валовъ.

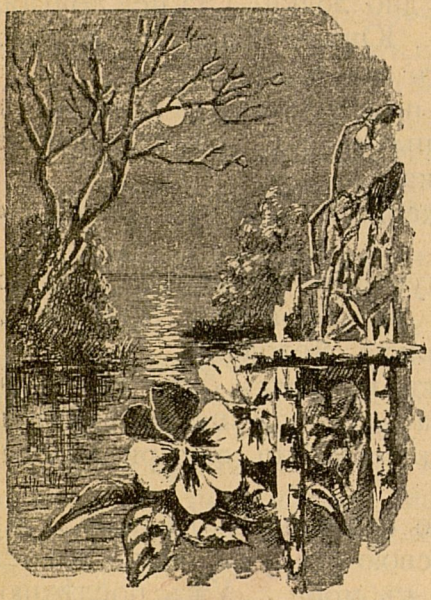
Андекъ, изо всѣхъ силъ налегая на весла, съ трубкой въ зубахъ, говорилъ медленно и тягуче:

— Жаль нашей лодки... Пошла камнемъ ко

дну... Дорого заплачена... другую не скоро купишь...

И вдругъ замолкъ сразу.

Отчаянный, оглушительный трескъ раздал подъ ними. Въ тотъ же мигъ баркасъ накренил на бокъ, и огромный валъ набѣжалъ съ шумом и поглотилъ всѣхъ, сидящихъ въ немъ...



ГЛАВА VII.

Героиня.

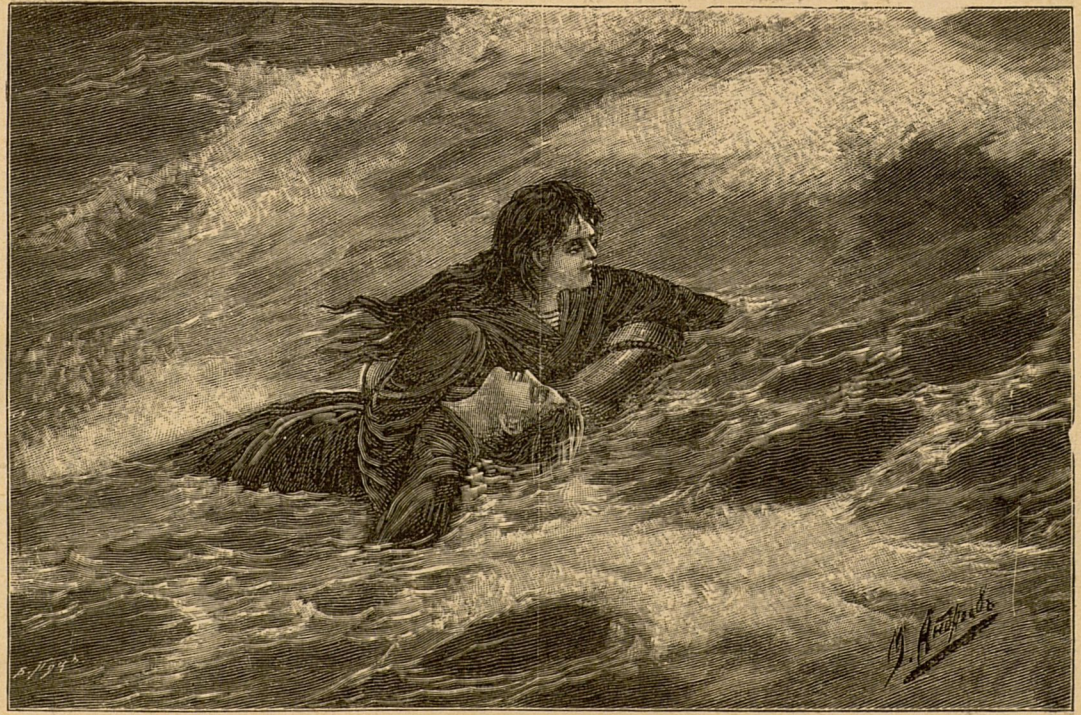
ЕРВОЕ, что почувствовалъ Сережа, было ощущеніе колючаго холода, охватившаго его со всѣхъ сторонъ... Студеная, движущаяся масса покорно разступилась передъ нимъ и спокойно накрыла его своей хрустальной пеленою...

— Я тону! вихремъ пронеслось въ его мысляхъ,—я тону! Прощай, мама! отецъ! Наташа!

Онъ попробовалъ плыть и не могъ... Бѣшеные валы закружили его, какъ щепку... Въ дикой пляскѣ водоворота онъ не могъ сдѣлать ни одного движенія ни рукой, ни ногой... Непонятная сла-

— Закиньте веревку! Закидывай веревку!..

(Къ стр. 167).



Она сильна, какъ барсъ и плаваетъ, какъ рыба... (стр. 172).

бость заполнила всѣ его члены... Голова закружилась... дыханіе сперло въ груди... Онъ слабо крикнулъ и, лишившись чувствъ, пошелъ ко дну, какъ камень . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Прошла минута, другая... Нѣсколько сотенъ минутъ... Нѣсколько десятковъ часовъ, быть можетъ... Сережа не могъ сообразить, сколько именно, когда открылъ глаза и удивленнымъ взглядомъ обвелъ окружающую его обстановку. Онъ находился въ странной комнатѣ,— круглой, какъ внутренность башни. Сквозь крошечное оконце пробивались солнечные лучи, радостные и пугливые, какъ цѣлое стадо веселыхъ молодыхъ змѣекъ. Близко, близко за стѣною шумѣло море, но не бурное и грозное, какимъ онъ запомнилъ его въ послѣднюю минуту, а тихое и кроткое, какъ всегда.

— Гдѣ я?—произнесъ слабо юноша, озираясь тѣмъ-же изумленнымъ взоромъ.

Обвѣтренное, морщинистое, бритое лицо и сѣдая голова склонилась надъ нимъ.

— Не бойтесь, молодой господинъ, — прозвучалъ надъ нимъ добродушный голосъ—вы на маякѣ у стараго Петера.

— А тѣ? Гдѣ остальные? Они погибли? — взволнованно вскричалъ Сережа.

— Живы и уже отправились на берегъ. За ними выслали лодку. Слава Богу, не погибъ никто... Всѣ спаслись къ счастью. Ваша лодка разбилась о подводный рифъ вблизи маяка, и я успѣлъ выкинуть вамъ спасательные круги...

— Но я... я не могъ видѣть круга, я лишился чувствъ. Кто-же спасъ меня? — живо заинтересовался Сережа.

— О, васъ спасла молодая барышня... Она сильна, какъ барсъ, и плаваетъ, какъ рыба... Недаромъ она находится большую часть времени въ морѣ—не безъ гордости заключилъ старикъ.

— Гдѣ-же она, Сирена—спросилъ съ живостью Скоринскій.

— Здѣсь я! — послышался вдругъ веселый голосъ, и смѣющееся личико Сирены просунулось въ дверь.

Сережа быстро вскочилъ, шагнулъ къ дѣвушкѣ и глубоко прочувствованнымъ голосомъ произнесъ:

— Вы спасли мнѣ жизнь, какъ мнѣ благодарить васъ? Вы поступили, какъ героиня.

Она вскинула на него удивленными глазами.

— Я поступила такъ, какъ поступилъ-бы каждый человѣкъ на моемъ мѣстѣ, monsieur Serge.

— Моя мать будетъ горячо молиться за васъ, узнавъ, что вы спасли ея сына. А мы? Мы будемъ друзьями, не правда-ли, Сирена?—спросилъ Сережа, протягивая ей руку.

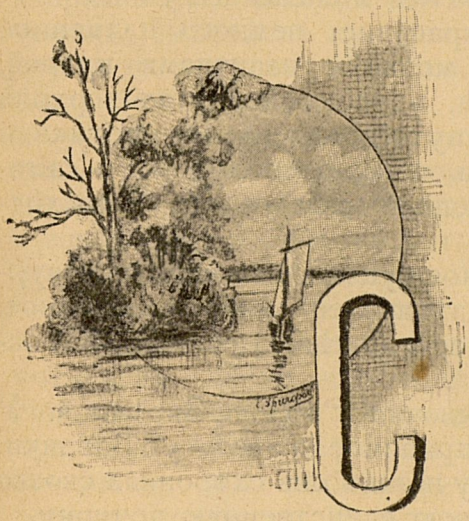
— Конечно, если дружба дочери Морского Гребня вамъ не страшна, улыбнулась она лукаво,— Елена Рамъ съ ея старымъ отцомъ будутъ рады васъ видѣть въ пасторскомъ домѣ.

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить что-либо, Сирена исчезла за дверью, легкая и быстрая, какъ птица.

На лѣстницѣ послышались голоса.

Это поднимался на маякъ баронъ съ сыновьями, чтобы взять Сережу съ собою въ замокъ.

ВЪ ГЛУШИ.



ГЛАВА I.

Разбитое счастье.

СѢРОЕ, темное осеннее утро... Сѣрый ползучій изъ дали туманъ... Небольшой, красивый особнякъ, который снимали Рыдловы-Зарѣчные, весь утонулъ въ его мутномъ миражѣ. Мракъ на улицѣ и мракъ въ домѣ. Въ большихъ, роскошныхъ, теперь безпорядочно заставленныхъ мебелью и вещами комнатахъ тотъ же мракъ и та же непріятность. Открытыя настежъ двери, безпорядочно разбросанныя вещи, сдвинутые на середину диваны, стулья и столы, грубые голоса таскав-

шихъ внизъ вещи артельщиковъ,—все это слилось, спуталось, смѣшалось въ одинъ сплошной невыразимый хаосъ.

Только въ небольшой, уютной розовой комнаткѣ, гдѣ хотя и царитъ тотъ же безпорядокъ, выразившійся въ снятыхъ съ полу коврахъ, въ пустой, лишенной своихъ обычныхъ bibelots этажеркѣ, въ завѣшанномъ полотномъ и рогожей трюмо, все же чувствуется какая-то жалкая уютность.

Блѣдная, худенькая съ густой пепельной косой, небрежно закрученной въ узелъ на затылкѣ, сидитъ на розовой козеткѣ молодая дѣвушка.

У нея тонкое, красивое, немного надменное личико, опушенное мелкими завитками кудрей, говорящее о породѣ, гордо вздернутая верхняя губа капризно изогнутаго маленькаго ротика и большіе сѣрые глаза, обычно спокойные и самодовольные, теперь исполненные самаго безысходнаго горя.

На дѣвушкѣ черное суконное платье съ траурными нашивками, дѣлающее все ея изящное, хрупкое существо еще болѣе хрупкимъ и воздушнымъ.

Эта дѣвушка—Вавочка Рыдлова-Зарѣчная. У нея большое, непоправимое горе — у Вавочки. Полтора мѣсяца тому назадъ она схоронила своего отца, обожавшаго свою единственную дочурку.

Павелъ Дмитріевичъ Рыдловъ-Зарѣчный былъ еще далеко не старый человѣкъ. Онъ велъ большія дѣла одного крупнаго частнаго предпріятія и имѣлъ огромный заработокъ. На этотъ заработокъ Павелъ Дмитріевичъ всячески баловалъ и лелеялъ дочь.

Вавочка росла, какъ маленькая принцесса въ

волшебной сказкѣ. Съ дѣтства ее окружалъ цѣлый штатъ нянюшекъ, мамушекъ, прислуги. Ее наряжали, какъ куколку. Отецъ и многочисленныя англійскія «миссъ», француженки и нѣмки гувернантки предупреждали каждое желаніе дѣвочки. У нея были съ самаго ранняго дѣтства и своя собственная дѣтская пріемная, и свой дѣтскій кабинетъ, и будуаръ, какъ у взрослой дамы. Шкапы ломились подъ тяжестью игрушекъ и книгъ, которыми буквально заваливалъ отецъ Вавочку.

Хорошенькій кабріолетъ лѣтомъ и санки зимою, запряженные прилестнымъ гнѣдымъ пони Красавчикомъ, вмѣстѣ съ кучеромъ англичаниномъ были всегда къ услугамъ Вавочки. По четвергамъ у нея были свои пріемные часы, когда дѣвочка принимала своихъ маленькихъ гостей, такихъ же малютокъ-дѣвчурокъ и мальчиковъ изъ лучшихъ домовъ города. Словомъ, маленькая принцесса Вавочка и жила, какъ подобаетъ жить принцессѣ. И вдругъ все разомъ грубо рухнуло. Разбилось счастье Вавочки, разбилась ея жизнь.

Этой весной она только что окончила курсъ ученья въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ пансіоновъ, и счастье, розовое, смѣющееся, какъ красивый свѣжій ребенокъ, все горячѣе и горячѣе ласкавшее свою любимицу, Вавочку,—это счастье разомъ померкло, закатилось, какъ солнце, въ одинъ печальный день.

Проведя лѣто за границей, Рыдловы-Зарѣчные вернулись въ Петербургъ, и Павелъ Дмитріевичъ уже заранѣе ликовалъ дать возможность полюбоваться изысканному Петербургскому обществу на свою хорошенькую, изящную Вавочку, какъ неожиданно простудился на охотѣ, схватилъ тифъ

и черезъ недѣлю умеръ, не успѣвъ ничего сдѣлать для Вавочки и оставивъ ее совсѣмъ бѣдной, даже нищей сиротой...

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ Павелъ Дмитріевичъ былъ неповиненъ.

Сильный, здоровый и крѣпкій сорокалѣтній мужчина, онъ менѣе чѣмъ кто-либо другой могъ помышлять о смерти. Вотъ почему онъ мало заботился о будущемъ, говоря постоянно и себѣ самому, и окружающимъ его друзьямъ:

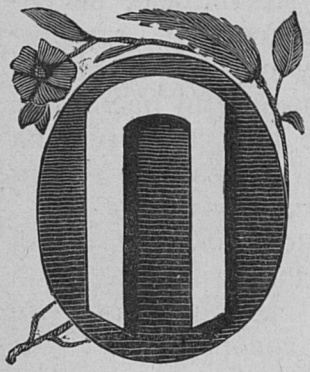
— Вавочка моя сиротка—ея мать умерла такъ рано, и дѣвочка никогда не знала ласки матери,— вотъ отчего мнѣ хочется какъ можно больше побаловать Вавочку, чтобы моя дѣвочка не имѣла отказа ни въ чемъ, чтобы съ восторгомъ вспоминала всегда свое розовое дѣтство и не грустила о томъ, что лишена материнской ласки. А накопить денегъ моей Вавочкѣ я успѣю всегда... Я еще молодъ. Слава Богу, проживу долго.

Но онъ не прожилъ долго и оставилъ Вавочку круглой сиротою.

Объ этомъ сиротствѣ, объ этой неожиданной, немыслимой, какъ казалось, смерти и думала теперь въ розовой, уже достаточно разоренной артельщиками, комнаткѣ, блѣдная, изящная дѣвушка въ черномъ платьѣ.

Вавочка пришла въ себя. Передъ ней стояла Даша...

(Къ стр. 177).



ГЛАВА II.

Разоренное гнѣздышко.

ОРА, барышня...

— Что?

Вавочка вздрогнула худенькими плечиками и точно проснулась. На длинныхъ темныхъ рѣсницахъ дрожали слезинки, свѣтлыя и прозрачныя какъ роса.

— Уже время ѣхать, барышня.

Вавочка пришла въ себя. Передъ ней стояла Даша, молодая, веселая Даша, одна изо всей прислуги, оставшаяся въ домѣ Рыдловыхъ-Зарѣчныхъ, съ цѣлью помочь своей барышнѣ распродать всю ихъ богатую обстановку.

Послѣ смерти Павла Дмитріевича не осталось ничего, и чтобы имѣть возможность похоронить отца, Вавочка рѣшила обратить въ деньги все, что имѣла.

Родныхъ у Вавочки не было, то-есть были, вѣрнѣе, гдѣ-то далеко-далеко, и ихъ не знала Вавочка. Они жили только вдвоемъ съ отцомъ, одинъ для другого, окруженные несчетнымъ числомъ знакомыхъ. Эти-то знакомые и помогли Вавочкѣ, одолживъ ей сумму на похороны отца, и чтобы расплатиться съ ними, молодая дѣвушка должна была обратить въ деньги всю свою роскошную обстановку.

— Барышня, артельщики будуаръ выносить хотятъ,—еще разъ напомнила Даша,—да и ѣхать время, двѣнадцать уже скоро.

— Артельщики... хорошо... ѣхать надо, вы говорите?—беззвучно роняла Вавочка и, стремительно быстро, схвативъ шляпу со стола, начала ее прикрѣплять къ головѣ дрожащими пальцами.

Вошли артельщики. Четыре рослыхъ мужика съ громко стучащими сапогами, съ безстрастными лицами и шумно приступили къ работѣ.

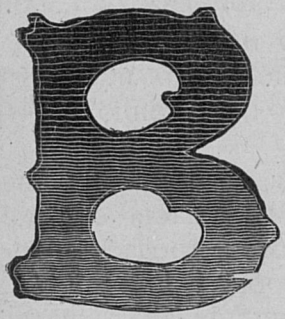
Даша безмолвно одѣвала Вавочку. Застегивала на ней пальто, прикрѣпляла длинный траурный вуаль, зловѣще развивавшійся позади черной же траурной шляпы и тихо, тихо говорила ей:

— Никто, какъ Богъ, барышня. Господь далъ—Господь и взялъ. Во всемъ Его святая воля. Надо терпѣть, барышня.

И Вавочка терпѣла. Ни однимъ звукомъ не выдала она того мучительнаго состоянія, которое сковало безконечно тяжелыми путами ей сердце и мысли. Вавочка страдала невыносимо. Затуманеннымъ взоромъ окинула она въ послѣдній разъ огромныя, теперь пустыя и неуютныя комнаты, гдѣ такъ свѣтло и радостно протекла ея коротенькая, счастливая жизнь, и вышла на подъѣздъ.

Даша несла ея чемоданъ. Артельщикъ корзину.

Позвали двухъ извозчиковъ. На одного взгромоздили вещи, на другого сѣли Вавочка и Даша. Послѣдняя ни за что не пожелала оставить свою молодую госпожу и рѣшила проводить ее на поѣздъ.



ГЛАВА III.

Непонятая.

ОКЗАЛЬНАЯ суматоха, звонки и крики носильщиковъ, неизбѣжная суета, все это точно пробѣгало мимо глазъ Вавочки. Она не видѣла и не слышала ничего. Ея сознаніе точно притупилось, застыло. Даша съ нескрываемымъ сожалѣніемъ смотрѣла въ убитое личико своей барышни.

Еще недавно это хорошенькое личико самодовольно, весело и гордо поглядывало на окружающихъ. Эти прежде надменно, теперь скорбно сжатыя губки, еще такъ недавно властно приказывали и дѣлали выговоръ ей, Дашѣ, часто незаслуженный, а теперь...

— Бѣдная! Бѣдная моя барышня, — мысленно сокрушалась добрая дѣвушка и смахивала непрошенныя слезинки тайкомъ.

И еще думала кой о чемъ преданная Даша.

— Уѣзжаетъ моя барышня,—вихремъ проносилось въ ея головѣ и никто изъ недавнихъ пріятельницъ и знакомыхъ не пріѣхалъ проводить ее. А бывало при Павлѣ Дмитріевичѣ дымъ коромысломъ поднимался при пріемахъ гостей. Нѣтъ, видно, не людей ищутъ люди, а богатства да вкусныхъ обѣдовъ, да веселыхъ пріемовъ.

Но Даша ошибалась на этотъ счетъ.

Добраго, гостепріимнаго Павла Дмитріевича Рыдлова-Зарѣчнаго уважали и любили. Къ нему ѣхали охотно, дорожили лаской и дружбой этого прямого, добродушнаго и простого человѣка, оди-

наково относившагося къ богачамъ и къ бѣднякамъ.

Но Вавочка была нѣсколько иная.

Она держала себя вызывающе гордо и свысока со всѣми, кто былъ ниже ея по положенію и богатству.

Ей казалось всегда, что она умнѣе и лучше всѣхъ остальныхъ. Она точно кичилась своими богатствами, своимъ положеніемъ передъ сверстницами. Поэтому никто не любилъ Вавочку и, если ѣздили къ ней и не сторонились ее, то только для того, чтобы сдѣлать пріятное ея отцу.

Дрогнулъ послѣдній звонокъ на дебаркадерѣ. Вмѣстѣ съ нимъ дрогнули Вавочка и Даша.

— Прощайте, барышня, дай вамъ Господь на новомъ мѣстѣ устроиться получше,—произнесла горничная, вскакивая на ступеньку вагона, чтобы быть въ послѣднюю минуту поближе къ своей госпожѣ.

— Прощайте, Даша,—проронили чуть слышно губы Вавочки.

— Не поминайте лихомъ, барышня... Простите, ради Христа, когда въ чемъ провинна была передъ вами. И неожиданно цѣлый потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ Даши.

Вавочка медленно и удивленно подняла на дѣвушку свои красивые сѣрые глаза.

— О чемъ она плачетъ — Даша? Почему ей тяжело разставаться со мною? Можетъ быть ей жаль терять хорошее мѣсто въ большомъ и богатомъ домѣ? соображала Вавочка и, чтобы утѣшить дѣвушку, произнесла тихо:

— Успокойтесь, Даша,—я же васъ рекомендовала на мѣсто къ князю Вуловину. И аттестатъ вамъ дала отличный. Безъ хлѣба не останетесь, вамъ нечего грустить.

Даша вспыхнула. Румянецъ залилъ все ея доброе, заплаканное лицо.

— Барышня! Барышня! всхлипнула она, да развѣ я объ этомъ тоскую? Васъ мнѣ жалко, сиротинка вы моя болѣзная! Бѣдняжечка моя!—

И она съ плачемъ схватила руку своей барышни и начала цѣловать ее поверхъ черной лайковой перчатки.

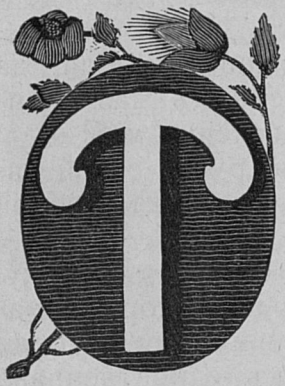
Что-то острое кольнуло въ сердце Вавочку. Что-то теплой волной прихлынуло къ горлу и защемило его. Ей вдругъ на одну минуту до боли стало жаль оставлять Дашу, какъ единственнаго вѣрнаго и преданнаго ей теперь человѣка. Захотѣлось уронить на грудь Даши свою изящную кудрявую головку и плакать, плакать безъ конца. Но тутъ же услужливая мысль подсказала Вавочкѣ, какая огромная бездна лежитъ между нею Варварой Павловной Рыдловой-Зарѣчной и мѣщанкой горничной и она только сдержанно произнесла:

— И я вамъ желаю хорошо устроиться, Даша, прощайте!

Кивнула головкой и прошла въ вагонъ.

Поѣздъ тронулся. Въ окнѣ замелькало красное отъ слезъ лицо Даши, махавшей платкомъ. Она кивала головою Вавочкѣ, плакала и что-то кричала.

Но Вавочка уже не видѣла и не слышала ее. Вавочка опустилась измученная и апатичная на диванъ вагона и стала думать, думать безъ конца...



ГЛАВА IV.

Въ невѣдомую глушь.

РЕТЬИ сутки ѣдетъ Вавочка. Она выходила въ Москвѣ, въ Тулѣ, въ Самарѣ... Пересаживалась на другіе поѣзда. Обѣдала на большихъ остановкахъ, пила чай на маленькихъ, покупала и проглядывала газеты, но все это дѣлала машинально, почти безсознательно, какъ автоматъ... Огромное давящее чувство безысходнаго, мучительнаго горя, камнемъ лежало у нея на сердцѣ. И во снѣ и на яву стоялъ передъ ней покойный отецъ, единственный человѣкъ въ мірѣ, котораго любила Вавочка.

Подъ шумъ колесъ она забывалась на минуту, чтобы въ слѣдующую проснуться снова и думать, думать безъ конца.

А въ окнѣ между тѣмъ картина смѣнялась картиной. Потянулись степи, могучія привольныя башкирскія степи, вольныя, спокойныя, далеко убѣгающія въ даль... Небо голубѣло, не глядя на придвигающуюся осень. Дозрѣвшая, сжатая рожь, еще не убранная, кое гдѣ въ снопахъ, золотилась на солнцѣ, какъ золотые волосы сказочной Сандрильоны. Кое гдѣ бѣлыми пятнами метались горленки и чайки по синему воздушному полю неба... Гдѣ-то далеко синѣла темная полоса гигантской рѣки. Это Волга, красавица Волга, воспѣваемая русскими поэтами, синѣла тамъ у Са-

марскаго плеса. Но отъ полотна дороги она была почти невидима совсѣмъ.

Ближе казались горы... Мѣловые Жигули, которые дальше къ югу послѣ Стенькина Кургана выростаютъ въ могучихъ гигантовъ, здѣсь они еще молоды и не такъ высоки.

А поѣздъ бѣжитъ, мчится вихремъ все дальше и дальше.

Ночь смѣнилась утромъ. На зарѣ пролетѣли Самарскую и теперь выѣхали въ Уфимскую губернію. Природа оставалась таже... Только степи и холмы, холмы и степи. Изрѣдка березняковыя рощи, жидкіе лиственные лѣса, да горы повыше, поросшія зеленью, еще не успѣвшей пожелтѣть въ началѣ осени, блеклой и скучной.

Вавочка спала, подложивъ подъ голову „думку", ту маленькую атласную подушечку, въ сквозной кружевной наволочкѣ, съ которой не разставалась съ дѣтства.

Сладкіе сны вились вокругъ ея пепельной головки... Ей чудилось въ яркихъ грезахъ недавнее былое.

Ей снился вечеръ. Первый вечеръ балъ, данный, въ честь ея выпуска изъ пансіона, отцомъ. Первый балъ. Думала-ли она, что онъ будетъ и послѣднимъ.

Чудный весенній вечеръ благоухающаго мая... Окна раскрыты настежь.

По проспекту, на который выходитъ занимаемый ими особнякъ, ѣдутъ экипажи, автомобили, катятъ велосипеды. Всѣ спѣшатъ на «стрѣлку», смотрѣть съ Елагина Острова на закатъ солнца...

И она, Вавочка, ѣздитъ туда съ отцомъ каждый вечеръ въ своемъ нарядномъ, какъ игрушка, шарабанѣ. Это такъ модно и красиво! Но сегодня она дома. Сегодня она, Вавочка, нарядная и пыш-

ная, какъ маленькая голубая фея встрѣчаетъ гостей на порогѣ ихъ роскошной гостиной подъ руку съ отцомъ.

Веселое дѣвичье щебетанье, смѣхъ, говоръ, шутки, остроты... О, какъ весело это, какъ хорошо! А въ окна вливается ароматъ молодой расцвѣтающей липы и дивный майскій вечеръ, благоухающій и юный, какъ мечта.

Смолкли шутки и смѣхъ... Заиграла музыка... Легко и плавно, воздушно и красиво несется она, Вавочка, въ медленномъ темпѣ вальса...

Ахъ, какъ хорошо...

Боже, какъ хорошо! Какъ хороша весна, воздухъ, синее небо, молодость!

Какъ хорошо носиться такъ по паркету и сознавать, что всѣ любуются тобою, завидуютъ тебѣ!

Пепельная головка Вавочки кружится отъ тщеславной гордости.

Но что это?

Гдѣ музыка? Гдѣ радость? Счастье юности и цвѣты?

— Станція Давлеканово,—слышитъ она надъ ухомъ чей то грубый голосъ и, вздрагивая, открываетъ глаза.

Передъ Вавочкой стоитъ кондукторъ.

— Пріѣхали, барышня. Вѣдь вамъ въ Давлеканово надо?

— Да... да... Ахъ... Вещи мои, пожалуйста, а вотъ и квитанція отъ багажа,—роняетъ она, протирая глаза и поправляя съѣхавшую на сторону шляпу.

— Да вы не извольте безпокоиться. Поѣздъ здѣсь стоитъ полъ-часа. Все успѣемъ сдѣлать,—успокаивающимъ голосомъ говоритъ кондукторъ

и идетъ хлопотать въ багажное отдѣленіе насчетъ вещей.

Вавочка выходитъ изъ вагона. Цѣлый потокъ привѣтливыхъ лучей заливаетъ ее съ нѣжной лаской. Солнце грѣетъ во всю, несмотря на осень. Мальчики башкиры, въ засаленныхъ пестрыхъ тебютейкахъ*), бѣгаютъ по платформѣ съ бутылками бѣлаго шипучаго кумыса и предлагаютъ его пассажирамъ. Крестьянки съ корзинками, наполненными грибами, снуютъ тутъ же.

Растерянно смотритъ на незнакомую ей обстановку Вавочка и пугливо жмется къ сторонѣ. Она никогда не была такъ близко къ народу. Она буквально боится его. Почти съ радостью кидается она на встрѣчу кондуктору, успѣвшему достать ея вещи. За нимъ два мальчика башкира тащутъ ея корзину и чемоданъ.

— Все готово, барышня, можно садиться,— говоритъ онъ и предупредительно ведетъ ее черезъ пассажирскую станціонную комнату, гдѣ грязно и душно, на плохенькій, деревянный перронъ.

Здѣсь еще болѣе грязно. Улицы и площадь станціоннаго поселка, гдѣ есть даже кумысная лечебница, но нѣтъ тротуаровъ, просто представляютъ собою какое-то мѣсиво грязи. У самаго крыльца стоитъ телѣга. На телѣгѣ сидитъ мужикъ и смотритъ на появившуюся Вавочку сонными глазами.

— Вы изъ Александровки?—спрашиваетъ Вавочка и почти съ ужасомъ косится на телѣгу.

— Оттелева мы,—апатично роняетъ мужикъ.

— Тогда отвезите туда мои вещи...—говоритъ она,— я, учительница. Ѣду служить въ Алексан-

*) Родъ шапочекъ.

ровку... Только вещи отвезите—я поѣду слѣдомъ за вами.

— На чемъ поѣдешь-то?—недоумѣвающе хлопаетъ глазами мужикъ.

— Какъ на чемъ?.. изумляется Вавочка, брезгливо поморщившись отъ этого обращенія съ нею на «ты»,—да развѣ тутъ нѣтъ коляски или... или..

Она неожиданно замолкаетъ.

Мальчишки—башкирята, очевидно, прекрасно понимающіе по русски, фыркаютъ отъ смѣха. Смѣется и апатичный мужикъ.

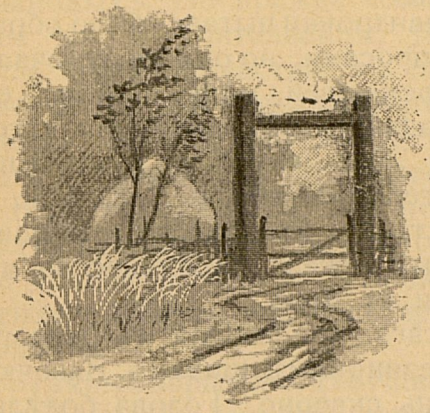
— Ишь ты, коляску ей надо... Што выдумала то... Нѣту здѣся ничаво, окромя телѣгъ,—заключаетъ онъ добродушно, уставившись своими сонными глазами въ лицо Вавочки.

— Ужъ извините, барышня, сѣрость здѣсь одна.—предупредительно поясняетъ кондукторъ, сразу проникнувшійся уваженіемъ къ изящной барышнѣ, давшей ему цѣлый рубль на чай.—Ужъ придется вамъ на телѣгѣ ѣхать...

— Эй, ты, малайка, — неожиданно прикрикиваетъ онъ на маленькихъ башкирятъ,—клади корзину на телѣгу и чемоданъ сзади наладь. Вотъ такъ. Садитесь, барышня, на корзиночку-съ, все-таки не такъ трясти будетъ.

И онъ помогъ взгромоздиться на телѣгу Вавочкѣ. Потомъ пожелалъ ей счастливаго пути и степенно скрылся въ помѣщеніи станціи.

Мужикъ хлестнулъ лошадь, башкирята, успѣвшіе разодраться отъ брошеннаго имъ Вавочкой двугривеннаго, закричали ей что-то вслѣдъ, и телѣга, громыхая, потащилась по густой, глубокой грязи вдоль улицы слободы.



ГЛАВА V.

Дорожныя впечатлѣнія.

РОѢХАЛИ станцію съ ея улицами и кумысным̀ъ курортомъ, крошечнымъ до наивности, съ рынкомъ на площади, съ маленькой церковкой-часовней и выѣхали въ поле.

До Александровки насчитывалось около семнадцати верстъ, какъ предупредительно заявилъ Вавочкѣ кондукторъ.

Вскорѣ исчезла станція, и голая степь представилась взорамъ дѣвушки.

Снопы кое-гдѣ еще желтѣли на этой гладкой, еще недавно красиво колеблющейся, какъ море, поверхности, теперь же ровной и обнаженной, кое-гдѣ успѣвшей порости невысокой травой. Группы хуторовъ мелькали справа и слѣва, притулившіяся въ лощинахъ среди высокихъ и низкихъ холмовъ, производившихъ сиротливое впечатлѣніе, своей затерянностью среди безбрежности степи...

Гдѣ-то далеко-далеко видимое сверкало съ высоты холма серебристой поверхностью озеро Иси-ля-куль, огромное, красивое, окруженное холмами.

Телѣга плясала и прыгала по широкой проѣз-

жей дорогѣ. И мысли Вавочки прыгали также съ одного предмета на другой.

Мужикъ изъ Александровки пытался было обращаться къ ней съ вопросами, но она не отвѣчала ему, притворяясь задремавшей, и онъ оставилъ ее въ покоѣ. Часто попадались имъ башкирскія телѣги съ желтолицыми „малайками“ на козлахъ въ своихъ засаленныхъ тебютейкахъ и халатахъ, а также и русскіе крестьяне, ѣхавшіе на станцію.

Проѣхали березовый пожелтѣвшій по осеннему лѣсъ и снова выѣхали въ поле.

Отъ толчковъ телѣги, привыкшая къ рессорнымъ экипажамъ и резиновымъ шинамъ, Вавочка чувствовала себя очень скверно. Голова болѣла, въ ушахъ стоялъ звонъ, а сердце щемило, щемило, не переставая.

И въ тысячный разъ вставали передъ Вавочкой мучительныя картины; смерть отца, ея отчаяніе, осторожные намеки знакомыхъ о томъ, что ей придется теперь служить... О, съ какимъ негодованіемъ отвергла она чье-то предложеніе принять мѣсто кассирши, потомъ гувернантки. Служить въ Петербургѣ, ей, Вавочкѣ, блестящей Вавочкѣ Рыдловой-Зарѣчной, на которую всѣ дивились, богатству которой завидовали, ей превратиться въ жалкую труженицу, работающую за гроши на виду всѣхъ прежнихъ ея знакомыхъ и друзей! Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Она скорѣе умретъ, нежели допуститъ это!

И вотъ былъ найденъ другой выходъ. Одинъ старичекъ сановникъ, занимавшій важный постъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, пріятель покойнаго Павла Дмитріевича, устроилъ Вавочкѣ мѣсто школьной учительницы въ глуши Уфимскихъ степей, въ ста верстахъ отъ города

Уфы, далеко отъ Петербурга и отъ столичныхъ знакомыхъ. Но прежде чѣмъ поступить на скромное мѣсто учительницы, Вавочка охотно приняла его. Къ счастью, въ дорогомъ пансіонѣ, гдѣ воспитывалась Рыдлова-Зарѣчная, былъ восьмой классъ, гдѣ преподавалось, какъ учить дѣтей, то-есть устраивались практическія занятія съ ними, и Вавочка была далеко не профанъ въ этомъ дѣлѣ, потому что училась она хорошо изъ того же самолюбія, чтобы не показаться окружающимъ менѣе развитой и незнающей, нежели ея сверстницы.

Такимъ образомъ, дѣвушка во всеоружіи своихъ знаній, могла теперь приступить къ нелегкому труду.

ГЛАВА VI.

Новая учительница.

А самомъ краю деревни Александровки, огороженная плетнемъ, въ сосѣдствѣ съ примыкавшимъ къ ней огородомъ, стояла школа.

Когда спутникъ Вавочки, громыхая телѣгой, подъѣхалъ къ низенькому, покосившемуся крылечку, сердце дѣвушки сначала дрогнуло, потомъ мгновенно замерло въ груди. Широкая, грязная улица, вдоль которой съ самымъ непринужденнымъ видомъ прогуливались свиньи, небольшія избы съ двухъ сторонъ, мутная запруда и мельница подальше, посреди деревни новенькая, повидимому только недавно отстроенная, церковь,—

все это показалось такимъ чужимъ и далекимъ испуганной непривычной новой обстановкой Вавочкѣ.

Мужикъ-возница привязалъ лошадь съ телѣгой къ плетню, схватилъ корзину дѣвушки и потащилъ ее на крыльцо. Въ эту минуту изъ сѣней выскочилъ вертлявый старичокъ съ ногой на деревяшкѣ и, ковыляя, поспѣшилъ на встрѣчу Вавочкѣ. На немъ была старенькая, порыжѣвшая отъ времени солдатская куртка, и мѣдный орденъ рядомъ съ медалью болтался на груди.

— Здравія желаю, барышня!—не то шутливо, не то ласково, привѣтствовалъ онъ Вавочку, вытягиваясь по военному во фронтъ и, окинувъ ее внимательнымъ взоромъ, добавилъ мягко:

— Ну, давай Богъ! Давай Богъ! Только штойто словно нездоровенькая вы, барышня, да и...—онъ не договорилъ, скользнулъ взглядомъ по траурной шляпкѣ и черному вуалю вновь прибывшей и, казалось, понялъ все. Лаской зажглись старые глаза Вавилыча, какъ звали ветерана—сторожа. Въ первую минуту эта тоненькая, нарядная, несмотря на трауръ, барышня показалась ему какой-то городской модницей «фрей», какъ привыкъ называть такого рода нарядныхъ госпожъ Вавилычъ, и толку отъ такой «фри» для школы, по мнѣнію Вавилыча, быть не могло. А школу свою Вавилычъ любилъ до безумія. Двадцать пять лѣтъ сторожилъ, онъ эту школу. Послѣ Турецкой войны помѣстили его сюда сторожемъ, чуть успѣвшаго поправиться послѣ ампутаціи ноги, раненой подъ Плевной. Здѣсь, въ этой школѣ, тихо и мирно протекла жизнь стараго солдата. Не мало учительницъ перемѣнилось въ его бытность здѣсь. Однѣ повышли замужъ, другія бѣжали отъ дере-

венской скуки, а онъ все жилъ да поживалъ въ крошечной коморкѣ, пристроенной въ сѣняхъ школы и носившей громкое названіе «сторожки».

— Пожалуйте, сюда пожалуйте, барышня-матушка!—говорилъ онъ, предупредительно забѣгая впередъ съ чемоданомъ Вавочки въ рукахъ, и толкнулъ какую-то дверцу.

На Вавочку пахнуло затхлымъ запахомъ давно не занимаемаго помѣщенія. Она переступила порогъ небольшой комнатки съ убогой кроватью въ углу, съ хромымъ столомъ, подпертымъ чуркой, съ единственнымъ стуломъ у окна. Маленькое оконце выходило въ огородъ, принадлежащій, очевидно, школѣ, по которому съ важнымъ видомъ разгуливалъ съ двумя пестрыми курами, одноглазый, весьма боевого вида пѣтухъ.

Вавилычъ подмѣтилъ измученное выраженіе безысходной тоски въ глазахъ новой учительницы и заговорилъ еще мягче:

— Обживетесь, барышня, попривыкните, у насъ ничего, слава Богу, достатки есть... И курочки, и свинки, и самоваръ даже отъ прежней учительши за полтину оставленъ... Въ огородикѣ опять огурчики вамъ и капустка... Все, какъ у людей, матушка вы моя... Это вѣрно, съ первоначалу-то, какъ быдто и неловко, а попривыкнете—весело станетъ... Вѣрно говорю. Дай-кось я вамъ самоварчикъ поставлю. И онъ заковылялъ въ сѣни на своей деревянной ногѣ.

Подавивъ тяжелый вздохъ, готовый было вырваться изъ груди, Вавочка вынула кошелекъ, расплатилась съ возницей, и когда тотъ ушелъ, шлепая босыми ногами, снова подошла къ окну.

Такъ вотъ какова та глушь, гдѣ ей суждено схоронить ея молодость, ея лучшіе ранніе годы!

Безъ людей, безъ дружеской ласки, безъ поддержки и любви!..

Она схватилась за голову, машинально опустилась на стулъ, единственный въ комнатѣ, и глухо, судорожно зарыдала. Сердце ея рвалось отъ горя и тоски. Чужія мѣста, незнакомые люди, чуждая ей, убогая обстановка, да развѣ она вынесетъ на себѣ это страшное бремя, взваленное ей на плечи жестокой судьбой?!

— Папа! Папа! Зачѣмъ ты умеръ! Зачѣмъ! Зачѣмъ! стонало, рыдало и билось въ ея груди.

Ей чудилось, что сердце разорвется въ этотъ мигъ, что она задохнется сейчасъ, что умретъ сію минуту и ей казалось теперь болѣе всего желанною—смерть.

— Школьная деревенская учительница! Деревенская учительница! Да развѣ она знаетъ школу, деревню, дѣтей? Развѣ знаетъ этихъ самыхъ крестьянъ, съ которыми ей придется провести всю ея длинную жизнь? Нѣтъ, она, не знаетъ ихъ! Она просто боится ихъ, она—проводившая зиму въ городѣ, лѣто въ дачномъ курортѣ или за границей. Со словомъ крестьянинъ ей всегда представлялось что-то до нельзя грязное, грубое, съ черными ногтями, съ бородатымъ страшнымъ лицомъ.

И вотъ теперь... Она уже не рыдала больше, а тихо, тихо, жалобно всхлипывала, уронивъ голову на столъ.

Вдругъ чье-то осторожное прикосновеніе къ плечу заставило ее вскочить съ мѣста... Она подняла кверху залитые слезами глаза... Передъ ней стоялъ калѣка сторожъ.

Его морщинистое лицо съ длинными, отвислыми сивыми усами, съ покрытымъ щетиной подбород-

комъ сочувственно глядѣло на нее. Красноватые слезливые глазки ласково смотрѣли въ ея затуманенные слезами глаза.

— Барышня-матушка, не плачьте болѣзная, тосковать да плакать не хорошо. Глазки испортите, а сердце не облегчите. Вѣрьте мнѣ, старику. Вотъ чайку попьете—убираться станемъ, я вамъ кроватку налажу, сѣнцомъ подстилку набью, первый сортъ перина будетъ... Потомъ на оконце занавѣсочку, все чинъ чиномъ, помаленьку... Вотъ смотришь и хорошо... Еще какъ заживете-то... Ровно пташечка... Ребята у насъ въ школѣ не худые какіе, съ толкомъ. Вѣрно, поозорничаютъ когда, да съ кѣмъ грѣха не бываетъ—извѣстное дѣло—дѣти... Постойте-ка, я вамъ самоварчикъ принесу... Готовъ онъ у меня, кипитъ.

— Нѣтъ, спасибо, я не хочу чаю,—слабо протестовала Вавочка.

— Какъ можно безъ чая?.. И чаю, и похлебать чего горяченькаго вамъ устрою. Щецъ вчерашнихъ у меня малая толика осталась,—засуетился на своей деревяшкѣ старикъ.

Но и отъ щецъ, какъ и отъ чая, отказалась Вавочка. Она попросила только развязать ей корзину и чемоданъ.

Старикъ Вавилычъ засуетился еще больше, пошелъ за сѣномъ, набилъ имъ, оставшійся отъ прежней учительницы, убогій чахолъ и устроилъ изъ него родъ перины на узкой желѣзной кроватѣ. Потомъ все-таки подогрѣлъ вчерашніе щи въ крошечной кухонькѣ и, несмотря на всѣ протесты Вавочки, уговорилъ таки «отвѣдать» его стряпни.

И странное дѣло... Утомившаяся за длинную дорогу и тяжелыя впечатлѣнія, Вавочка поѣла и щей и чернаго ржаного хлѣба, несмотря на то,

что въ городѣ привыкла къ самымъ изысканнымъ, французской кухни блюдамъ. Старикъ Вавилычъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что новая учительница не брезгаетъ его хлѣбомъ-солью.

Эта новая учительница своимъ убитымъ грустнымъ личикомъ расположила теперь къ себѣ сердце старика. Глядя на траурную одежду Вавочки, старый ветеранъ понялъ, что какое-то тяжелое горе легло камнемъ на сердце дѣвушки. Но разспрашивать побоялся чуткій старикъ, зная по опыту своей долгой жизни, что лучше не приступать къ ранѣ, которая почти что еще не затянулась.

Покушавъ и отдохнувъ немного, Вавочка вышла въ садъ... Солнце уже спускалось къ горизонту. Тепло пышной южной осени спадало понемногу. Изъ степи въ деревню гналъ стадо пастухъ. Блеяли овцы, мычали коровы... Возвращались крестьяне съ поля... гдѣ убирали оставшіеся стоги запоздалаго сѣна. Бѣжали босоногіе ребятишки, въ рваныхъ рубашенкахъ... Длинный кнутъ пастуха острымъ, хлесткимъ звукомъ покрывалъ шумъ возвращавшагося стада.

Около школы подъ плетнемъ на заваленкѣ сидѣлъ Вавилычъ и оживленно говорилъ что-то толпившимся вокругъ него бабамъ. По тому, какъ внимательно поглядывали бабы на дверь школы, Вавочка поняла, что рѣчь шла о ней. Эти пестро и бѣдно одѣтыя женщины съ коричневыми отъ загара лицами, повязанныя платками, съ подогнутыми юбками и босыми ногами, внушали Вавочкѣ какой-то почти суевѣрный ужасъ. Ихъ грязныхъ подогнутыхъ юбокъ, грубыхъ голосовъ и коричневыхъ отъ загара лицъ боялась она. Каково же было недоумѣніе и испугъ дѣвушки, когда позднѣе вечеромъ Вавилычъ приковылялъ

къ ней на огородъ, издали махая руками и возбужденно крича:

— Пожалуйте, матушка... Бабы пришли, гостинчика вамъ принесли... Повидать васъ желаютъ, барышня.

Съ непріятнымъ ощущеніемъ подошла Вавочка къ плетню... За нимъ стояло нѣсколько бабъ, съ откровеннымъ любопытствомъ дикарокъ разглядывавшихъ ее. Ихъ было человѣкъ восемь. Въ рукахъ у стоявшей впереди другихъ старухи, увязанная въ темный платокъ, какъ въ узелъ, кудахтала черная курица. Другая женщина держала лукошко съ пяткомъ свѣжихъ яицъ. Въ свернутомъ изъ древесной коры фунтикѣ пестрѣли молодые грибы въ рукѣ третьей бабы.

Когда Вавочка подошла къ нимъ, всѣ восемь бабъ низко поклонились ей въ поясъ. Потомъ старуха съ курицей выдвинулась впередъ.

— Не побрезгай на гостинчикѣ нашемъ, проговорила она,—матушка барышня, какъ звать то тебя не знаемъ...

— Варвара Павловна, — тихо отозвалась Вавочка.

— Варвара Павловна, не побрезгай, значитъ,— еще разъ низко въ поясъ поклонилась старуха и протянула курицу растерявшейся, опѣшившей Вавочкѣ.

— За что же это? За что—растерянно лепетала та.

— Ты нашихъ ребятишекъ уму-разуму учить станешь, а мы тебя за это побаловали малость,— проговорила другая баба помоложе и сунула въ руки Вавочки лукошко съ яйцами.

— Ишь ты, щупленькая какая... Да больно грустная штой-то,—выступила третья съ корзинкой грибовъ,—аль померъ кто?

*

— Отецъ умеръ,—глухо отозвалась Вавочка.

— Ишь ты болѣзная... То-то гляжу я, съ личика спамши и въ черномъ вся, быдто по покойничку. Што подѣлать, отъ Господа все протерпѣть надоть... У меня у самой мужикъ о весну померъ... Ребятишекъ сиротами оставилъ. Малъмала меньше... Ничего не подѣлаешь, терпѣть надоть... Ишь ты, больно гораздъ молодешенька... Жалко, не то вздохнула, не то всхлипнула баба.

Вздохнули за нею и всѣ остальныя. Жалостными глазами глядѣли онѣ на Вавочку, и Вавочкѣ уже не казались такими страшными ихъ коричневыя лица и грубыя одежды.

Подошедшій вмѣстѣ съ Вавочкой Вавилычъ сталъ отбирать у бабъ принесенные гостинцы, шутливо приговаривая:

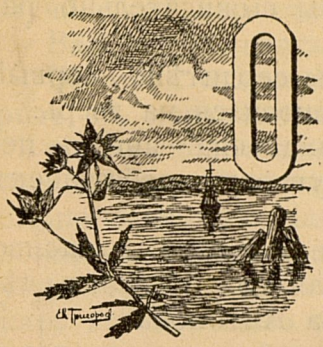
— Ну, ужъ давай, коли принесли, не назадъ же тащить имъ подарки ихніе. Принимайте, барышня.

Вавочка смущенно поклонилась бабамъ, поблагодарила ихъ и пошла въ сѣни.

А бабы еще долго стояли у плетня и разсуждали со сторожемъ Вавилычемъ о диковинной учительшѣ.

Такой «учительши» они еще не видали во всю свою небогатую событіями жизнь.

Красивая, грустная, какъ куколка изящная и хрупкая, въ дорогомъ моднаго покроя платьѣ, Вавочка произвела глубокое впечатлѣніе на деревенскихъ бабъ.



ГЛАВА VII.

Первый урокъ.

СЕННЕЕ, но яркое октябрьское солнце заглянуло въ окно школы. Заглянуло, засмѣялось, раздробилось на цѣлый снопъ лучезарныхъ сіяній, бѣлыми зайчиками побѣжало по некрашеннымъ стѣнамъ классной, куда осторожно, шлепая босыми ногами, входило около тридцати мальчиковъ и дѣвочекъ, возрастомъ приблизительно съ девяти до четырнадцати лѣтъ. Въ старыхъ, но старательно заплатанныхъ рубашенкахъ и сарафанахъ, съ вихрастыми, бѣлокурыми головенками они съ веселымъ гомономъ размѣщались по своимъ мѣстамъ.

— Здравствуй, дѣдушка Вавилычъ,—бодро и радостно здоровались они со сторожемъ.

— Чего ноги не вытираешь! Ишь наслѣдили какъ, убирай за вами тутъ! Озорники! Право слово, озорники,—добродушно заворчалъ на свою команду старикъ.

— Дѣдушка, а ты учительшу видѣлъ? — послышался подлѣ него смѣлый звонкій голосокъ Антипки, старостинаго сына, бойкаго шалуна мальчика, любимца прежней учительницы.

— Видалъ, паренекъ. Она вечоръ прикатила. Большая, большая, толстая, претолстая, што твоя тумба, старая и злая, какъ бабка Аграфена,—дѣлая страшные глаза, произнесъ Вавилычъ.

Ребятишки притихли.

Полѣзли рученки въ бѣлокурыя головы, глаза округлились отъ страха, рты выжидательно раскрылись.

— Чай, Марьи Михаловны сердитѣй?—первый очнулся Антипка и робко покосился на дверь.

— Куды тебѣ, Марья Михаловна—ангелъ передъ эвтой, — шутливо запугивалъ ребятишекъ Вавилычъ.

— Драться будетъ, — неожиданно плаксиво протянула Анютка, худенькая голубоглазая дѣвушка, дочь бывшаго солдата Антонова.

— Вѣстимо будетъ,—не задумываясь, подтвердилъ трусливо Ванюша, вихрастый карапузъ лѣтъ десяти.

— А я такъ горазно...—началъ было косенькій мальчуганъ съ умнымъ быстрымъ подвижнымъ личикомъ Степа Рябининъ и не докончилъ начатой фразы. Въ классную вошла Вавочка. Она смѣнила свое строгое черное траурное платье на темную же барежевую легкую юбку и свѣтлую кофточку моднаго покроя. Но и въ этомъ простенькомъ нарядѣ она казалась такой изящной, важной и красивой. Въ первую минуту, при видѣ Вавочки, дѣти остолбенѣли. Судя по описанію Вавилыча, совсѣмъ иное ожидали увидѣть они.

— Ишь ты, франтиха то какая,— не удержался, чтобы не шепнутъ Антипка... Другія дѣти, услыша это, тихонько прыснули. Этотъ смѣхъ заставилъ покраснѣть отъ обиды Вавочку.

— Эй, вы, здоровкаться надо, што рты пораскрыли,—накинулся съ дѣланною суровостью на дѣтей Вавилычъ и тутъ же прибавилъ мягко, обращаясь къ Вавочкѣ:—вы бы ихъ хорошенько приструнили, барышня, что въ самомъ дѣлѣ! Тише вы, команда, смирно сидѣть!—снова прикрикнулъ

онъ на дѣтей и заковылялъ изъ классной, дробно стуча своей деревяшкой о полъ.

Вавочка осталась одна съ дѣтьми.

Большая свѣтлая комната съ окнами на огородъ, съ портретомъ Государя противъ двери, съ грубо сколоченными черными скамьями передъ такими же столиками и тридцать, частью совершенно льняныхъ, частью русыхъ и темныхъ головенокъ, тридцать паръ, съ жаднымъ вниманіемъ устремленныхъ въ ея лицо, глазъ, Великій Боже, какъ все это было чуждо и ново для хорошенькой избалованной столичной жизнью дѣвушки!

Дѣти съ внимательнымъ любопытствомъ разглядывали Вавочку,—Вавочка дѣтей. Наконецъ глаза ея встрѣтились съ проницательнымъ взглядомъ Антипки.

— Ну, прочти мнѣ какое-нибудь стихотвореніе, какое знаешь,—произнесла Вавочка по адресу мальчика.

Антипка встрепенулся.

— Стишки сказать? Ладно... поднимаясь со своего мѣста, отозвался тотъ и, быстро переступая босыми ножонками, вышелъ на середину классной:

Зима. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью, какъ нибудь.

Зазвенѣлъ его высокій звучный дѣтскій голосъ.

Подъ эти звучныя нотки Вавочка забылась, и снова предстали передъ ея глазами картины недазняго прошлаго, картины счастливой жизни ея у отца.

Исчезла убогая школа, исчезли внимательно

приподнятыя головенки дѣтей, исчезъ старательно отбарабанивавшій стихи Антипка.

Вавочка сидѣла грустная, печальная, съ задумчиво устремленнымъ вдаль взоромъ.

— Штой-то учительша ровно какъ блажная у насъ, шептались между собою присмирѣвшія дѣтишки. Они такъ привыкли къ недавно вышедшей замужъ Марьѣ Михайловнѣ, бывшей учительницѣ, просто, по товарищески обращавшейся съ ними, такой близкой и доступной ихъ пониманію. Аэта холодная, гордая «барышня», такою непонятной и чужою казалась имъ!

Но вотъ встрепенулась «барышня», точно проснулась.

— Ага, ты кончилъ... ступай на мѣсто, — небрежно кивнула она Антипкѣ головою.

Тотъ обидѣлся. Стихи онъ, Антипка, отвѣчалъ прекрасно, и старая «учительша» навѣрное-бы похвалила его за такой отвѣтъ, а эта... И разобиженный Антипка пошелъ на мѣсто, шмыгая носомъ. По дорогѣ, чтобы какъ-нибудь вылить накопившуюся у него злобу, незамѣтно смазалъ по бѣлобрысой головенкѣ карапуза Ванюшу. Тотъ, неожидавшій подобнаго вѣроломства, тутъ же съ мѣста разревѣлся на весь классъ.

Вавочка окончательно очнулась.

Этотъ неожиданный ревъ возвратилъ ее къ дѣйствительности.

— Тише! Стыдитесь такъ вести себя на первомъ же урокѣ!—произнесла она сквозь зубы, брезгливо взглянувъ въ сторону хныкавшаго Ванюши.

Этотъ презрительный взглядъ, эти холодныя, съ враждебнымъ выраженіемъ слова, заставили разомъ насторожиться ея босоногихъ учениковъ и ученицъ.

Старая учительница часто бранила не въ мѣру расшалившихся шалуновъ, случалось порой ставила ихъ и въ уголъ, но дѣти любили ее. Любили за простое, ласковое, чисто материнское отношеніе къ нимъ. Марья Михайловна хорошо знала деревню, сама будучи дочерью бѣднаго деревенскаго священника, чувствовала себя совсѣмъ за панибрата со всѣмъ этимъ бѣднымъ, рваным, по большей частью, голоднымъ людомъ.

Въ душѣ же Вавочки, помимо ея собственнаго желанія, проглядывало что-то враждебное ко всему этому простому темному народу.

И дѣти на видъ глупенькія, несмышленныя дѣти, скорѣе инстинктивно, нежели сознательно, поняли это враждебное къ нимъ чувство чужой и нарядной учительницы.

— Ишь ты, фря какая, рѣшилъ вслухъ тономъ, не допускающимъ возраженій, Антипка, когда въ перемѣну между уроками они всѣ высыпали шумной ватагой въ огородъ.

— А тоненькая какая, ровно червякъ, — вставила свое слово худенькая робкая Анюта.

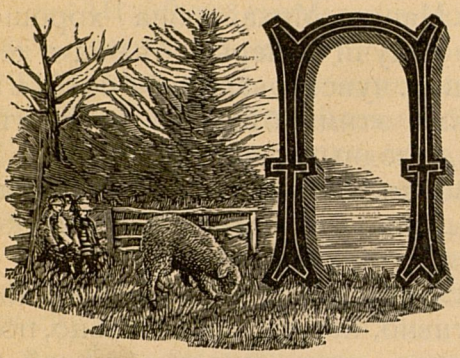
— Червякъ и есть. А ужъ и злющая, по всему видать,—заключилъ кто-то изъ старшихъ мальчиковъ.

— Тише вы, глупые, не услыхала бы — бѣда будетъ... Ишь у нея глаза-то злые какіе, — предупредительно зашептала высокая, круглолицая Груня, дочь деревенскаго псаломщика.

— За уши отдеретъ, — испуганно бросила Анютка.

— За уши што—тятькѣ пожалится—хуже будетъ!—наставительно замѣтилъ Антипка, и вся веселая, свободная отъ классныхъ занятій, ватага разомъ притихла, искоса поглядывая на дверь

школы, откуда должна была появиться строгая учительница.



ГЛАВА VIII.

Безъ призванія.

ПРОШЛО два мѣсяца.

Изъ желта сѣрая, соженная жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, степь покрылась сплошною пушистою пеленою снѣговыхъ сугробовъ. Прихотливо и пышно разукрасилъ ее проказникъ морозъ. Нарядилъ во все бѣлое деревья и избы, заковалъ обычно мутную запруду у мельницы крѣпкимъ изъ сине-хрустальнымъ льдомъ... Инеемъ запушилъ березы и ветлы на школьномъ огородѣ и самой школѣ придалъ красивый, нарядный, праздничный видъ.

Стояли сумерки. Бѣлая степь, съ ея темными пятнами хуторовъ теряла понемногу свои опредѣленныя четкія очертанія, пугая запоздалыхъ путниковъ своей необъемлемо громадной пустотой.

Вавочка сидѣла у замерзшаго оконца и смотрѣла въ степь. Кое-гдѣ по избамъ уже замелькали рѣдкіе огоньки... Въ церковномъ домикѣ, гдѣ жилъ съ женою бездѣтный старый священникъ, тоже зажгли лампу, и ея яркій свѣтъ дерзко прорѣзалъ темноту улицы.

Вавочка смотрѣла на эту улицу и думала невеселую думу.

За эти два мѣсяца, проведенные въ деревушкѣ,

она еще болѣе убѣдилась, какъ мало подходитъ она къ ея обитателямъ, какъ мало общаго у нея съ семьями Александровскихъ мужиковъ. Непреодолимая тоска грызла дѣвушку. Сегодняшній темный, глухой вечеръ особенно способствовалъ этой тоскѣ. Осенью, когда послѣднія ласки умирающаго бабьяго лѣта *) позволяли прогуляться по степи или въ ближайшей жидкой березовой рощицѣ, позади мельницы съ ея запрудой, Вавочка чувствовала себя нѣсколько лучше наединѣ съ засыпающей осенней природой, вдали отъ тяжелой деревенской обстановки, которая такъ угнетала ее. Но теперь, когда ей стало особенно грустно и невыносимо—нельзя, какъ нарочно, было даже и помыслить пройтись по степи. Все бѣло кругомъ. Все застлано густымъ и сверкающимъ покровомъ снѣга. И поневолѣ приходилось сидѣть, пригорюнившись подъ окнами, выходящими на улицу и огородъ. Сегодня, какъ нарочно, особенно тяжело ей,—Вавочкѣ. Сегодня въ классѣ нашумѣлъ кто-то изъ дѣтворы. Ей показалось, что это былъ Антипка, самый безпокойный и шаловливый изъ учениковъ и она наказала Антипку, поставивъ его на время урока въ уголъ. Тогда поднялась со своего мѣста худенькая Анютка и заявила, что Антипка не виноватъ.

Ей, Вавочкѣ, показалось это дерзостью и она выгнала Анютку изъ класса въ сѣни, гдѣ дѣвочка и простояла на холодѣ цѣлый часъ. Остальныя дѣти, не смѣя вступиться за наказанныхъ, глухо шептались и роптали, кидая враждебные взоры на нее. До слуха Вавочки долетѣло прозвище «червякъ», которымъ называли ее школьники.

*) Середина сентября.

Злая и возбужденная закончила она кое-какъ урокъ, и распустила ранѣе времени по домамъ свою школу. Сама же, отказавшись отъ обѣда, состряпаннаго ей Вавилычемъ, ушла сюда. И здѣсь, въ своей крошечной комнаткѣ, прежнія докучныя мысли крылатымъ роемъ закружились у нея въ головѣ. Боже Великій! Какою несчастной казалась самой себѣ теперь Вавочка!

Всюду, мнилось дѣвушкѣ, были вокругъ нея враги! Она видѣла эту вражду и въ лицѣ ребятишекъ, хмуро изъ-подлобья поглядывавшихъ на нее, и въ обиженно-суровыхъ лицахъ мужиковъ и бабъ, встрѣчавшихъ ее на улицѣ, и въ улыбкахъ священника и его жены, къ которымъ почему-то не пошла со дня своего пріѣзда Вавочка, и въ добродушной воркотнѣ Вавилыча; всюду чудилось ей та же непріязнь и вражда. Даже Вавилычъ, казалось, относился къ ней особенно предубѣжденно. Сама Вавочка забыла, должно быть, какъ гостепріимно и добродушно встрѣтилъ ее два мѣсяца тому назадъ старикъ—ветеранъ. Но она своимъ рѣзкимъ гордымъ отношеніемъ сразу поставила на «свое мѣсто», какъ сама себѣ не безъ удовольствія замѣтила Вавочка, черезъ чуръ, по ея мнѣнію, болтливаго и навязчиваго старика—сторожа.

И вотъ пересталъ добродушно болтать съ нею обиженный Вавилычъ и Вавочка теперь уже окончательно замкнулась въ себѣ.

Еще стемнѣло. Новые огоньки зажглись въ избахъ. Легкая дрема окутала грустную головку Вавочки. Она уронила ее на спинку стула, и не то задремала, не то забылась въ этотъ тихій, вечерній часъ. Сколько времени спала она,—Вавочка не помнитъ. Но она разомъ вскочила на

ноги, услыхавъ громкое всхлипываніе и чей-то причитывающій голосъ въ сѣняхъ.

— Пусти, батюшка, пусти, родимый! Вѣкъ буду Бога молить—ясно донесся до ея ушей взволнованный, вздрагивающій отъ рыданій женскій голосъ.

— Да нельзя, тетка, сказано нельзя... Отдыхаетъ, чай, теперь... Осерчаетъ, коли што... Вѣдь ни Марья Михаловна энто... Королева. Сама небось знаешь, нашу-то... отвѣчалъ сдержанно и тихо, но все-же слышно осторожный голосъ Вавилыча.

— Знаю, вѣстимо знаю, родненькій,—запричиталъ снова плачущій голосъ, да какъ же быть-то?... Коли ждать, когда проснется «сама» то, чего добраго помретъ Анютка.

При этихъ словахъ Вавочка вздрогнула.

— Умретъ? Кто умретъ?.. Анютка? Какая Анютка?—вихремъ завертѣлась, тревожно работая, мысль.

И проворно, накинувъ на себя теплую шаль, она вышла въ сѣни. Едва ея воздушная, худенькая фигурка появилась здѣсь, какъ какая-то закутанная въ полушубокъ и платокъ женщина съ громкими воплями повалилась ей въ ноги.

— Матушка-барышня! Голубушка родная, запричитала она, охватывая руками Вавочкины колѣни—смилуйся, красавица... Не откажи, матушка... Къ ней... къ Анюткѣ моей... пойдемъ... Не въ себѣ Анютка... горитъ, какъ въ огнѣ... Матушка, дойди до насъ... Родная... Ты ученая... Все, поди, знаешь... Погляди Анютку-то... Помираетъ Анютка! Пойдемъ со мной, яви, такую Божескую милость, барышня!

И баба завыла уже въ голосъ, покрывая поцѣлуями и слезами тоненькія ручки Вавочки. Послѣдняя старалась всѣми силами вырваться изъ

рукъ обезумѣвшей отъ горя и испуга женщины. Крестьянка подняла на нее свое заплаканное взволнованное лицо и при тускломъ свѣтѣ жестяной лампочки Вавочку поразило что-то знакомое въ чертахъ женщины.

Вдругъ она ясно вспомнила, что видѣла и не разъ это худенькое лицо, эти большіе измученные голубые глаза, эти строгія брови у себя въ классѣ. Анютка, дочь солдата Антонова, была вылитая мать.

И вспомнивъ голубоглазую худенькую Анютку, Вавочка вздрогнула всѣмъ тѣломъ!

— Она, Анютка, ея ученица больна, при смерти, умираетъ... Можетъ быть, умерла уже, а она-то, Вавочка, еще сегодня утромъ наказала эту самую Анютку, заставивъ ее пробыть цѣлый часъ въ одномъ ситцевомъ платьишкѣ въ холодныхъ, нетопленныхъ сѣняхъ. Что, если вслѣдствіе этого и заболѣла дѣвочка, и умираетъ теперь? И, вся дрожа отъ охватившаго ее волненія, Вавочка спросила женщину упавшимъ до шопота голосомъ:

— Когда она заболѣла, Анютка?

— Да утрась заболѣла еще, матушка... И вчерась, словно тебѣ невеселая была... Я то, грѣшница, чаяла отойдетъ въ школѣ-то, анъ гораздъ послѣ того хуже стало. Домой пришла, што твой кумачъ, лицо красное... Страсти Божіи! За духторомъ, сама знаешь, гдѣ ужъ намъ, въ Давлеканово ѣхать... Да и не найтить тамъ духтора-то, пока найдешь — помретъ, не приведи Господи, Анютка-то... И баба снова завыла тѣмъ жалобнымъ протяжнымъ воемъ, какимъ плачутъ по покойникамъ въ деревняхъ.

— Ну, ладно ужъ, ладно! Будетъ. Поревѣла и будетъ...—добродушно похлопывая ее по плечу,

произнесъ Вавилычъ,—пойдетъ съ тобой барышня, лечить твою Анютку, не реви только, пойдетъ!

— Какъ пойдетъ?—чуть было не въ голосъ крикнула Вавочка и вся вытянулась, какъ подъ ударомъ хлыста... И вмигъ гвоздемъ врѣзалась ей въ мозгъ страшная мысль:—а вдругъ у Анютки заразное что-нибудь? Тифъ... корь... скарлатина, оспа... Особенно оспа... И вдругъ заразится она—Вавочка, схватитъ оспу... Умретъ... А если не умретъ, то на всю жизнь будетъ носить слѣды этой страшной болѣзни въ видѣ безобразныхъ рябинъ на лицѣ и тѣлѣ...

О это ужасно! Ужасно!

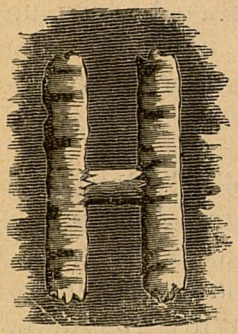
— Не хочу идти! Никуда, не пойду! Оставьте меня въ покоѣ,—хотѣлось крикнуть Вавочкѣ... хотѣлось заплакать.. Но въ ту самую минуту, когда и страхъ, и гнѣвъ и злоба на ни въ чемъ неповинную крестьянку охватили душу дѣвушки, передъ нею, словно изъ тумана, выплыли холодныя, темныя, сырыя сѣни и маленькая жалкая фигурка дѣвочки въ одномъ рваномъ ситцевомъ платьѣ, притулившаяся въ углу...

Вся вздрогнула отъ ужаса Вавочка. О, она не хотѣла быть жестокой сегодня, она выгнала подъ впечатлѣніемъ охватившаго ее гнѣва Анютку лишь на одинъ мигъ изъ классной и позабыла о ней. А больная дѣвочка цѣлый часъ простояла тамъ, трясясь отъ холода. И теперь она больна... при смерти... умираетъ!.. Что-то болѣзненно тисками сжало сердце Вавочки, ударило ей въ голову острыми тяжелыми молотками, подкатилось судорожнымъ клубкомъ къ горлу и стиснуло его изо всѣхъ силъ. Руки и ноги Вавочки похолодѣли отъ волненія... Она едва удержалась на ногахъ и, вся дрожа отъ охватившаго ее мучительнаго порыва,

схватила за руку мать Анютки и произнесла поспѣшно срывающимся голосомъ:

— Идемте! Ради Бога... скорѣе... А то поздно будетъ... Скорѣе! Скорѣе, идемъ къ ней!

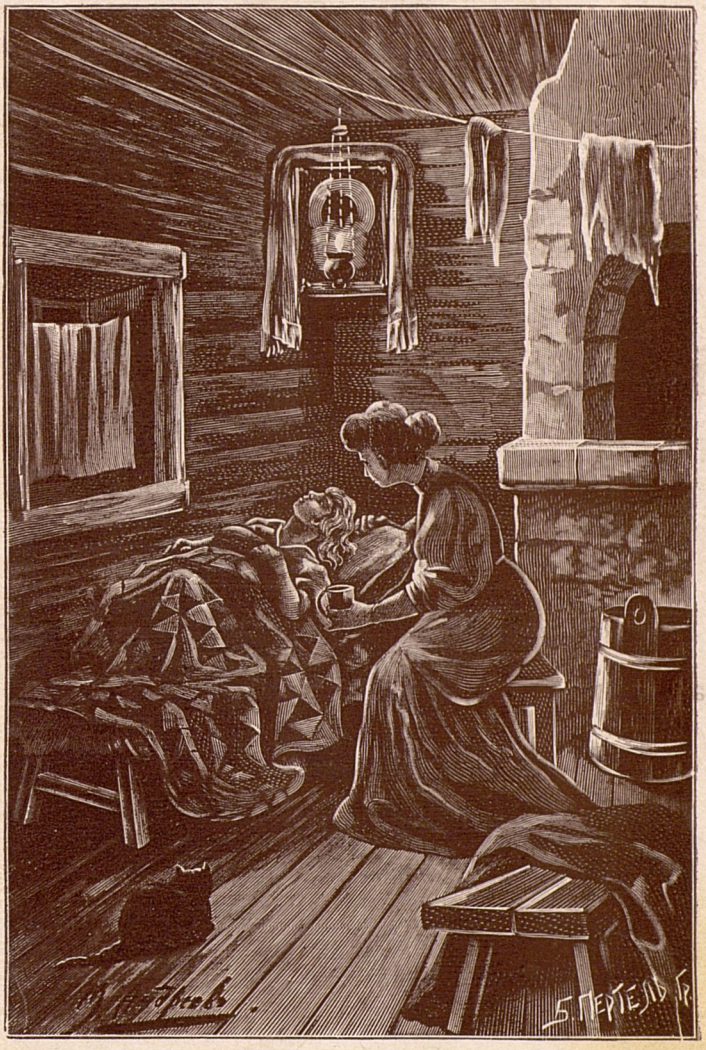
И Вавочка, какъ была въ одномъ платьѣ, чуть прикрытая шалью, выбѣжала на улицу.



ГЛАВА IX.

Перерожденіе.

ОЧЬ... тихо мерцаетъ лампада въ углу передъ ветхимъ, почти что стертымъ отъ времени ликомъ Спасителя... На печкѣ, за ситцевымъ пологомъ вздыхаетъ во снѣ только что задремавшая Марья, мать Анютки. Отца нѣтъ дома. Онъ еще съ вечера отправился въ Давлеканово за лекарствомъ. Къ утру будетъ обратно. Дорога не шуточная,— надо сдѣлать туда и обратно около сорока верстъ: не мало времени пройдетъ пока онъ вернется домой. Анютка разметалась по лавкѣ, поверхъ свалявшагося уже стараго сѣнника. Подъ головой дѣвочки соломенная подушка въ неопрятной наволочкѣ изъ краснаго кумача. Пестрое, сшитое изъ ситцевыхъ обрѣзковъ, одѣяло покрываетъ худенькое тѣльце больной. Ея огромные глаза широко раскрыты и сверкаютъ дикимъ, лихорадочнымъ огнемъ... Щеки пышутъ жаромъ... Тѣло, покрытое красною сыпью, пылаетъ, какъ жарко затопленная печь. Бѣлокурая головенка мечется по подушкѣ



— Пить... водицы... испить бы!.. (Къ стр. 209).

и ссохшіяся отъ жара, потрескавшіяся губки произносятъ по временамъ глухо и невнятно:

— Пить... водицы... испить-бы!

Хотя глаза Анютки открыты, но она почти все время находится въ забытьи: ничего не слышитъ и не понимаетъ. Она только дико таращитъ зрачки на пріютившуюся подлѣ нея на табуретѣ Вавочку и по временамъ пугаетъ ее своимъ дикимъ испуганнымъ крикомъ:

— Кто ты? Уйди, уйди! Не надо тебя! Не надо! Мамку хочу! М-а-а-мку.

И такъ восемь сутокъ... Восемь дней и ночей мечется въ жару и бреду Анютка.

Отецъ съ матерью совсѣмъ уже сбились съ ногъ. Посылали за докторомъ въ Давлеканово. Докторъ долго выстукивалъ и выслушивалъ слабенькую, запавшую грудь дѣвочки, долго покачивалъ головою и, обращаясь къ Вавочкѣ, не отходившей ни на шагъ отъ Анютки, произнесъ:

— Везти въ больницу нельзя... Простудимъ дорогой... А безъ ухода тоже нельзя оставить никакъ. Отъ умѣлаго и тщательнаго ухода зависитъ исходъ болѣзни и спасенье. Леченіе я вамъ все подробно растолкую... Главное регулярный уходъ и своевременные пріемы лекарства. Тогда еще можно попытаться спасти ребенка... Но скрою, она очень опасна... плоха... Навряд ли выживетъ... У нея... Тутъ докторъ назвалъ латинскимъ терминомъ особенно тяжелую форму серьезной, заразной болѣзни.

Вавочка блѣдная какъ смерть послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ у ложа больной, не испугалась на этотъ разъ ни возложенной на нее добровольной обязанности сидѣлки и доктора, ни близкой возможности самой захва-

тить болѣзнь дѣвочки. Одна только мучительная мысль сверлила усталый мозгъ Вавочки, точила его, не переставая... Ужасная мысль!

— Изъ-за меня больна Анютка! Изъ-за меня умретъ! Надо спасти ее! Во чтобы то ни стало спасти, повторяла сама себѣ взбудораженная и трепещущая душа Вавочки.

Забывъ и про школу и про свои обязанности учительницы, забывъ про ѣду и сонъ, Вавочка горячо отдалась тяжелому дѣлу ухода за трудно больной.

Всходило и заходило блѣдное зимнее солнце, рождался и умиралъ печальный зимній день, наступала ночь, черная и непроглядная, наступала и проходила, а Вавочка все не покидала ни на минутку постели больной. Хозяйка хлопотливо стряпала ей яичницу и Вавочка ѣла яичницу тутъ же подлѣ Анютки, чтобы только подкрѣпить упавшія силы, подавали молоко Вавочкѣ и та машинально глотала молоко и снова то безмолвно караулила забытье Анютки, то мѣняла компрессы на ея головѣ и давала ей лекарство и питье.

Иногда она забывалась на полчаса, но тотчасъ же вскакивала, точно отъ толчка, схватывалась за лекарства и компрессы, съ ужасомъ заглядывая въ исхудалое личико больной.

Марья съ мужемъ съ надеждой и трепетомъ въ свою очередь смотрѣли въ глаза Вавочкѣ, ловили каждое ея приказаніе и торопились исполнить все, что говорила имъ эта худенькая, воздушная барышня, еще недавно, съ гордымъ, важнымъ, теперь же съ измученнымъ отъ безсонницы лицомъ. Анютка была единственнымъ и любимымъ дѣтищемъ четы Антоновыхъ, и не мудрено поэтому, что такъ дрожали отецъ съ матерью за жизнь своего ребенка.

Въ Вавочкины силы, знаніе и умѣнье ея ухаживать за больною они вѣрили безъ колебаній и не теряли ни на минуту надежды на счастливый исходъ болѣзни дочери. На блѣдную измученную Вавочку они теперь просто молились.

— Ангелъ Божій! Святая ты наша! Благодѣтельница!—шептала, рыдая, Марья и покрывала слезами тонкія ручки молодой дѣвушки.

По утрамъ, когда добровольная Анюткина сидѣлка выходила на крыльцо освѣжить на воздухѣ усталую отъ безсонницы голову, первое, что бросалось въ глаза Вавочкѣ, была дежурившая въ строго опредѣленный часъ неподалеку отъ избы Антона толпа ребятишекъ. Ихъ напряженныя, выжидательныя личики, ихъ испуганно-внимательные глазенки говорили безъ словъ о тревогѣ, переживаемой ими.

— Идите! Идите! Заразитесь еще! — издали кричала имъ Вавочка и махала руками.

— А што, легше-ль Анюткѣ?—раздавался чей-нибудь несмѣлый голосокъ.

— Не померла-бы?—вторилъ ему другой.

— Кричала ночью-то?—освѣдомлялся третій.

— А, може, полегше, а! Варвара Павловна, скажи, сдѣлай таку Божеску милость!—кричало ей издали сразу нѣсколько встревоженныхъ дѣтскихъ голосовъ.

— Я за ейное здоровье свѣчечку поставила за грошикъ!—Грошикъ у мамки выпросила!—торжественно заявляла какая-нибудь быстроглазая, чумазенькая подружка Анютки.

— А я ей яичко принесъ. Прямо изъ-подъ хохлатки — яичко-то... Свѣ-же-нь-кое! — заявлялъ Антипка и торжественно клалъ яичко на землю передъ крыльцомъ Антоновой избы.

*

Вавочка ждала, пока уйдутъ дѣтишки, кивала имъ головою, потомъ быстро спускалась съ крыльца, брала яичко и несла его въ избу. И вмѣстѣ съ нимъ несла въ сердце что-то смутное и тревожное, и сладкое-сладкое безъ конца, безъ границъ.

Это сладкое и тревожное и связывало теперь ее, недавнюю гордую, великолѣпную Вавочку съ грязною, чумазою крестьянскою дѣтворой. Теперь уже и дѣтвора эта не смотрѣла искоса и враждебно на нее, Вавочку... Теперь дѣти, видя ея измученное, худенькое личико, зная про ея безсонныя ночи и уходъ за Анюткой, невольно чувствовали въ ней, въ чужой и холодной «учительшѣ» своего родного, близкаго человѣка. Болѣзнь голубоглазой Анютки послужила имъ первымъ соединяющимъ звеномъ.

А ночь все тянулась и тянулась, безконечная, тяжелая ночь. Эта ночь — ночь кризиса. Если Анюткѣ удастся пропотѣть въ эту ночь сегодня, болѣзь, по словамъ доктора, должна будетъ поддаться леченію и, можетъ статься, пойдетъ на убыль сразу тогда. Если же не подѣйствуетъ на больную та огромная доза лекарства, влитая Вавочкой, по предписанію врача, въ потемнѣвшій отъ жара ротикъ Анютки,—ребенокъ умретъ.

Ночь кризиса, девятая по счету, ужасная ночь...

Больная не успокаивается ни на минуту: она то дико вскрикиваетъ и порывается вскочить и убѣжать куда-то, то затихаетъ и съ прерваннымъ дыханіемъ лежитъ, какъ мертвая, на своей скамьѣ. Груда одѣялъ, одежды и подушекъ лежитъ на этомъ худенькомъ тѣльцѣ, плотно окутавъ его со всѣхъ сторонъ. Надо вызвать въ

немъ испарину, во чтобы то ни стало, въ этомъ измученномъ худенькомъ тѣльцѣ. Въ испаринѣ — спасенье. Это твердо знаетъ, со словъ доктора, Вавочка и крѣпко вѣритъ въ это.

Анютка кричитъ. Ея лицо такъ и пышетъ жаромъ... Глаза нестерпимо горятъ.

— Душно! Душно! Камень на груди! Возьми камень, мамка! возьми! возьми! — стонами и воплями несется изъ груди больной.

Марья проснулась отъ этихъ криковъ и, какъ безумная, ринулась къ дочери...

— Никакъ помираетъ? Барышня? а барышня?— шопотомъ срывается съ ея губъ, Но Вавочка не слышитъ и не видитъ ее. Вавочка низко наклонилась надъ Анюткой, обхватила дрожащими руками ея худенькое тѣльце поверхъ всѣхъ платковъ, одѣяла и теплыхъ полушубковъ и такъ и впилась взглядомъ въ лицо больной.

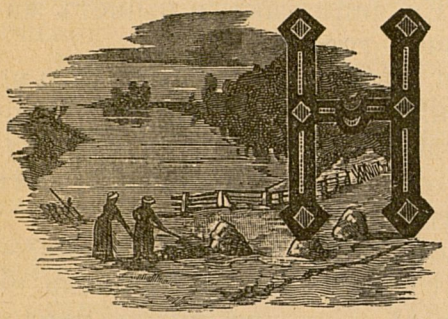
Анютка уже не мечется, не кричитъ, не стонетъ. Только короткое частое дыханіе со свистомъ вылетаетъ изъ ея груди. На исхудалое, вымученное личико легли темныя тѣни. Запекшійся, какъ у бѣднаго, голоднаго птенчика ссохшійся ротикъ жадно хватаетъ воздухъ... Вотъ тише, глуше становится дыханіе... Вотъ почти затихло оно.

— Умираетъ!—яркая и страшная, какъ молнія, мысль пронизываетъ мозгъ Вавочки.

— Отходитъ... За батюшкой-бы... За отцомъ Паисіемъ!—глухо рыдаетъ Марья и бьется головой у ногъ своего ребенка.

Вавочка наклоняется еще ниже, почти къ самому лицу больной, касается щекою ея маленькаго лба и легкій крикъ срывается съ дрогнувшихъ губъ молодой дѣвушки.

Лобъ Анютки сталъ влажнымъ отъ пота. Жаръ спалъ. Дѣвочка была спасена...



ГЛАВА X.

Переломъ.

ОЧЬ миновала.

Раннее темное зимнее утро встало надъ Александровкой и тускло заглянуло въ заиндивѣвшія отъ мороза окна Антоновой избы. Анютка спала.

Слабое, но ровное дыханіе поднимало худенькую грудку дѣвочки. Лицо приняло спокойное выраженіе. Спала и Вавочка, прикурнувъ пепельной головкой къ подушкѣ подлѣ своей маленькой паціентки.

Это былъ ея первый, подкрѣпляющій тѣло и душу сонъ съ перваго дня страшной Анюткиной болѣзни. И Марья, успокоенная за жизнь своего единственнаго дѣтища, уснула, какъ мертвая, на печи.

Къ восьми часамъ вернулся хозяинъ. Стукъ въ дверь разбудилъ его жену. Она пошла открыть сѣни и тутъ же въ полголоса сообщила мужу радостную вѣсть.

— Ангелъ Божій! Спаси ее, Господь, барышню нашу!—истово крестясь на образъ и роняя счастливыя слезы, произнесъ тотъ, входя въ избу и окидывая быстрымъ взоромъ спавшихъ крѣпкимъ сномъ Вавочку и Анютку.

Только къ десяти часамъ совсѣмъ разсвѣло. Вавочка проснулась, когда бѣлый день уже смотрѣлъ въ окна избушки. Быстро вскочила она, подняла голову и тревожно взглянула на спящую Анютку.

Ровное спокойное дыханіе дѣвочки раздавалось теперь сладкой музыкой въ разомъ просвѣтлѣвшей Вавочкиной душѣ... Личико больной лоснилось крупными каплями пота... Жара не было. Испарина все болѣе и болѣе проступала на худенькомъ, ослабѣвшемъ отъ недуга тѣльцѣ малютки. Она была окончательно спасена.

Шумная, ликующая радость охватила вмигъ ожившую душу Вавочки... Сердце ея забилось утроеннымъ темпомъ... Слезы счастья брызнули изъ глазъ

— Господи! Господи!—могла только пролепетать она и молитвенно подняла на образъ затуманенные глаза.

Она не слышала, что говорили ей Антоновъ съ женой, какъ горячо благодарили ее, какъ призывали на ея голову благословеніе Божіе, ничего этого не слыхала она. Вавочка была, какъ въ чаду. Съ радостно закружившеюся головой, съ бьющимся сердцемъ, вся взволнованная, счастливая выбѣжала она на крыльцо. Тамъ, давно поджидая ее, стояла толпа школьныхъ ребятишекъ.

Ликующимъ, загорѣвшимся взоромъ обвела она всѣ эти, ставшія ей родными въ эту сладкую минуту общей тревоги и общей радости, лица и закричала громко, замахавъ имъ издали съ крыльца рукой:

— Легче Анюткѣ!. Легче! Поправляться стала! Выздоровѣетъ теперь скоро Анютка наша.

И заплакала вдругъ, недавняя гордая, велико-

лѣпная Вавочка, заплакала неожиданно для самой себя отъ разомъ нахлынувшаго въ сердце чувства сладкаго сознанія содѣяннаго добра и пользы.

ГЛАВА XI.

Судьба сроднила.

ТЕЦЪ Паисій съ матушкой сидѣли подъ навѣсомъ своего крошечнаго домика и радушно угощали чаемъ прибѣжавшую къ нимъ дорогую гостью.

Эта гостья, въ простенькомъ-свѣтломъ платьицѣ, со скромно и гладко причесанной пепельной косой, съ задумчивымъ, немного грустнымъ личикомъ, съ удовольствіемъ прихлебывала чай, заѣдая его земляничнымъ вареньемъ, собственной матушкиной варки нынѣшняго лѣта, и внимательно слушала, что говорилъ ей сѣдой и ласковый отецъ Паисій.

— Вотъ и Петровокъ дождались... И сѣнокоса. Инъ теплынь-то какая!.. Дастъ Господь, до дождей сѣнце уберутъ... Завтрашній день-то праздникъ великій... работать грѣхъ... анъ въ поле всѣ же пойдемъ... На сѣнцѣ душистомъ полежать... Чайку попить на лонѣ матушки природы. Славно! Мать, самоваръ съ собой прихватить, развѣ? а? Правильно говорю я, мать?—шутливо обернулся о.

Паисій къ своей далеко не старой, но полной и рыхлой отъ деревенской жизни супругѣ.

— Ты ужъ у меня, извѣстное дѣло, затѣйникъ...—добродушно усмѣхнулась она.

— А завтра по покойному папашѣ Варвары Павловны панихидку отслужимъ. Вѣдь память, чай, покойнику завтра, барышня? Въ Петра и Павла имянинникъ были?—обернулся, чуть прищурившись отъ солнца, къ неожидавшей этого вопроса Вавочкѣ священникъ.

— Въ Петра и Павла, батюшка, — тихо проронила та, пораженная этой чуткостью чужого ей и совсѣмъ далекаго человѣка.

— То-то мнѣ Вавилычъ говорилъ! Не ошибся, значитъ, старикъ!—довольнымъ теплымъ голосомъ снова произнесъ священникъ и заботливо придвинулъ къ Вавочкѣ корзинку съ домашнимъ печеньемъ.

Глубоко задумалась Вавочка.

Жаркій лѣтній день, канунъ великаго деревенскаго праздника, привѣтствовалъ сегодня своей теплой лаской природу. Нарядно и пышно убралась по лѣтнему степь. Молодая рожь и пшеница наливались въ яркихъ солнечныхъ лучахъ. Спѣла бѣлокудрая гречиха... Пышно пестрѣли зеленыя поля... Зеленѣлъ овесъ и трава, разукрашенная на диво кашкой, кукушкиными слезками, полевой гвоздикой и дикой ромашкой, прелестной, какъ мечта. Тамъ дальше, на горизонтѣ темнѣла гряда холмовъ—и небо, сливаясь съ землею, синѣло, какъ море далекихъ и тихихъ воздушныхъ странъ. Ласково смѣялось солнце и точно заглядывало въ душу Вавочки, стараясь пригрѣть, приласкать ее.

Сладко и грустно было не сердцѣ дѣвушки. Чуткая предупредительность добраго о. Паисія,

заботливое вниманіе Вавилыча, доброе отношеніе къ ней новыхъ деревенскихъ друзей, смущало, трогало и безсознательно радовало размягченую, обновившуюся за эту послѣднюю зиму душу Вавочки.

Ей хотѣлось сейчасъ уронить голову на столъ, и горько и сладко заплакать, какъ поправившемуся отъ продолжительнаго и тяжкаго недуга ребенку.

Она наскоро поблагодарила гостепріимныхъ хозяевъ, къ которымъ частенько забѣгала теперь, и тихонько направилась къ себѣ домой, въ школу.

Встрѣчные мужики и бабы ласково и добродушно кивали ей головою... Кое-кто изъ нихъ останавливался перемолвиться словечкомъ. Говорили о будущемъ урожаѣ, жаловались на заботы, отягощавшія эти трудолюбивыя, усталыя головы, просили совѣта и лѣкарства, освѣдомлялись, наконецъ, о томъ, какъ преуспѣвали зимою въ школѣ ихъ вихрастые, бѣлокурые Ваньки, Митьки, Анютки и Машутки.

И для всѣхъ этихъ людей, простыхъ и сердечныхъ, былъ готовъ у Вавочки такой же, какъ и они сами, простой и сердечный отвѣтъ. Словно подмѣнила за зиму проказница судьба прежнюю гордую, надменную Вавочку на эту милую, ласковую и простую дѣвушку. Болѣзнь Анютки и пережитыя у ея одра мученья переродили окончательно и безповоротно недавнюю свѣтскую гордую куколку...

А даль смѣялась и степь пышно пестрѣла въ золотѣ начинающихъ зрѣть хлѣбныхъ злаковъ, въ роскошномъ уборѣ нарядныхъ радушныхъ іюньскихъ цвѣтовъ.

Вниманіе Вавочки было невольно привлечено

царившимъ оживленіемъ около школы. Посреди довольно густой толпы ребятишекъ стоялъ на своей неизмѣнной деревяшкѣ Вавилычъ и оживленно толковалъ имъ что-то. Увидя подходившую Вавочку, онъ еще оживленнѣе замахалъ руками и поспѣшилъ ей на встрѣчу.

— Барышня, матушка, выручите!—закричалъ онъ ей еще издали,—совсѣмъ «вихры» меня наши одолѣли... Явите таку Божеску милость, не допущайте ихъ въ школу, ораву эту. Инъ, только-что полы отскребъ къ завтрашнему празднику, а они вишь опять напачкать норовятъ... Вѣдь съ запруды пришли, пострѣлята... Вишь карасиковъ вамъ наловили. Покажь карасей, Антипка,—скомандовалъ, обращаясь къ неизмѣнному главарю толпы и коноводу ея, Вавилычъ.

Антипка съ торжествующимъ видомъ выступилъ впередъ. Его бѣлобрысая рожица такъ и сіяла. Въ засаленномъ картузѣ мальчика, сверкая на солнцѣ серебристыми тѣлами, безпомощно трепетали четыре живые карася.

— Вотъ тебѣ гостинчикъ отъ меня!—съ побѣдоноснымъ видомъ произнесъ Антипка, протягивая Вавочкѣ своихъ карасей.

— А это земляничи малость! Сама насбирала! — произнесла робкая, миловидная Машуха, всегда дичившаяся всего и державшая себя въ сторонѣ отъ ребятъ.

— А ты, Анютка, што-жъ ты... вдругъ неожиданно засуетился Антипка.—Она тебѣ, Варвара Павловна, живого воробья приволокла. Ей Богу!—весело прыснувъ, расхохотался онъ.

— Воробья? Какого воробья?—недоумѣвающе спрашивала Вавочка.

Анюта, какъ всегда, худенькая и миніатюрная,

но не блѣдная теперь, а загорѣлая, какъ арапъ на солнцѣ, стыдливо выдвинулась впередъ и протянула Вавочкѣ свою грязную рученку. Чуть-чуть сжатый въ ея крошечномъ кулачкѣ и смѣло ворочая потѣшной маленькой головою съ желтымъ клювомъ, сидѣлъ маленькій, чуть оперившійся воробей-дѣтенышъ. Глаза Анютки такъ и сіяли, ротъ улыбался до ушей.

— Возьми себѣ воробышка, Варвара Павловна, изъ гнѣзда выпалъ...—лепетала она,—у тебя онъ сохраннѣе будетъ... — Ты обхождаться съ ими умѣешь, а у меня помретъ, — пряча подъ пушистыми рѣсницами свои голубые глазки, заключила дѣвочка и рѣшительно протянула Вавочкѣ воробья.

— Анютка, хошь, скажу учительшѣ, што-ли?— вдругъ задорно выкрикнулъ Антипка и лукавыми глазами обвелъ толпу ребятъ.

— Не смѣй, не смѣй!—вдругъ разомъ встрепенулась Анютка и сердито блеснула глазами въ сторону шалуна.

— А я скажу!—не унимался тотъ, — слышь, Варвара Павловна, Анютка-то ревмя-ревѣла допрежь того, какъ отнести къ тебѣ воробья своего! торжественно заявилъ онъ.

Анютка вспыхнула, быстро закрыла лицо передникомъ и юркнула за толпу дѣтей.

А Антипка между тѣмъ затараторилъ быстро, боясь, чтобы кто-либо не опередилъ его объясненіемъ Анюткиныхъ слезъ.

— Анюткѣ воробья жалко... Она его кормила, поила... Ровно мамка дѣтеныша... Онъ клювикомъ изъ роту у нея хлѣбушко бралъ. А какъ узнала она, што всѣ мы тебя гостинчикомъ потчивать задумали, такъ и она, Анютка, значитъ, отдала воробья.

— Вотъ какъ!—могла только произнести Вавочка, охваченная приливомъ свѣтлаго благодарнаго чувства къ своей любимицѣ.—Ну, ребятишки, — спасибо вамъ, — дрогнувшимъ голосомъ, послѣ минутнаго молчанія, произнесла она:—хотите еще побаловать ворчунью учительницу вашу? А?

— Хотимъ! Хотимъ!—хоромъ закричали дѣти.

— Такъ цвѣтовъ мнѣ на лужайкѣ насбирайте и сюда принесите мнѣ!.. Слышите? Очень я люблю цвѣты, дѣти! Ну, кто скорѣе! Разъ... два... три!..

Едва только успѣла произнести свою фразу Вавочка, какъ съ визгомъ и крикомъ на перегонки бросилась къ лугу веселая смѣющаяся толпа ребятишекъ съ неизмѣннымъ Антипкой въ авангардѣ ея. Кинулась и Анютка слѣдомъ за остальными... Кинулась и остановилась, какъ вкопанная, на мѣстѣ.

— Анюта, подойди ко мнѣ! — услышала она голосъ учительницы, позвавшей ее.

И когда смущенная неожиданностью, малютка несмѣло приблизилась къ Вавочкѣ, та ласково обняла ее и спросила тихонько, заглядывая въ ея свѣтлые голубые глазенки:

— Если тебѣ жаль было отдавать воробышка, Анюта, зачѣмъ же ты сдѣлала это?

Дѣвочка задумалась на минуту. Опустила глаза. Потомъ подняла снова и, устремивъ ихъ въ красивое молодое лицо Вавочки, отвѣтила своимъ звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ:

— Воробышка жаль, вѣстимо... а тебя еще жальче... Варвара Павловна. Эвона о. Паисій сказывалъ, у тебя тятя лѣтось померъ... Завтра поминать будешь... Такъ нешто легко? Вотъ мы и поладили промежь себя, ребята, тебѣ кто,—што,

притащить изъ лѣса тогда съ рѣки... А я — воробья, вотъ энтакого... Ты за мной ходила... Такъ нешто мнѣ позабыть?.. Померла-бы я, кабы не ты!—степенно и важно, какъ взрослая, заключила свою рѣчь Анютка и неожиданно умолкла вдругъ.

Двѣ нѣжныя, тонкія, чуть тронутыя загаромъ руки обвили ея шею и розовыя губки Вавочки прижались къ ея маленькимъ дѣтскимъ губамъ.

— Спасибо, Анюточка, спасибо!—прошептала дѣвушка и, крѣпко поцѣловавъ ребенка, взволнованная и потрясенная она вошла въ сѣни...

А даль смѣялась и солнце смѣялось вмѣстѣ съ далью, и старый Вавилычъ, незамѣченный Вавочкой и Анюткой, тихо притаясь въ сторонѣ, у плетня, смахивалъ съ сиваго уса непрошенную, старческую слезу. .

КОНЕЦЪ.

П. 1962 г.
Акт Р к-2677
1

Сочиненія Ф. Бернетъ.

Приключенія маленькаго лорда. Сочин. Ф. Бернетъ. Перев. Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. Содержаніе: Неожиданность.—Друзья Цедрика. –Отъѣздъ.—Въ Англіи.—Въ замкѣ.—Графъ и его внукъ.—Въ церкви.—Урокъ верховой ѣзды. — Бѣдные домики. — Тревога въ Америкѣ.—опер ники.—Дикъ является на выручку.—Уличенъ.—Восьмой день его рожденія.

Свѣтъ во тьмѣ. Повѣсть. Соч. **Ф. Бернетъ.** Пер. Е. М. Чистяковой-Вэръ. ъ рисунк., въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

„Свѣтъ во тьмѣ“ повѣсть для юношества **Ф. Г. Бернетъ.** Мы называли эту книгу повѣстью для юношества, однако, по отзывамъ англійской критики Call-Mall gazette, Times и др., ее съ одинаковымъ интересомъ прочтутъ и дѣти и юноши, и старые люди. Характеръ героини этого произведенія Бернетъ волнуетъ читателя своимъ простымъ благородствомъ. Трогательны и занимательны эпизоды, касающіеся молоденькой дочери пастора и ея дружбы съ маленькимъ оборванцемъ, съ его собакой и со старымъ озлобленнымъ углекопомъ. Интересно обрисована жизнь шахтеровъ и всего захолустнаго „угольнаго“ городка. Каждая страница этой книги дышитъ правдивостью; бодрость, любовь къ жизни къ труду и къ людямъ будитъ она въ душѣ.

Маленькіе пилигримы. Повѣсть. Соч. **Ф. Бернетъ.** Переводъ съ англійск. Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ рисунками, ц. 1 р. 25 к.

„Маленькіе пилигримы“ **Ф. Г. Бернетъ** — прелестный дѣтскій романъ, полный трогательныхъ и забавныхъ событій, которыя встрѣчаются на пути маленькихъ путниковъ.

Казалось невозможнымъ, чтобы рука, написавшая „Свѣтъ во тьмѣ“ или „Маленькій лордъ“, могла создать книгу соперницу этихъ произведеній. Однако прочитавъ повѣсть „Маленькіе пилигримы“, мы видимъ это воочію. „Маленькіе пилигримы“ самое сильное и прелестное произведеніе пера миссисъ Бернетъ. Газета „Пель-Мель“ (Pall-Mall gazette).

Таинственный садъ. Повѣсть Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Рѣпиной. Это новое сочиненіе даровитаго англійскаго писателя прочтется русской публикой—какъ и другіе. Съ 38 рис. 304 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

„Маленькая принцесса“ Сочин. миссисъ Ф. Г. Бернетъ, съ иллюстраціями Гарольда Циффарда. Перев. Е. М. Чистяковой. Спб. ц. 1 р. 25 к. „Это, по истинѣ, прекрасный разсказъ, написанный съ большимъ юморомъ и чувствомъ. И взрослые, и дѣти, безъ сомнѣнія, сочтутъ „Маленькую Принцессу“ однимъ изъ самыхъ восхитительныхъ собесѣдниковъ, которыхъ далъ намъ книжный рынокъ этого года“. „Ежедневный телеграфъ“. („Daily Telegraph“). Эта повѣсть вполнѣ достойна стать рядомъ съ „Маленькимъ Лордомъ“. Въ ней такъ разсказывается о дѣтскомъ мірѣ, что дѣти всѣхъ круговъ общества поймутъ свое мѣсто въ ней и свою роль, глядя на жизнь черезъ волшебное стекло простой человѣческой доброты и ни чѣмъ не отуманеннаго идеализма. „Маленькая Принцесса“ принадлежитъ къ числу самыхъ прекрасныхъ книгъ, вышедшихъ въ этомъ году“. „Школьная Хроника“. (School Chronicle).

Въ запертой комнатѣ. Соч. **Ф. Бернетъ.** Съ рисунками художницы Смисъ. Пер. съ англійскаго Е. Д. Пеликанъ. Ц. 15 к.

Сочиненія Л. МИДЪ.

Первые шаги. Сочин. **Л. Мидъ**. Повѣсть для дѣвицъ. Перев. съ англійск. Е. М. Чистяковой. Съ рисунками въ папкѣ. Ц. 1 р. 20 к. Въ этой повѣсти талантливый авторъ очень удачно нарисовала въ живыхъ интересныхъ картинахъ бытъ современнаго англійскаго общества, его семейный строй и воспитаніе.

Дѣвичій мірокъ. Исторія одной школы. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной, съ раскраш. рисунками, въ папкѣ. 228 стр. Спб., ц. 1 р. Уч. К. М. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. гор. учил., а также и въ сред. учеб. зав., преим. женскія.

Дѣдушка и внучка. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ рисун. 236 стр. въ папкѣ ц. 1 р. Трогательная исторія маленькой Доротеи, завладѣвшей сердцемъ стараго скряги дѣда. Англійская пресса съ величайшей похвалой отзывается объ этомъ произведеніи, украшенномъ блестками юмора и интересными сценами, наполненными оригинальными положеніями.

Студентки. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ М. Лялиной, съ рисун., 240 стр.; въ папкѣ ц. 1 р. Имя Л. Мидъ пользуется въ Англіи громаднымъ успѣхомъ. Ею написано много книгъ и всѣ они расходятся превосходно, благодаря тому, что она въ своихъ произведеніяхъ освѣщаетъ правдиво міръ молоденькихъ дѣвицъ, въ описаніяхъ, полныхъ захватывающаго интереса.

Школьницы. Повѣсть изъ англійской жизни. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ рис., 293 стр. въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 к.

На необитаемомъ островѣ. Приключенія четырехъ дѣтей, унесенныхъ бурей въ море. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ, въ папкѣ, цѣна 1 рубль.

Семь дѣвицъ. Повѣсть **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ. Въ красивой папкѣ, цѣна 1 рубль.

„Дружокъ“. **Картинка деревенской жизни.** 90 разсказовъ изъ деревенской жизни. Зима, Весна, Лѣто, Осень. Соч. **И. Агафонова-Лѣсного**. Съ 165 рис. 265 стр., въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

Волны жизни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Сочин. **А. В. Барченко**. Съ 60 рисунк., 283 стр. Спб. 1914 г., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Золотое время. Разсказы для дѣтей средняго возраста. Сочиненіе Зои Щербачевой. Съ рис. художн. М. Михайлова; въ папкѣ, цѣна 1 р. 35 к.

Изъ Кіева на тронъ французскій. Историческая повѣсть временъ княженія Ярослава Мудраго. очин. **М. Д. Ордынцева-Кострицкаго**. Съ рисунк. ц. 45 к. Въ этой повѣсти описывается выдача въ замужество дочери Ярослава — Анны за французскаго короля Генриха I-го.

За Московскій тронъ. Историческая повѣсть изъ смутнаго времени на Руси. Сочин. **М. Д. Ордынцева-Кострицкаго**. Съ рисунк. ц. 75 к. Въ этой повѣсти авторъ рисуетъ печальную картину великой разрухи русскаго государства и общества—съ героями-патріотами и измѣнниками-предателями, водившими дружбу съ поляками и ихъ вождями.

ГПБ Русский фонд
37.65.2.30

Цѣна 1 р. 50 к.

Переплетная М. Д. Клеманъ